ЗНАНИЕ — СИЛА 8/91

Индекс 70332

Цена при подписке 80 коп.
в розничной продаже —
1 руб. 50 коп.

Ежемесячный
научно-популярный
и научно-художественный
журнал для молодежи

Учредители —
Всесоюзное общество
«Знание»
и трудовой коллектив
редакции

№ 8 (770)
Издается с 1926 года

Читайте в ближайших номерах:

Что Нострадамус предсказал России.
Язык, на котором говорят политики.
Немецкий рецепт экономической реформы.
«Птенцы гнезда Петрова» — их особая роль в истории.
Судьба Петра Струве.
Александр Мень, из цикла «Жизнь и смерть».

В НОМЕРЕ

Сдано в набор 06.06.91
Подписано к печати 29.07.91
Формат 70×108 1/16
Офсетная печать
Гарнитура литературная
Печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 8,1
Уч.-изд. л. 13,0
Усл. кр.-отт. 36,4
Тираж 302 765 экз.
Заказ № 890

Адрес редакции:
113114, Москва,
Кожевническая ул., 19,
строение 6
Тел. 235-89-35

Всесоюзное общество
«Знание»
101813, Москва,
проезд Серова, 4

Ордена Трудового
Красного Знамени
Чеховский
полиграфический комбинат
Государственного
комитета СССР
по печати.
142300, г. Чехов
Московской области

Подписка на журнал «Знание — сила» принимается без ограничений всеми отделениями связи.

ISSN 0130—1640 «Знание — сила», 1991, № 8, 1—96

ПОЛЮСА ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ РОССИИ

ISSN 0130–1640

„Knowledge is power“ *(F. Bacon)*

ЗНАНИЕ-СИЛА 8/91

ЗНАНИЕ — СИЛА 8/91

Ежемесячный научно-популярный и научно-художественный журнал для молодежи

Учредители — Всесоюзное общество «Знание» и трудовой коллектив редакции

№ 8 (770)
Издается с 1926 года

МАСШТАБЫ ИСТОРИИ

История почти всегда ставит меты
на своих поворотных точках,
хотя их пламенеющие знаки зачастую
проходят мимо глаз современников...

Л. Гордон, Э. Клопов
«Тридцатые — сороковые»

КРАТКИЙ МИГ РОССИЙСКОЙ СВОБОДЫ

Каким путем идти дальше?

В. Пантин,
В. Лапкин

1

Каким путем идти дальше?

Какие реформы и какими средствами проводить?

И чего ожидать в результате своих действий?

Вот вопросы, которые стоят перед страной сегодня. И значит — самое время окинуть взором трагический опыт предшествующих попыток модернизации России. Все переживаемое нами ныне, все события, все взлеты и откаты общественного переустройства происходят не в вакууме. Исторические варианты российского развития и вполне определенная связь внутрироссийских событий с состоянием мирового хозяйства налагает жесткие ограничения на возможности и сроки, отпущенные реформаторам. Нынешняя чрезвычайно длительная и мучительная для общества подготовка к выработке стратегии реформ — целая эпоха, названная «перестройкой» и не осуществившая до конца свое предназначение и по сей день,— грозит стране цейтнотом: когда радикальные хозяйственные реформы наконец начнутся, времени на их полноценную реализацию уже не будет. Внутриполитическая лихорадка и нестабильность мировой конъюнктуры последних месяцев — дополнительное о том предупреждение. Дело усугубляется еще и тем, что проблемы взаимодействия мирового рынка с государствами нерыночных укладов, с нашей страной прежде всего, до сих пор почти не анализировались. Не анализировалась взаимосвязь ключевых событий истории со сдвигами мировой конъюнктуры — у нас есть уверенность, что такая связь, безусловно, существует.

Думаем, для понимания процессов общественного развития и прогноза особое значение имеют циклы реформ — контрреформ[1]. И рассматривать их следует в широком контексте общемирового исторического процесса, включающего социальные и экономические преобразования всей системы мирового рынка.

Что же представляют собою эти циклы модернизации через реформы и контрреформы, столь характерные для развития России?

В самом общем виде внешний ход событий в цикле модернизации таков. Достигнув крупных успехов в усилении власти, укреплении централизованного хозяйственного и политического режима внутри страны и российского державного статуса во внешней политике, Российское государство, всегда играющее роль основного субъекта преобразований в стране, «вдруг» теряет инициативу, впадает в «застой» и начинает терпеть чувствительные неудачи в сфере мировой политики. Эта ситуация подготавливает постепенный поворот к реформам, призванным ослабить государственное закрепощение внутри страны, разбудить задавленную частную инициативу, дать некоторую свободу рыночным отношениям и предпринимательству. Потому что понятно — активизация деятельности предпринимателя всегда происходит «на основе» частичной деструкции государственного сектора. Тем самым подспудная социальная дифференциация раскрепощается и реализуется в политической дифференциации общества. А это, естественно, маложелательный процесс для реформаторов. И вот постепенно, через ряд переходных колебаний общественных настроений и политической нестабильности, страна вступает в новую фазу цикла — начинается движение к контрреформам.

Контрреформы, однако,— это не «реформы со знаком минус», это своеобразное следствие реформ в том виде, как они проведены, и одновременно способ разрешения общественных противоречий, реформами порожденных. «Либерализация» и вызываемая ею политизация общества всякий раз, фатально не столько лечит российское общество, сколько раскалывает, а порою и взрывает его и торит дорогу контрреформатору. Вместе с тем контрреформы — это продолжение начавшегося витка модернизации государственной, военной системы, но уже другими средствами, средствами жестких, авторитарных или тоталитарных режимов. Ценою нового государственного закрепощения, путем удушения ранее «дарованных» государством свобод и послаблений частному хозяйственному интересу, путем хищнического использования людских и природных ресурсов эти режимы добиваются успеха в осуществлении модернизации, в осуществлении своих целей внутри и вовне, но, увы, через какое-то время с неизбежностью обнаруживается историческая недолговечность их успехов. И после фазы «застоя» страна вновь вступает в эпоху подготовки к новым реформам.

Таково самое общее описание циклов модернизации. Теперь попробуем наполнить их конкретным содержанием российской истории XIX — XX веков.

2

Заканчивается пышный, победоносный «век Екатерины». При Павле I Россию преследуют серьезные внешнеполи-

[1] Политологический подход к описанию этих циклов разрабатывается А. Яновым, ряд важных реформ и контрреформ рассмотрены Н. Эйдельманом, Г. Поповым, Г. Лебедевым, В. Криворотовым. Однако глубокое изучение их природы и происхождения, логики их взаимодействия с общемировыми процессами только начинается.

тические неудачи и изнуряет ожесточенная борьба за власть внутри страны. Власть в лице Павла предпринимает неоднократные резкие повороты политического курса, но дéла это не меняет. Ссора императора с дворянством, окончившаяся цареубийством, обозначила кризис.

Новый император, Александр I, воцаряется после насильственной смерти отца. Он горит желанием изменить существующие порядки, о них он писал своему другу Кочубею еще во времена царствования бабушки: «...В наших делах господствует неимоверный беспорядок, грабят со всех сторон, все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя, несмотря на то, стремится к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления?».

Наступает «дней Александровых прекрасное начало», когда молодой царь, опираясь на своих приближенных, Кочубея, Чарторижского и других, пытается провести, и проводит, ряд важных реформ, среди которых — учреждение министерств вместо устаревших петровских Коллегий. Им, министерствам этим, суждена долгая жизнь. Александр I издает указ, разрешающий переводить крепостных в «вольные хлебопашцы» (в наших сегодняшних терминах это почти что «фермеры»). Указ чрезвычайно важный. Пик реформ приходит к 1805 году, когда Россия вступает в новую войну с наполеоновской Францией. После Тильзитского мира в 1807 году делается еще одна — последняя в этом цикле — попытка реформ Сперанского. Однако время реформ уходит: Сперанский составляет «План государственных преобразований», но плану этому не суждено воплотиться в жизнь. Ситуация меняется быстро, стране не до реформ, и почти единственный реальный итог деятельности Сперанского — учреждение Государственного совета в 1810 году. Но реформой это, увы, не назовешь.

После разгрома Наполеона реформаторские настроения Александра I улетучиваются. Наступает «аракчеевщина». Возникают военные поселения казарменного типа для крестьян, своего рода предвосхищение практики милитаризации труда и «трудовых армий» периода «военного коммунизма», репетиция грядущих контрреформ. Заметим, что Аракчеев занимал крупные посты на протяжении всего царствования Александра и даже участвовал в разработке проекта реформ. Но меняются времена — меняется и характер действий российской администрации.

И все же эпоха контрреформ, охватывающих все стороны российской общественной жизни, начинается лишь с 1825 года, уже при Николае I, прозванном в народе Николаем Палкиным... Учреждение Третьего отделения императорской канцелярии и корпуса жандармов, цензурный устав, прозванный «чугунным», мундиры и муштра, доносы и официальная идеология «самодержавия, православия, народности» — это уже настоящие контрреформы. Вместе с тем при николаевском режиме бурно развивается российская промышленность, прежде всего текстильная и металлургическая, связанные с государственным и военным спросом. В эту пору происходят глубокие изменения и сдвиги в социальной структуре российского общества, особенно сильно разрастается чиновничество. Возникает новый общественный слой — «разночинцы», которому суждена в будущем важная роль.

На протяжении двадцатых — сороковых годов Россия ведет успешные войны и расширяет пределы империи. Но в середине 1850-х годов происходит сбой: Россия в Крымской войне оказывается противостоящей не одной Турции, но и Англии, и Франции, после чего следует падение Севастополя и смерть Николая I.

Сделаем небольшое отступление и скажем, что Россия конца царствования Николая — это не Россия конца «века Екатерины», произошли значительные сдвиги в обществе, произошла модернизация государства. И тем не менее Крымская война наглядно обнаружила стратегическое отставание России от ведущих западных держав. Цикл модернизации через реформы и контрреформы пройден, но вновь воспроизведены проблемы национального развития, побуждающие страну войти в новый цикл модернизации — цикл великих реформ Александра II и контрреформ Александра III.

В этом новом цикле ярко выделяется краткий, но насыщенный период подготовки к реформам. Он продолжается с 1857 до 1861 года, «дней Александровых прекрасное начало», или, если угодно, «оттепели». Значение этого периода, когда оживляется и бурлит общественная жизнь, когда свыше объявлена «гласность», когда либеральное течение, как кажется, пользуется большим влиянием, когда «Колокол» Герцена и Огарева читают министры и сам царь, значение его — прежде всего в выдвижении различных вариантов реформ и в выработке такого варианта, который давал бы известный простор развитию новых общественных и хозяйственных отношений, но, естественно, под

Какие реформы и какими средствами проводить?

контролем государственного аппарата и при условии обеспечивать на обозримое будущее интересы помещичьего землевладения и высшего чиновничества.

В 1861 году появляется главная реформа — провозглашенная Манифестом об отмене крепостного права. После этого общественная ситуация резко меняется: следует арест радикальных публицистов Михайлова и Чернышевского, возникают таинственные петербургские пожары, приписываемые «нигилистам» и студентам, наконец, происходят польские события 1863 года.

Реформы продолжаются, и важные реформы — судебная, земская, городская, но это всего лишь инерция. Новой энергии для их проведения нет. И даже то, что сделано, несовершенно. Несмотря на огромное общественное значение и важность, великие реформы не завершены, «недоделаны». И именно эта незавершенность чревата будущими страшными конфликтами... По существу не решен важнейший вопрос — аграрный. Нет конституции. Нет законодательной власти и политических партий. Нет тех основ, без которых не может жить и развиваться нормальное демократическое общество. Это не случайно. Власть опасается последовательного распространения правовых начал на все стороны общественной жизни России, не без основания усматривая в том подрыв основ самодержавия.

История повторяется — в 1870-х годах Александру II уже не до либеральных реформ, как не до них и Александру I после 1810 года. Реформы и реформаторы более не нужны, общество вступает в новую стадию цикла, стадию перехода к контрреформам. Но, как и в предыдущем цикле, для осуществления последовательных и радикальных контрреформ требуется смена самодержца, приход на ключевые посты новых людей. Именно это и происходит.

Вскоре после воцарения Александра III был выработан новый «жесткий» курс во всех областях общественной жизни. Происходит перелом, воспринятый многими как наступление «эпохи безвременья», «эпохи сумерек». Историк М. Н. Покровский пишет: «...Восьмидесятые годы темной полосой пересекли историю русской интеллигенции и русской культуры вообще. Что-то оставилось, что-то переломилось». На смену малочисленным и исчезающим группам террористов-народовольцев в среде российской интеллигенции вызревают радикальные подпольные партии нового типа...

Вместе с тем благодаря финансовым мероприятиям, вся тяжесть которых была взвалена на российскую деревню, на крестьянина, администрации Александра III к концу восьмидесятых — началу девяностых годов удалось создать условия для бурного развития индустрии, прежде всего тяжелой. Этим бурным развитием индустрии, а вместе с ней и новых социальных слоев — рабочего класса и технической интеллигенции — завершается второй цикл модернизации.

Третий цикл начался после тяжелого экономического кризиса 1899—1903 годов, кризиса, усугубленного поражением в войне с Японией, которую поддерживали Англия и США. Вновь, как и полстолетия назад, неожиданное поражение в войне демонстрирует отставание России, несмотря на индустриальный рост, от ведущих держав. На этот раз, однако, военная неудача сопровождается углублением политического кризиса, а все вместе приводит к революции 1905 года.

И снова самодержавие вынуждено вступить на путь реформ: провозглашается манифест Николая II о политических свободах, легализуются политические партии, созывается Государственная дума и, наконец, следует важнейшая — аграрная реформа П. А. Столыпина. Именно она, серьезно затронув крестьянскую общину, и предопределила во многом основные общественные конфликты ближайшего будущего (включая и октябрь 1917 года), ибо «аграрный вопрос — это гвоздь русской революции».

Столыпин пытался провести еще одну реформу, реформу местного самоуправления. Она была призвана наделить формирующийся слой «крепких крестьян-землевладельцев» не только хозяйственными, но и политическими правами, защищающими их от произвола как «снизу», так и «сверху». Но помещичье сословие, к которому принадлежал и сам Столыпин, почувствовало в таких попытках выходящее за всякие пределы посягательство на свои особые сословные права и привилегии. Начинается кампания против Столыпина со стороны представителей дворянства, стоящих за «сохранение устоев». Положение премьера ухудшается, он близок к отставке, но все же удерживается на своем посту. И тогда находится другое средство удалить реформатора, а заодно и свернуть реформы. Петр Аркадьевич Столыпин погибает от пули террориста.

Реформы окончены, но своеобразие этого «революционного» цикла заключается в том, что радикальным реформам, покусившимся на устои российского общественного устройства, на общину, потребовалось противопоставить не менее радикальные контрреформы. Россия вступает в фазу контрреформационного «отката». Чтобы осу-

ществить задачи модернизации на путях контрреформ, России потребовалась общественная перестройка, включившая в себя две революции — Февральскую и Октябрьскую, смену общественного строя, ликвидацию в 1918 году «столыпинского кулачества» в ходе «поравнения» и передела земель в пользу общины, затем — «военный коммунизм» и гражданскую войну и, наконец, нэп, имевший скорее характер «временного отступления», нежели реформы, и сыгравший, по-видимому, роль переходного периода в преддверии радикальных контрреформ, связанных с «великим переломом», 1929 годом.

«Великий перелом» — эта наиболее зрелая фаза контрреформ, «революция сверху» — стал тяжелейшей, трагической эпохой отечественной истории. Тотальная экспроприация и принудительная коллективизация всего крестьянства — вот что такое «великий перелом». В результате — тоталитарное государство и новое, уже всеобщее закрепощение. Но именно это помогает осуществить форсированную индустриализацию страны, сформировать военно-промышленный комплекс, обеспечить всеобъемлющую экспансию государственной монополии.

Ценою колоссальных потерь и жертв Советский Союз победил в страшной войне, а его влияние в мире резко возросло. Казалось, сложившаяся система — система «сталинизма» — не способна изменяться и не приемлет никаких реформ.

Но с начала 1950-х годов, по мере развертывания научно-технической революции, в стране назревает новая ситуация, требующая реформ. Деревня разорена поборами и войной, система сверхцентрализованных министерств и ГУЛАГа не способна обеспечить достаточно быстрое и массовое внедрение новых технологий, в том числе и в военно-промышленном комплексе. Кризис усугубляет неудача в Корее и проблемы с Югославией. Нужны меры, способные раскрепостить общество.

Новое руководство вынуждено начать новый цикл модернизации, обозначенный новой «оттепелью», XX съездом КПСС, экономическими экспериментами в рамках командно-административной системы, связанными с именами Хрущева и Косыгина. Но уже через несколько лет после завершающей эпоху «оттепели» реформы 1965 года эксперименты заканчиваются, снова торжествует доктрина «единственно верной идеологии», наступает эпоха «развитого социализма», в действительности же — развитой командно-административной системы. Бурно, как грибы после дождя, растут все новые министерства и ведомства, колоссы типа Минводхоза и Минатомэнерго, результаты деятельности которых соизмеримы ныне с действием глобальных геологических процессов. Советский Союз опередил все страны мира по валовому производству стали, цемента, тракторов, но в новую эпоху научно-технической революции опять вступил в состоянии «застоя» и все возрастающего отставания.

Стране потребовалась очередная, на этот раз весьма глубокая модернизация, затрагивающая основы нашего общества, его фундамент, все экономические и политические механизмы.

И наступила эпоха гласности, перестройки, поиска вариантов осуществления реформ.

3

Каковы же причины циклов «реформы — контрреформы»?

Каковы основные механизмы, определяющие необходимость модернизации в столь своеобразных формах?

Исчерпывающего ответа на эти вопросы пока нет, но важные закономерности, проливающие, как нам представляется, свет на проблему, уже выявляются.

На опыте отечественной истории мы убеждаемся в том, что сама основа хозяйственного, социально-экономического развития России сформирована в ходе борьбы централизованного государства за самовластье, против любых форм проявления частного интереса и политической оппозиции. И именно это отличает Россию от других стран, где движения мирового рынка имеют собственные законы развития. Но ведь развитие России происходило и происходит не изолированно от мирового развития, от важнейших мировых экономических и политических процессов. Две различные и в отдельных своих проявлениях прямо противоположные хозяйственные и социально-культурные системы — Россия и Запад — тем не менее постоянно испытывают взаимное воздействие, и временами общение между ними становится чрезвычайно интенсивным. Именно эта их взаимная разнородность, как нам представляется, и ответственна за самые удивительные и неожиданные повороты исторического развития России. Более того, думаем, что подлинный прорыв в понимании закономерностей циклов российской модернизации связан именно с этим — с ясным представлением о своеобразной синхронизации развития России и мирового общества, мирового рынка.

И здесь необходимо обратиться к открытиям крупного русского ученого-экономиста Н. Д. Кондратьева[1]. Именно он нашел закономерности в развитии мирового рынка. Снова речь пойдет о циклах, но других, нежели в России, поскольку характеризуют они развитие иной социально-экономической системы. Для кондратьевских циклов характерно то, что повышательная волна мировой конъюнктуры, когда мировое рыночное хозяйство развивается особенно бурно, сравнительно легко, без длительных периодов депрессии преодолевая кратковременные кризисы, сменяется волной понижательной, когда, несмотря на временные подъемы, преобладает депрессия и нет активности на фоне общей низкой конъюнктуры. Затем снова наступает повышательная волна большого цикла и т. д.

Взгляните на таблицу, иллюстрирующую синхронизацию движения мировой конъюнктуры (по Кондратьеву) и российских циклов модернизации через реформы — контрреформы.

Первый отчетливо проявившийся большой цикл, выделенный Н. Д. Кондратьевым, состоит из повышательной волны, длившейся с конца 1780-х до

[1] Судьба его, разделившего участь многих наших ученых-современников, поистине драматична. Об этом можно прочесть в «Знание — сила» (номер 3 за 1991 год), в статье М. Королькова «Дело Кондратьева».

	I ЦИКЛ		II ЦИКЛ	
Волны больших циклов мировой конъюнктуры (по Н. Д. Кондратьеву)	*1. Повышательная волна (конец 1780-х — период 1810—1817)*	*2. Понижательная волна (период 1810—1817 — период 1844—1855)*	*1. Повышательная волна (период 1844—1855 — начало 1870-х)*	*2. Понижательная волна (начало 1870-х — период 1891—1896)*
Либеральные реформы в России, ослабляющие государственное закрепощение и высвобождающие элементы рыночных отношений	**Реформы Александра I и проекты Сперанского** (1802 — учреждение министерств вместо коллегий; 1803 — Указ о вольных хлебопашцах; 1809 — "План государственных преобразований Сперанского"; 1810 — учреждение Государственного совета)		**"Великие реформы" Александра II** (1861 — Манифест об отмене крепостного права; 1863 — отмена телесных наказаний; 1864 — Земская и Судебная реформы; 1870 — Городская реформа; 1874 — Военная реформа)	
Контрреформы в России, усиливающие государственное закрепощение, форсирующие рост военно-индустриального комплекса		**Аракчеевщина и режим Николая I** (1815—1820 — создание военных поселений, 1826 — учреждение корпуса жандармов и III Отделения, "чугунный" цензурный устав; 1837—1841 — преобразование управления государственными крестьянами ("реформы Киселева"); 1842 — закон об "обязанных крестьянах")		**Контрреформы Александра III** (1881 — Манифест о незыблемости самодержавия; 1886 — закон о найме на сельхозработы; 1889 — учреждение института земских начальников, упразднение мировых судей в деревне, ограничение суда присяжных; 1890 — новое земское положение)

1814—1817 годов (он приходится на период промышленной революции в Англии), и волны понижательной — с 1814—1817 до конца 1840-х — начала 1850-х годов (на начало этого, последнего периода падает первый мировой промышленный «кризис перепроизводства» 1825 года). Обратим внимание, что реформы Александра I попадают именно на повышательную волну (примерно на ее середину, 1801—1802), а контрреформы Николая I — на понижательную волну (после 1825 года и вплоть до начала новой повышательной волны). Повышательной волне второго большого кондратьевского цикла — с конца 1840 — начала 1850-х, вплоть до начала 1870-х, приходящейся на период «революции мирового рынка» середины XIX века, — соответствуют великие реформы Александра II, попадающие опять-таки в середину, в разгар повышательной волны, а понижательной волне — с начала 1870-х годов до середины 1890-х — контрреформы Александра III.

В третьем большом цикле — с середины 1890-х годов до первой мировой войны и 1920-х годов — повышательной волне соответствуют реформы Столыпина, приходящиеся опять-таки на ее середину, 1906—1909 годы, а понижательной волне — с начала 1920-х до середины 1940-х, включая весь период «великой депрессии»,— наш, отечественный «великий перелом» и утверждение сталинской командно-административной системы[3].

В четвертом цикле на повышательную волну — с 1940-х годов до конца 1960-х — начала 1970-х — попадают «оттепель» и реформы Хрущева — Косыгина; а на понижательную волну, до начала 1980-х годов, — «застой» и расцвет «развитого социализма».

С пятым циклом дело обстоит сложнее, поскольку его повышательная волна, начавшись после кризиса 1980—1982 годов, пока что налицо, но неизвестно, какова будет ее продолжительность. На этот счет у экономистов, естественно, нет единого мнения.

Как бы то ни было, с конца 1980-х годов мы переживаем период важных преобразований и подготовки к главным реформам текущего цикла российской модернизации. Усилия грядущих реформ будут направлены, безусловно, на преодоление главного препятствия на пути модернизации страны — на разрушение системы ведомственно-номенклатурного монополизма и его оплотов в аграрной и военно-промышленной сферах.

Итак, налицо несомненная корреляция, сопряжение. Внутренние циклы российского развития (включая и советский период) сопрягаются, синхронизируются с большими циклами мировой конъюнктуры.

Повышательной волне кондратьевских циклов соответствуют эпохи кризиса старых государственно-монопольных структур, либерализации российского общества, эпохи подготовки и осуществления либеральных реформ, ослабляющих гнет государственного «попечительства», высвобождения и инициации развития элементов частного интереса и рыночного хозяйства.

Понижательной волне соответствуют «революции сверху» — контрреформы, последовательно упраздняющие плоды предшествующей либерализации и на основе нового закрепощения общества в рамках государственно-монопольных структур стремящиеся осуществить очередную форсированную военно-индустриальную модернизацию. При этом если реформы начинаются всякий раз с заметным опозданием относительно начала повышательной волны, то контрреформы наступают вскоре после начала понижательной и в несколько последовательных этапов покрывают весь соответствующий период.

Такая очень устойчивая взаимосвязь двух циклических процессов различной социально-экономической природы, по нашему мнению, не случайна. Процессы преобразования российского государственного аппарата и хозяйственного механизма весьма чувствительны к воздействию со стороны мирового рынка и синхронизируются с процессами его эволюции.

Ситуацию огрубляя, можно описать так: Россия, безусловно, решает свои собственные задачи, но с конца XVIII столетия эти задачи ставит ей стихия капиталистического мирового рынка, детище современной цивилизации.

4

Всякий раз, когда государственно-бюрократические структуры берут в свои руки функцию «защиты интересов масс», они лишают нарождающегося предпринимателя возможности сорганизоваться в особый социальный слой, способный выработать и осознать общие всем его представителям интересы — интересы строительства здоровой рыночной экономики. В результате такая государственная охранительная политика направляет все силы нарождающегося хозяина на достижение его частных, деструктивных в отношении общества интересов. Тем самым результат государственных «охранительных» усилий часто оказывается совершенно противоположным заявленным целям. Вместо контроля над ситуацией общество оказывается втянутым сначала в стихию спекуляции, а затем... вновь в пучину уравнительной регрессии. Более того, возможная неудача либеральных реформ не несет ничего хорошего не только последовательным реформаторам, но и всему бюрократическому аппарату, который, как показывает опыт, сметается волною контрреформ.

Вместе с тем есть обстоятельства, указывающие на особую значимость нынешней фазы цикла модернизации. Опыт предшествующих российских циклов реформ — контрреформ учит: Россия строит свое будущее в краткий миг предреформенного либерализма свободно, а в долгие годы последующих испытаний — под недреманным оком центральной власти. Этим кратким периодом предреформенной либерализации российское общество обязано тому, что кризис государственной власти, предшествующий реформам и вызывающий необходимость очередной перестройки в верхах, парализует репрессивные охранительные структуры, не приспособлен-

[3] Необходимо сказать, что датировка больших волн конъюнктуры, начиная с 1930-х годов, дана уже не Кондратьевым, а составлена на основе приближенной и обобщенной оценки состояния мировой экономической ситуации.

Волны больших циклов мировой конъюнктуры (по Н. Д. Кондратьеву и по денным экономической конъюнктуры посла 2-й мировой войны)	III ЦИКЛ: 1. Повышательная волна (период 1891—1896 — период 1914—1921)	III ЦИКЛ: 2. Понижательная волна (период 1914—1921 — 1940-е)
Либеральныя реформы в России и Советском Союзе, ослабляющие государственное закрепощение и высвобождающие элементы рыночных отношений	Реформы Витте—Столыпина (1897 — Денежная реформа Витте; 1905 — Менифест Николея II о политических свободах; 1906 — I Государственная дума; 1906—1909 — Аграрная реформе Столыпине; 1909—1910 — попытка Столыпина провести реформу местного самоуправления, уразавшую особыв праве дворянстве)	
Контрреформы в России и Советском Союзе, усиливающие государственное закрепощение, форсирующие рост военно-индустриального комплекса		"Военный коммунизм" и "великий перелом" (1917—1918 — ликвидация рынка и замена его госмонополией; 1918 — ликвидация столыпинского кулечества; 1918—1921 — продразверстке; 1922—1923 — запрещение оппозиционной политической деятельности; 1927—1929 — начало форсированной индустриализации; 1929—1933 — форсированная несипьственная коллективизация; 1937—1939 — массовые репрессии; 1939—1948 — всеобщая мипитеризеция и каратепьное законодательство)

Волны больших циклов мировой конъюнктуры (по данным экономической конъюнктуры после 2-й мировой войны)	IV ЦИКЛ: 1. Повышательная волна (1940-е — период 1969—1972)	IV ЦИКЛ: 2. Понижательная волна (период 1969—1972 — начало 1980-х)
Либеральные реформы в Советском Союзе, ослабляющие государственное закрепощение и высвобождающие элементы рыночных отношений	Реформы Хрущева—Косыгина (1956 — XX съезд КПСС, 1957—1959 — реформе управления хозяйством — совнархозы; 1965—экономическая реформа в промышленности и сепьском хозяйстве)	
Контрреформы в Советском Союзе, усиливающие государственное закрепощение, форсирующие рост военно-индустриального комплексе		"Застой" (1969—1971 — прекращение экономической раформы и экономических экспериментов, победа "линии Суслова" в идеопогии; 1977 — развертывание ракет "СС—20", новый виток перевооружения; 1980 — начапо войны в Афганистане)

ные к самопреобразованию. Так и ныне, и в ближайшем будущем, пока основная реформа текущего цикла еще не осуществлена, все попытки консервативных сил провести «превентивную» контрреформу обречены на неудачу, несмотря на то, что в их «деле» возможны и временные «успехи» (более того, неизбежны, тому пример — поворот Павла I к палочной дисциплине и шпицрутенам в 1799 году, стратегия насильственного подавления революционных волнений и роспуск первых Государственных дум Столыпиным в 1906—1907 году, а ныне — последовавший за отставкой «мягкого» Рыжкова жесткий курс нового премьера, ревнителя интересов тяжелой индустрии и ВПК).

И только крах таких попыток, только полное, до конца исчерпание всех возможностей управления «по-старому» окончательно подводит державу к необходимости реформ. Только этот шаг — ключевая реформа цикла — может позволить окончательно преодолеть кризис власти, ибо основная реформа цикла российской модернизации — это не столько задача и жизненный интерес либеральных и демократических слоев российского общества, сколько задача на выживание: жестокая необходимость, возникающая перед российскими консерваторами, перед самим российским государственным аппаратом и связанными с ним привилегированными слоями общества. Только ее решение может развязать им руки, и только, стронув с места застывший хозяйственный механизм России, государство обретает возможность заняться проблемами политической реставрации. Пока же мы еще на пути к реформам, и, значит, у сил обновления России еще есть время для созидательного действия. Есть время. Краткий миг российской свободы всякий раз экзаменует общество на его гражданскую зрелость.

И некоторые обстоятельства оставляют надежду на то, что Россия сможет наконец выйти из прежней череды циклов модернизации, всякий раз толкающих ее в лоно государственного «злополучного охранительства» (В. Соловьев). Сможет выйти в сферу нормальных рыночных отношений общественной саморегуляции. Во-первых, внутренние циклы модернизации России сокращаются. А вместе с тем сокращается и период контрреформ, являющий собою всякий раз мрачное пятно в книге истории России. И, во-вторых, основа российской нерыночной системы распределения — накопления, база стратегии контрреформ ныне, по-видимому, как никогда, близка к полному изнурению и опустошению. Потенциал контрреформации низок, но не дай бог ему возрасти в результате наших беспорядочных усилий!

Главное, обнадеживает то, что в, казалось бы, хаотическом вихре неожиданных поворотов, непредсказуемых ситуаций, взлетов и катастроф российской истории внимательный и заинтересованный взгляд может обнаружить соподчиненность, последовательную взаимосвязь и логику исторических событий, и именно это поможет ему не оказаться обескураженным в быстро меняющейся ситуации, в очередной «роковой час» российской истории.

V ЦИКЛ	
1. Повышательная волна (начало 1980-х — ...)	
Перестройка, политические и экономические реформы (1987 — XIX конференция КПСС; 1989 — I съезд народных депутатов СССР, преобразования в странах Восточной Европы; 1990 — введение института президентства, провозглашение суверенитета России и других республик, переход к многопартийности...)	

Комментарий к таблице.
Приведенная таблица краткая и предварительная, в ней представлены лишь наиболее важные события, относящиеся к реформам или контрреформам. В процессе исследования таблица будет уточняться. Основное направление исследования, отраженное в таблице, заключается в определении структуры циклов модернизации в России, логики смены различных фаз циклов в связи с большими кондратьевскими циклами мировой конъюнктуры.

Чего ждать в результате преобразований?

Еще раз о бамбуке

Бамбук вызывает восхищение своим быстрым ростом. В Японии уже зарегистрирован и соответствующий рекорд — 1,31 метра в сутки. С незапамятных времен это растение использовали для самых разных целей — как строительный материал, для одежды и даже употребляли в пищу. В последнее время решено применять бамбук для производства бумаги. Специалисты подсчитали, что бамбуковый лес годовалого возраста дает больше сырья, чем такая же площадь двадцатилетних деревьев. А во времена бумажного кризиса это исключительно интересная идея.

Пусть реки будут чистыми!

Пусть! Но как это сделать? У нас, например, подобные призывы постоянно раздаются со страниц многих журналов и газет. Однако только благими пожеланиями и призывами реки не спасти.

А вот как поступают в Японии. Уже в течение пятнадцати лет каждую осень на берегах реки Тама, в западном районе Токио, появляются группы детей с пластиковыми пакетами, в которые они собирают мусор, разбросанный по берегам неаккуратными жителями столицы. Это члены «Общества любителей реки Тама». Следует отметить, что река — один из главных источников воды для жителей Токио. К чему же привело старание ребят? Судите сами. Если в начале работы для вывоза собранного мусора требовалось два грузовика, то уже спустя пять лет мусор занял всего четверть грузовика. Видимо, взрослые дяди и тети стали стесняться бросать где попало банки и бутылки.

А почему бы не попробовать и в наших городах привлечь молодежь к очистке рек?

Крыло и компьютер вышли в море

В ноябре прошлого года из Плимутской бухты в Англии вышло в плавание необычное судно — шестнадцатиметровая яхта «Блю Нова», не похожая ни на что известное до сих пор судостроителям и мореходам.

Действительно, с чем сравнить «плавсредство», на борту которого установлены три крыла, похожие на подводные, хорошо знакомые любому пассажиру наших «Ракет» и «Комет». Но они придают судну не приподнимающее его над водой, а направленное вперед усилие.

Однако это не просто разновидность парусов. Каждое крыло служит ветровым генератором тока и, вдобавок ко всему, буквально усеяно солнечными панелями. Получая энергию от солнца и ветра, они перерабатывают ее в электрическую, питающую движитель. Точный учет направления и силы ветра и интенсивности солнечных лучей ведет мощный компьютер, установленный на борту яхты. Он же отдает приказ «крылопарусам», как следует им повернуться, чтобы максимально использовать эти стихии.

Английская компания «Уокер Уингсейл системз» начала создавать проект такого судна еще в середине восьмидесятых годов. Но тогда нефтепродукты на мировом рынке стоили дешево и дело казалось бесперспективным. Теперь же горючее подорожало и интерес к двигателю, ничего не потребляющему, возрос. Что же, еще раз подтвердилась поговорка «нет худа без добра».

Энергия почти даром

А разве такая существует? Да, и давно — с тех пор, как возникла Солнечная система. Правда, задаром энергия Солнца доходит до Земли, но доставка ее потребителю пока что обходится довольно дорого, особенно там, где «не страдают» от ее избытка. Тем не менее даже в тех районах, где солнечных дней и часов не так уж и много, идет лихорадочный поиск рентабельной выработки солнечной энергии. В Германии, например, ряд фирм стремится разработать самые эффективные и дешевые солнечные элементы.

Запасы энергетического ископаемого сырья не вечны. Атомные электростанции таят в себе элементы риска. Немецкие ученые считают, что если бы за последние

тридцать лет на разработку получения солнечной энергии было затрачено столько же, сколько на получение атомной энергии, то к 2000 году «солнечный ток» мог бы заменить атомный. Но и в нынешних условиях прямое исполь-

зование солнечной энергии в Германии шагнуло далеко вперед.

Наиболее перспективный метод ее использования в странах с недостаточным количеством солнечных дней — фотоэлектрический, когда солнечные элементы преобразуют солнечный свет в электрическую энергию. В горных районах идет усиленное строительство ряда солнечных электростанций, правда пока экспериментальных. А фирма «АЭГ» разработала и создает миниатюрные солнечные электростанции размером с портфель. Малютка дает ток там, где его нельзя получить иным способом.

Пора и науке знать свое место?

К. Михайлов

Сочетать что угодно с чем угодно и смотреть, что из этого выходит, стало обыкновением. Ничего не поделаешь — эра постмодернизма.

Последняя теоретико-биологическая школа, состоявшаяся в 1991 году в поселке Сушнево Владимирской области, вышла за рамки собственно науки. Она была посвящена отношениям мира культуры и биологии как одной из наук. Школу организовала ленинградская группа под руководством известного культуролога и типолога, кандидата филологических наук С. В. Чебанова. В заседаниях участвовали четыре десятка человек из Москвы, Ленинграда, Минска, Риги и других городов Союза.

Доклады и дискуссии на школе можно поделить на пять групп. Одна из них — взаимное влияние гуманитарной культуры и биологии; другая — среда жизни и социального действия, эстетика живого; третья — редукционистский и антиредукционистский подходы к описанию жизни; четвертая — психобиологические проблемы формирования знаковых систем; наконец, пятая — проблемы преподавания биологии.

Такое даже по нынешним временам не слишком необычное, хоть и очень любопытное тематическое многоголосие научной ассамблеи наилучшим образом прокомментировал один из ее участников, географ В. Л. Каганский. Приведем здесь фрагмент его статьи (которая будет напечатана в одном из ближайших номеров журнала):

«Вообще стоит отметить, что жанр обсуждения превалировал над жанром доклада, сообщения как во временном, так и в ценностном отношении, а его рамки задавались отнюдь не фрагментами реальности (чего мы обычно ожидаем от естественных наук), а проблематикой: не картина мира выстраивалась как обобщение некоторой эмпирии, а эмпирия и способы работы с ней рассматривались как соответствующие или не соответствующие той или иной картине мира».

В переводе с философского на русский это означает, что «школьников» интересовала не сама наука и ее открытия, как это положено, а то, как все содержимое науки биологии вкупе с самими биологами смотрится на общекультурном фоне. И как сам этот фон отражается в научных изысканиях и научных догмах в процессе их превращений. Биолог — исследователь живого, одновременно ведь и сам живое существо, пребывающее во вполне определенных рамках культуры. И в его занятиях по осмыслению жизни культурный смысл — отнюдь не изолированная их часть.

Школа 1991 года стала преемницей двух школ по биосемиотике, состоявшихся в Сушневе в 1989 и 1990 годах. Тогда большое внимание было уделено формально-логическому анализу и математическому моделированию биологических явлений и процессов. В 1991 году, к радости большинства участников, все доклады обошлись без сложных формул. Наметилась тенденция к созданию общего типолого-герменевтического языка (герменевтика — наука о текстах и их смыслах) и системы соответствующих понятий, хотя до выдвижения общей философской теории еще очень и очень далеко.

Один из главных, хоть и не сформулированных на школе выводов таков. По-видимому, для современной науки характерно расширение методологических основ сферы деятельности, что свидетельствует о некотором кризисе нормального научного сообщества, сложившегося в последние десятилетия (и особенно в послевоенное время) в нашей стране. Более того, неоднократное возвращение (или хотя бы возможность его) к идеям космизма, к понятию времени как самостоятельной субстанции и многое другое говорит о попытке возврата — на новом витке развития — к аристотелевской картине мира, с методологией познания которой так яростно боролось Новое время. Тривиальный вывод «новое — это всегда в чем-то хорошо забытое старое», увы, видимо, вечен. Недаром теория относительности, и еще более квантовая механика, по многим своим особенностям ближе к аристотелизму, чем механика Ньютона.

В самом деле, что представляет собой наука, взятая в самом широком ее понимании? По П. А. Флоренскому, наука — способ символического описания мира, и в этом она сходна с мифологией, религией, оккультным знанием. Наука, по-видимому, отличается лишь большей точностью описания (по мнению ее представителей) и точностью добываемых сведений. С этой позицией сближается гностический анархизм современного западного философа науки П. Фейерабенда, программа которого предполагает как минимум равные права для развития науки, мифологии и религии. Именно эта программа, к некоторому неудовольствию нормального научного сообщества, становится популярной и в нашей стране.

Впрочем, попытки нестандартного мышления, представленные на школе и вне ее, пока еще достаточно чужды нормальной науке: «настоящие ученые», скорее всего, не будут заниматься «метафизикой» и просто «болтовней», а тем более подтачивать основы своего «объективного» знания, утверждение о мифологичности которого столь характерно для философии XX века. И ученых, собравшихся в 1991 году на теоретико-биологической школе, можно, пожалуй, рассматривать как маргиналов, находящихся на краю внутринаучного спектра.

Новизна, необычность излагаемых проблем отразилась и на форме докладов, незавершенность мысли самих докладчиков — характерная их черта. Многие темы в них только намечены и требуют дальнейшего развития, выводя подчас к самым нестандартным представлениям вплоть до оккультизма. Иногда участниками школы вполне самостоятельно открывались и очередные Америки: выводились философские построения, не свойственные современной научной мысли, но давно известные в других традициях. Доклады подчас переходили в беспорядочные дискуссии, и ведущему приходилось прилагать большие усилия, чтобы ввести обсуждение в какое-то русло.

Хочется задать и такой вопрос: а почему именно сейчас нестандартное теоретизирование всплывает на поверхность в нашей стране, проникает в науку и даже на страницы таких солидных научных изданий, как, например, «Журнал общей биологии»? Здесь, видимо, сработала пословица «не было бы счастья, да несчастье помогло». Помимо других внутренних и внешних причин кризиса в нашей науке — подчинение ее государству, перемена отношения к ней в обществе, — есть одна особая: как и все остальное общество, ученые сильно политизированы. Многие просто перестали заниматься «чистой наукой», ушли в политику, иные уехали за рубеж. Кроме того, в последнее время ослаб пресс наиболее последовательных представителей сциентизма в биологии — математиков. Можно говорить и об известной деспециализации научного сообщества — необходимый приток новых идей наблюдается ныне все чаще в научно-маргинальных группировках, в философии. В биологии получает права в свое время почти начисто отвергнутое типологическое мировоззрение, берущее начало как раз от Аристотеля и Фомы Аквинского. Согласно этому мировоззрению наблюдаемое во Вселенной разнообразие отражает некое ограниченное число «универсалий»; в психологии — трансперсонализм; география из суммы чисто описательных экономического и физического разделов снова, как и сто лет назад, превращается в науку о земных явлениях, о закономерностях земной поверхности. Зреет осознание необходимости нового синтеза, нового взаимопонимания ученых разных специальностей и «генеральностей». Как представляется, одним из шагов к этому и была теоретико-биологическая школа 1991 года.

Вот наиболее, на мой взгляд, интересные фрагменты докладов «школьников».

Московский зоолог, специалист по ископаемым насекомым и теоретической биоценологии, кандидат биологических наук В. В. Жерихин свой доклад начал с обоснования того, как применяется принцип дополнительности в научном знании. Нельзя познать нечто целое сразу. А выделяя объекты исследования, мы тем самым предаем некоторые их особенности. Свойства сложных объектов приходится делить между разными науками. Так, животных как организмы изучают и морфология, и физиология, и эмбриология, а отчасти и этология с экологией, причем подчас подходы этих наук взаимно противоречивы. К счастью, зоологические науки интегрируются в основном при помощи систематики, строящей основную, главную естественную систему животных, на которую ссылаются в своих работах и физиологи, и экологи.

Интегрирующие подходы есть во всех отраслях человеческого знания. Поднимаясь все выше в направлении генерализации объектов изучения, можно сказать, что вся область действительности — вне нас, макрокосм подлежит изучению космологии или философии, или духовного знания...

Таким образом научные теории взаимно дополняют одна другую, наука неизбежно становится плюралистичной. Введенный С. В. Мейеном принцип сочувствия (точке зрения оппонента) имеет не только морально-религиозное, но и важнейшее методологическое значение. В свете его даже такая, казалось бы, похороненная наукой теория, как ламаркизм — о прямом влиянии внешней среды, имеет право на существование, если ее применить не к организмам, а к сообществам растений и животных, к биоценозам...

В. В. Жерихин рассмотрел и конкретные примеры влияния биологических воззрений на гуманитарную культуру. Так, существует моноклимаксная теория развития биоценозов, разработанная в нашей стране С. М. Разумовским и самим докладчиком. Сообщества сменяют друг друга не случайно, а стро-

го закономерно. Известно, что еловый лес вырастает на месте березового. Ряды сменяющихся сообществ сходятся в конце концов к одному, наиболее устойчивому и долговечному, так называемому климаксному сообществу. На циклы смены растительности воздействуют, конечно, и внешние факторы — пожары, наводнения, крупные животные. Все это замедляет или ускоряет цикл, сдвигает границы сообществ, но не меняет самой системы, самой тенденции изменений. Но иногда происходят катастрофические события, причины которых еще не вполне ясны, и закономерность смены нарушается очень сильно. В этих ситуациях проявляется стремление к самосохранению отдельных цепей, блоков, как правило недолговечных, в противовес равновесию системы в целом, говоря иначе — «суверенизация» блоков. Новые же сообщества возникают из видов, ранее проживавших в краевых, маргинальных «псевдосообществах» типа наносов песка, зарослей крапивы, свалок и т. п. Примеры подобных событий в культуре и обществе мы можем наблюдать повсеместно. И особенно интересна под этим углом зрения роль маргинальных группировок.

Московский зоолог, энтомолог-систематик и палеонтолог, доктор биологических наук А. П. Расницын применил юридический метод презумпций к восстановлению филогенеза, хода исторического развития животных (и растений). Им предложено десять презумпций, но наиболее интересна первая и самая главная презумпция: «Любое сходство признается как наследственное, если не показано обратное». Здесь в скрытой форме предполагается применение уже упомянутых типологических процедур, поскольку сходство выбирается не случайно. В последние годы типология разными путями, в том числе и такими окольными, возвращается в систематику после почти полуторавекового перерыва.

Организатор школы С. В. Чебанов, развивая идеи герменевтики, предложил универсальную схему прочтения «текстов», применимую к пяти уровням связи — от биологических (генетический код, внутриорганизменный уровень) до языкового.

(Герменевтика, как уже вскользь говорилось,— наука, находящаяся на стыке философии и языкознания; она занимается исследованием текстов, вообще любых структур, несущих смысловую нагрузку. Зарождение герменевтики связано с комментаторской традицией библейских текстов. В рамках герменевтики развивается ныне учение о контексте, влиянии целого предложения, всего текста на смысл каждого находящегося в нем слова.)

Докладчик рассмотрел также особенности взаимных действий животного и человека, истолкования биологом самого себя и многое другое.

Московский географ и философ В. Л. Каганский развил идею так называемого экотропного общества, в котором или совсем не будет экологических кризисов, или они будут быстро гаситься. Охрана природы, по мнению докладчика, достигается поддержкой заинтересованных групп людей. Следовательно, многообразие среды (ландшафта) определяется соответствующим многообразием в обществе. В охране любого конкретного ландшафта наиболее заинтересовано местное население, носитель экспертных знаний о среде. Недаром на Западе так высок престиж в этом вопросе именно местного, коренного населения. Современное советское общество во многом являет собою соединение нескольких маргинализованных структур. Это и недавние жители городских предместий — выходцы из деревни и лимитчики, беженцы и прочие. Такая социальная подвижность и связанный с этим общественный «прогресс» не способствуют сохранению экологической ситуации.

Докладчик специально рассмотрел строение и функции властных структур, необходимых для сохранения ландшафтного многообразия. Так, всякая целостная территория должна претендовать на самоуправление, но она не должна иметь его в полном объеме, поскольку это может привести к полному уничтожению (вспомним «суверенизацию блоков» в самом первом докладе). «Никто не может быть судьей в собственном деле» — гласит римское право. Очень важно также преодолеть противостояние разных социальных группировок и обеспечить создание сложных коалиций из них, что теоретически и предполагает идея правового государства. Ведь само право должно быть результатом общественного компромисса.

Этот доклад вместе с докладом другого доктора географических наук, Б. Б. Родомана (содержание его автор предвосхитил в статьях на ту же тему в номерах 9 и 10 нашего журнала за 1990 год), формирует единое ландшафтное мироощущение, которое я назвал бы консервативной утопией. Ясно, что всякие серьезные перемены, новообразования как в ландшафте, так и в обществе, ведут к резкому нарушению их структуры. Далеко не всегда можно считать красивыми маргинальные сообщества, ландшафты типа помоек, свалок и зарослей крапивы. При любом новообразовании — а оно, как мы уже знаем, начинается из окраинных «псевдосообществ» — степень гармонии снижается или, по крайней мере, красота принимает необычные формы. Ландшафтная же утопия требует красоты практически постоянной и тем самым «запрещает» перемены. Третий путь — между косным постоянством и разрушительным многообразием — постепенные перемены, особенно длительные, утопичны в квадрате. Об этом свидетельствует и история жизни на Земле, и история человечества. Но именно этот путь, путь духовного преобразования — единственная возможность нашего спасения.

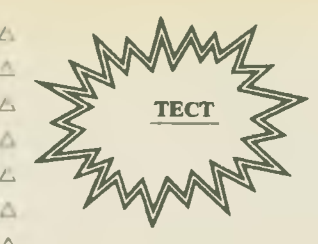
По-видимому, всякая система имеет предел самообновления. Эту точку зрения в системном подходе можно назвать организмом. Если же кому-то не нравится слово «организм» как слишком понятийное, холодное, западное, католическое, можно, вслед за П. А. Флоренским и стоящей за ним традицией, предложить более душевное, теплое, православное слово «телесность». При последовательном проведении этой идеи мы снова приходим к мысли о всеобщем вечном теле, макрокосме.

Московский эколог, специалист по математическому моделированию, кандидат биологических наук А. П. Левич посвятил свое сообщение книге Э. Бауэра «Теоретическая биология», написанной в 1935 году. Но теория Бауэра уже не единожды излагалась в журнале «Знание — сила», и на этот раз мы опустим рассказ о ней.

Особый интерес вызвало сообщение ленинградского студента И. В. Утехина. До сих пор в философии и психологии остается нерешенной проблема возникновения в человеческом сознании (при индивидуальном развитии) наиболее общих понятий, универсалий. Еще с XVII века в западноевропейской традиции конкурируют два направления — теории «врожденных идей» и «приобретенных понятий». По мнению некоторых психологов, универсалии задаются самим строением тела человека и его телесным опытом, другими словами, это структуры, предшествующие понятиям. Так, при исследованиях фольклора была выявлена начальная — архетипическая — модель мира, заключающаяся в системе бинарных противопоставлений типа «верх — низ», «право — лево», «близко — далеко», «мужское — женское», «жизнь — смерть». Такую модель создает непосредственный опыт разного рода. Другой пример — сильный стресс организма, сопровождающий его рождение, влияет на всю его дальнейшую жизнь. Так, статистически показано, что самоубийцами чаще становятся те, кто во время родов задыхался, перехваченный пуповиной...

Автор доклада подробно остановился на исследованиях американца С. Грофа, который выявил целый ряд типов символизма в мифологии, соответствующих различным стадиям родового процесса.

Физик по образованию, сторонник фундаментализма в зеленом движении, Е. Г. Анисов посвятил доклад реликтовой психобиологии. Он сопоставил мифологические сведения о «золотом веке», известные у многих народов мира, с современными научными данными о древнем человеке — неандертальце. Судя по всему, неандертальцы обладали большими экстрасенсорными и половыми способностями. Особенное внимание докладчик уделил эволюции эрогенных зон человека. И ясновидение у современного человека — это древний реликтовый признак, который постепенно должен исчезать. (Как кажется, в этом докладе были смешаны две противоположные точки зрения на прошлое человечества — научно-материалистическая и мифологически-оккультная.) ●

Рассеянны ли вы?

Чтобы понять, насколько вы рассеянны, ответьте «да» или «нет» на следующие вопросы:

1. Если вы играете в какую-то игру, часто ли проигрываете из-за невнимания?
2. Разыгрываете ли вы своих знакомых?
3. Можете ли одновременно заниматься какой-либо работой и слушать посторонние разговоры?
4. Находили ли когда-нибудь на улице деньги или ключи?
5. Смотрите ли внимательно по сторонам, когда переходите улицу?
6. Можете ли вспомнить подробности фильма, который смотрели вчера?
7. Раздражаетесь ли, когда вас отвлекают от чтения или какой-либо работы?
8. Проверяете ли сдачу в магазине?
9. Быстро ли находите в квартире нужную вещь?
10. Вздрагиваете ли, когда вас кто-то неожиданно окликнул на улице?
11. Случается ли вам путать одного человека с другим?
12. Можете ли вы прозевать свою остановку, увлекшись разговором?
13. Можете ли быстро назвать дни рождения своих близких?
14. Легко ли просыпаетесь?
15. Можете ли найти в большом городе без посторонней помощи место, где были однажды год тому назад?

Ответы «да» на вопросы 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 13, 14 и 15, а также ответы «нет» на вопросы 1, 7, 10, 11 и 12 оцениваются одним баллом.

11 и более баллов: вы удивительно внимательны и проницательны. Вашей памяти можно только позавидовать.

От 5 до 10 баллов: вы достаточно внимательны и не забываете ничего важного, хотя и не обо всем помните. Вопреки этому в ответственный момент можете сосредоточиться и не допустить ошибки.

4 и менее баллов: вы очень рассеянны, и это причина большинства ваших бед. Но упорно не обращаете внимания на такие мелочи, хотя из-за вашего невнимания страдают и окружающие. Вам непременно нужно тренировать свою память.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Г. Вершубский

МИСТЕР ТОМАС РАЗМЫШЛЯЕТ

Он никак не может понять, почему и американское, и советское правительства с таким высокомерным пренебрежением относятся к мнению ученых. Ему, например, приходится по нескольку раз бывать в Конгрессе США, чтобы убедить в необходимости принять порой самое очевидное решение.

— И в штатах, и в вашей стране есть замечательные научные и технологические разработки. Но те, от кого зависит претворение их в жизнь, просто-напросто игнорируют мнение специалистов.

Мистер Ричард Е. Томас — профессор Техасского университета и директор Центра стратегических технологий. Задача центра — влиять на техническую политику в штате и стране, прогнозировать ее последствия. Центр призван осуществлять связь тех, кто занимается чистой наукой и технологиями, с правительственными структурами, которые принимают решения.

Профессора огорчает, что в Конгрессе США слишком мало людей с техническим складом ума. Не все конгрессмены отдают себе отчет в том, что в конце концов политики только правят миром, а движет им, изменяет к лучшему прежде всего прогресс в науке и технологиях. Именно этому обязана своими успехами любая индустриально развитая страна.

Профессор считает, что советские ученые лучше своих американских коллег умеют прогнозировать научно-технический прогресс. Они даже создали систему, которую назвали глобальным моделированием. Это очень интересная система. Русские имеют технологию предсказаний, позволяющую направлять решения в технической политике по правильному руслу.

Удается ли им это делать? Как советские ученые взаимодействуют с властными структурами, Верховным Советом страны? Ответы на эти вопросы и искал в Москве мистер Томас.

Ричард Томас был рад познакомиться с некоторыми нашими академиками — не только учеными высочайшего класса, но и государственными деятелями. Они каждый день соприкасаются с проблемами и науки, и политики. Когда такой человек выходит на политическую арену, он благодаря своим научным знаниям, научной компетенции может эффективно влиять на политику власть имущих.

— Было бы чудесно, если бы в конгрессе, в наших правительственных кругах побольше встречалось таких людей. С ними можно иметь дело, можно разговаривать и договариваться. Почему не используются их потенциальные возможности в вашем парламенте, государственных структурах,— для меня остается загадкой.

Мой вопрос «почему, на его взгляд, в передовых странах мира произошла технологическая революция, а мы несколько подзадержались?» показался профессору, как говорят в Техасе, заряженным. Он считает, что основная причина нашего отставания заключается в том, что в благополучном мире индустриальная наука образовала систему, которая одновременно и стимулирует, и заставляет людей не жалеть сил и средств на развитие технологий. В России этого почему-то не происходит. Ричарду Томасу представляется, что перво-наперво нам нужно отказаться от так называемой коллективной ответственности. К успеху может привести только индивидуальная, когда каждый знает, что за хорошо выполненную работу он и получит хорошо, но и за неудачу спросят только с него.

— В вашей старой революционной песне утверждается, что никто не даст вам избавленья — ни Бог, ни царь, и ни герой. На самом же деле вы все время надеетесь, что кто-то придет и улучшит вашу жизнь. Вы все время оглядываетесь на правительство, слишком многого ждете от него — благ, указаний. И оно всегда в чем-то виновато перед вами.

В Соединенных Штатах я — хозяин своей жизни.

От правительства мне нужны три вещи. Первая — чтобы оно защищало страну. Вторая — чтобы доставляло почту. И третья — чтобы не совало нос в мою жизнь.

Я не хочу, чтобы кто-то, тем более правительство, указывал мне, как мне надо поступать, а как — не надо, как жить, чем заниматься. Я не за то плачу налоги (и, кстати говоря, немалые), чтобы мною командовали.

Наоборот, я как специалист в области стратегических технологий беру на себя смелость подсказывать правительственным деятелям различного уровня изменения в научно-технической политике. И если они не прислушиваются к моим советам, то тем хуже для них.

Не видит мой собеседник смысла в том множестве бюрократических препон, которые существуют в советской науке и очень ей мешают.

Взять хотя бы то, что у нас называют внедрением научной продукции. Это многоступенчатый процесс: фундаментальная наука — прикладная наука — технология — дизайн — производство. И наша беда, по мнению техасского гостя, состоит в том, что на каждой этой ступеньке действуют довольно разобщенные организации, относительно слабо связанные между собой структуры. К своему сожалению, профессор не заметил, чтобы и в последнее время бюрократические барьеры между ними становились слабее, разрушались. Скорее наоборот, они укрепляются.

Мистеру Томасу не кажется, что только из-за коммунистического мировоззрения Россия отстает от стран в развитии технологий.

Недавно профессору попала в руки статья советского специалиста по станкам. Из нее Ричард Томас узнал, что, если у западных станков срок надежности доходит до 10 тысяч часов, а у японских — даже в два раза больше, то советские изделия такого же типа выдерживают лишь 60—120 часов.

— Это выше моего понимания. Мистер Горбачев не раз говорил, что вы хотите жить в европейском доме. Мои российские коллеги стремятся помочь производству выйти на мировые стандарты. Но пока ваша продукция не станет конкурентоспособной, вам не достичь ни того, ни другого. Я не знаю, как это сделать, но абсолютно ясно, что здесь свое веское слово должны сказать ученые, инженеры, технологи. И конечно, государственные мужи, которые должны определить целую систему мер, заставляющих производственников искать различные способы резко улучшить качество продукции, прислушиваться к голосу науки. В противном случае невостребованный научно-технический прогресс останется красивой фразой, гласом вопиющего в пустыне.

И еще не мог наш гость уяснить структуру управления самой Академии наук. Если каждая союзная республика имеет свою собственную академию, то как они могут существовать бок о бок с Большой академией в этой сложной системе организации научных исследований?

Ричард Томас задал этот вопрос вице-президенту АН СССР К. В. Фролову. Константин Васильевич разъяснил, что между АН СССР и республиканскими академиями существует координация исследований, активно работает Совет президентов республиканских академий, но вместе с тем имеет место параллелизм, дублирование исследований. Этим озабочены сейчас и руководство академией, и большая часть научной общественности. В обстановке демократической вакханалии, как выразился вице-президент, различные академии растут в стране, словно грибы после дождя. Только в РСФСР появились Российская академия образования и культуры, Российская народная, Российская гуманитарная академия, Российская академия естественных наук, Энциклопедическая российская академия духовной культуры. И каждая из них претендует на общереспубликанский статус, присваивает и использует высокое звание академиков. В конце концов Президиум Верховного Совета РСФСР вынужден был принять постановление, которым запретил эту порочную практику.

Мистер Томас вежливо выслушал все это, но, боюсь, так и не уразумел, зачем каждой республике обязательно иметь собственную Академию наук. Он подозревает, что делается это, дабы удовлетворить какие-то престижные потребности и увеличить число академиков.

Как профессор представляет себе контакты американских и советских ученых, какими эти контакты могут и должны стать?

— В последнее время благодаря перестройке и гласности общение между учеными расширилось. Я тоже приехал сюда, чтобы установить новые типы контактов.

Американцы — люди практичные. Только ли потому, что наконец-то появились возможности общаться, участились поездки ученых и технологов в нашу страну?

Ричард Томас видит целый спектр интересов. В некоторых случаях это желание сопоставить свои идеи с идеями русских ученых. Не исключено, что есть и попытки использовать наших исследователей и технологов в качестве рабочей силы. Американские фирмы не прочь нанять их, заказав выполнение определенных научных программ. Это подчас оказывается выгодней, чем у себя дома. Иногда преследуются и чисто коммерческие цели: купить такую идею, которую, развив и усовершенствовав, можно выгодно продать у себя в стране или кому-то еще.

Вот и говори после этого, что разговоры о возможной утечке мозгов из нашей страны беспочвенны, что Запад вряд ли заинтересован в ней. Выходит, там-то знают цену советским научным силам.

Профессор подтверждает, что и он, и его отечественные коллеги высокого мнения о наших физиках, химиках, механиках, математиках. Они обладают, по его словам, универсальной потенцией, хорошо понимают фундаментальные принципы. С другими областями науки он знаком хуже. Поэтому не берется судить о их достижениях.

Зато в вопросах военных технологий мой собеседник не профан. Во время своего нынешнего пребывания в Москве он немало времени потратил на то, чтобы найти побольше точек соприкосновения со своими советскими коллегами, которые могут оказать влияние на правительство. Ведь военное соревнование отнюдь не прекратилось.

— Вы выступаете против нашей стратегии оборонной инициативы, хотя мы неоднократно говорили, что развивать ее не будем. А сами уже во время перестройки продолжаете строить четыре комплекса межконтинентальных баллистических ракет. У нас это не вызывает восторга, поскольку это мощное оружие нацелено на нашу страну. Если бы удалось сократить ракетную угрозу, США отказались бы от создания СОИ.

Привел профессор и еще один пример. Во время войны в Персидском заливе мир убедился в высоком уровне американских военных технологий. Это может подтолкнуть некоторых вашингтонских лидеров к опасному намерению создать еще более совершенное оружие. Он бы этого не хотел.

Насколько большое место в американских научных исследованиях занимают военные темы?

Профессор признается, что не знает, сколько денег идет на общую науку и сколько — на военно-промышленный комплекс. Единственные цифры, о которых он может сказать,— на военно-промышленный комплекс (на весь, а не только на его научную часть) выделяется пять процентов национального дохода.

— Было бы чудесно, если бы мы забыли о военных разработках. Но пока они есть. У меня, и у тех, с кем я беседовал в Москве, есть много общего во взглядах на эти и многие другие трудные проблемы: пора перестать их бояться. Если нельзя решить все проблемы сразу, то следует вычленить те, что поддаются согласованию. Пусть мы не сразу придем к успеху. Но хотя бы уясним точки зрения друг друга. Уже это продвинет нас вперед.

Хотя вы переживаете сейчас трудные времена, никому из нас нельзя забывать, что и ваши, и наши ученые и технологи — представители двух великих держав, и, в частности, от их усилий зависит сегодня положение не только в их странах, но и на всем земном шаре.

БУДНИ НАУКИ

С. Сперанский,
доктор биологических наук

«У меня не живут цветы...»

Эксперименты с лабораторными мышами подтверждают зависимость живых существ от «эмоционального поля» человека

Приходилось ли вам, читатель, задумываться над таким понятием, как «психологическая атмосфера»? Что это — всего лишь художественная метафора, употребляемая для обозначения взаимоотношений между людьми, или нечто большее? А может быть, наш язык — великая кладовая житейской мудрости и опыта — зафиксировал в устойчивом словосочетании некую объективную реальность? Может быть, действительно наряду с кислородом, азотом и другими известными компонентами в атмосфере, в окружающем нас пространстве существует н е ч т о, зависящее от нашего состояния, настроения, психологических особенностей?..

Прислушаемся к голосу поэта:

У меня не живут цветы:
Красотой их на миг я обманут —
Постоят день-другой и завянут...
У меня не живут цветы.

Да и птицы здесь не живут —
Только хохлятся скорбно и глухо,
А наутро — комочек из пуха...
Даже птицы здесь не живут.

Николай Г у м и л е в

Разве не заключают эти стихи в скрытом виде целую программу научных исследований? Впрочем, допускаю, что для рационально мыслящего человека поэтической посылки недостаточно. Тогда подойдем к вопросу с другой стороны. Всем известен факт (он тоже стал устойчивой метафорой), что крысы бегут с тонущего корабля. Точнее, не с тонущего (в этом не было бы интригующей загадки), а с корабля, которому лишь угрожает гибель. Экипаж еще не вполне осознал угрозу, а крысы уже спасаются! Как это понять? Неужели крысы настолько «мудры», что сами, своим умом оценивают, например, ветхость обшивки корабля или ненадежность работы мотора? Такая мысль кажется мне маловероятной. Более правдоподобно, на мой взгляд, иное объяснение: гибели корабля предшествуют какие-то знаки неблагополучия, они воспринимаются опытными мореплавателями и создают ощущение тревоги. Вот эта-то «тревожная атмосфера» и гонит крыс с корабля.

Фото Э. Бажилина

И наконец, главное: принципиальную возможность воздействия установки экспериментатора на растения и животных уже показали объективные научные исследования. К хрестоматийным (наиболее проверенным) сведениям следует отнести влияние экстрасенсов на проращивание семян. В своих давних работах мы доказали факты того же рода: человек способен дистанционно воздействовать на мышей, увеличивая или уменьшая их двигательную активность, мышечную силу. Правда, там речь шла о влияниях, связанных с желанием испытуемого вызвать определенный эффект. Однако обязательно ли такое желание? Может быть, и без него необычное эмоциональное состояние человека «передается» животным (или растениям), находящимся рядом? Эти соображения ввергли нас в соблазн экспериментальной проверки гипотезы.

Итак, в нашем распоряжении были: исходная идея о реальности некоего фактора, связанного с эмоциями людей и способного влиять на живые объекты; подопытные животные — белые мыши; разработанная нами методология биологического эксперимента, позволяющая улавливать воздействия слабой интенсивности, ранее недоступные для обнаружения простыми методами[1].

С таким «арсеналом» мы приступили к исследованию, которое назвали биологической индикацией психологических состояний человека.

...Когда хотят узнать, здоров ли человек, ему ставят градусник. Всем ясно, насколько важна для медицины эта простая процедура. Повышенная температура не есть болезнь, но она четко связывается с болезнью, может служить ее индикатором, мерой неблагополучия. Нашей целью было использование мышей в роли «живого термометра» для оценки необычных (отклоняющихся от «нормы») состояний человека. Измерить то, что, казалось бы, менее всего доступно измерению, разве это не увлекательная перспектива?..

Мы остановились на трех очень простых методиках.

П е р в а я. Взвешивание мышей, точнее, учет прибавок массы их тела после дозированного голодания. Этот показатель отражает пищевое поведение животных. А оно в свою очередь позволяет судить об общем состоянии организма, в том числе и нервно-психическом. Общеизвестно, как влияет настроение на аппетит. Это относится не только к людям.

В т о р а я. Учет суммационно-порогового показателя. Тут, конечно, требуется пояснение. Экспериментатор сажает мышь на электроды — два металлических стержня, обернутых марлей, смоченной физиологическим раствором. Две задние лапки животного находятся на одном электроде, две передние — на другом. Затем включается импульсатор, и через тело мыши проходят импульсы электрического тока с интервалом полсекунды. Напряжение равномерно нарастает от нуля до некоторой величины, когда мышь наконец «осознает» неприятность и поднимает лапку. Показание вольтметра в этот момент и есть «суммационно-пороговый показатель». Методика, предложенная нами еще четверть века назад, зарекомендовала себя как очень чувствительная (при оценке влияний на нервную систему животных) и получила всеобщее распространение.

Т р е т ь я. Определение мышечной силы животных. Эта методика часто вызывает улыбку у наблюдателей. Она нравится детям, так как напоминает забавную игру. Мышь ставят перед искусственной жестяной «норкой», дно которой сделано из металлической сетки. В силу врожденных особенностей «мышиной психологии» (как говорят физиологи, «присущего мышам норочного и хватательного рефлексов») мышь «спасается» в норке и вцепляется в сетку всеми четырьмя лапками. Экспериментатор берет ее за хвост и начинает поднимать вместе с прикрепленной к норке цепочкой металлических грузиков. Когда мышь роняет «нор-

[1] Статья автора «Феномен Сарнова и что с ним делать», «Знание — сила», 1990 год, № 9.

ку», подсчитывается общий вес поднятого ею груза.

Эта методика также разработана нами (совместно с М. Островским). При всей вроде бы «несерьезности» экспериментальной процедуры она оказалась необычайно информативной и позволяла четко оценивать действия исследуемых факторов на нервную систему.

Теперь, когда методики выбраны, следовало подумать о форме эксперимента. Мы приняли следующий порядок исследования. Каждый опыт проводится на мышах (половозрелых самцах), принадлежащих к одному «старому» сообществу со сложившейся системой иерархических отношений. Они реагируют на внешние воздействия. А это чрезвычайно важно при выявлении таких воздействий.

У всех животных сообщества (их около пятидесяти) с помощью трех методик определяют исходные (фоновые) характеристики, о которых мы только что говорили. С их учетом формируются две как можно более «похожие» группы по двенадцать мышей (для такого «выравнивания» существует специальная техника). Прочие мыши не будут участвовать в опыте, однако они остаются в сообществе. Это тоже чрезвычайно важно, так как всякое изменение состава сообщества может вызвать его дестабилизацию.

Фото В. Прасолова

После формирования групп все мыши лишаются пищи на восемнадцать часов.

В конце срока, непосредственно перед началом индикации, у обеих групп снова определяют исследуемые характеристики.

Затем все мыши получают пищу, и две подопытные группы сразу разделяются: одна (в отдельной ванночке) подвергается испытанию, а другая (контрольная) — нет. Исследуемые характеристики определяют у обеих групп мышей через один, два и три часа после начала испытаний. На этом опыты завершаются, все мыши снова возвращаются в общую ванночку.

Думаю, внимательный читатель уже обнаружил противоречие в рассказе. Только что говорилось о недопустимости какого-либо «переформирования» сообщества, и вот своими же руками мы нарушили провозглашенную заповедь, разделив на три часа подопытную и контрольную группы! Как это прикажете понимать?

Напомним, что цель наших экспериментов — биологическая индикация психологического состояния человека. Какого именно — об этом речь впереди. Но что бы нас ни интересовало, ясно: одни животные в процессе индикации должны находиться там, где на них действует предполагаемый фактор, а другие (контрольные) — на нейтральной территории. Иного не дано. Вот почему временное разделение животных жестко диктуется самой задачей эксперимента.

Между тем мы неоднократно наблюдали, как после переформирования сообщества в первые же часы у мышей возникают острые конфликты, продолжающиеся несколько дней, пока не оформится «новая власть». Когда идет выяснение отношений, «допрашивать» животных — напрасный труд.

Положение, казалось бы, безвыходное. Однако выход есть, и он уже содержится в изложенной форме опыта. То, что справедливо для мышей вообще, не относится к голодным животным, только что получившим доступ к пище. Пища дается в избытке, ее не нужно «отвоевывать» у собратьев — бери, ешь, сколько хочешь! В это время мышам, попросту говоря, не до ссор, у них другая цель — утолить голод. А восемнадцатичасовое голодание для мышей примерно соответствует недельному посту человека. Оно еще не приводит к каким-либо патологическим изменениям, но достаточно серьезно, чтобы на заданный срок нейтрализовать все виды «социальной активности» животных, когда они наконец приступят к насыщению. Что и требовалось доказать!

К тому же на подготовительном этапе мы определили, насколько расходятся измеряемые характеристики вследствие самого факта обособления двух групп мышей. В итоге мы могли уверенно судить, чего стоят (в вероятностном выражении) те отличия, которые получены в дальнейших опытах, когда на одну из групп действует исследуемый фактор.

Теперь надлежало выбрать объект для проверки нашей гипотезы, а также и методического подхода. Нам было ясно, что первые опыты необходимо провести с людьми, заведомо находящимися в состоянии повышенного эмоционального напряжения.

Перебирая различные варианты, мы остановились на сравнительно спокойном: провести исследование в стоматологической поликлинике.

Что будет в этом случае влиять на мышей? Не безумные мучения, которые характерны, увы, для многих тяжелых заболеваний, не угроза для жизни, не яростное напряжение спортивного поединка, не горе от потери близкого человека — всего лишь мелкая неприятность от пребывания в зубоврачебном кресле. Однако, не стоит, пожалуй, и преуменьшать. Пусть каждый, кто побывал у зубного врача, вспомнит свои ощущения. Один вид бормашины... сознание, что вот-вот она будет включена... и потом — сам процесс сверления... Согласитесь, читатель, что это все же испытание, требующее нервных затрат, и состояние человека, которому лечат зубы, не совсем обычное.

Итак, мы договорились со стоматологической поликлиникой № 3 города Новосибирска о проведении нашей работы[2]. В опытах, кроме меня, участвовали лаборантки И. Шашлюк и Г. Попельская.

Подопытные мыши в маленькой ванночке, прикрытой платочком, чтобы избежать излишнего ажиотажа, ставились на расстоянии около полуметра от зубоврачебного кресла, в котором лечили пациентов. Пациенты сменяли друг друга каждые десять — пятнадцать минут. Через час, два и три после начала опыта мыши уносились на «нейтральную территорию» в том же здании, где определялись показатели, уже перечисленные ранее. Перед каждым измерением — очень важный момент! — подопытные и контрольные мыши (последние находились на «нейтральной территории» все время) смешивались. Это делалось для того, чтобы экспериментатор, проводящий измерения, не знал, к какой из групп, контрольной или подопытной, относится данная мышь. Результаты записывались в протокол по номерам животных и лишь потом, по окончании всего опыта, разносились по группам. Такая мера обеспечивала чистоту эксперимента, поскольку знание «кто есть кто» может сильнейшим образом влиять на результат[3].

Что же обнаружилось в итоге? Отличия по сравнению с нормой, когда ни на одну из групп исследуемый фактор не действовал, оказались огромными по всем трем принятым методикам и в то же время весьма сходными между собой (для отдельных экспериментов). Мы не приводим здесь цифр, поскольку жанр статьи этого не позволяет. Придется читателю верить нам на слово. Заметим только, что вероятность нулевой гипотезы была во всех случаях значительно меньше одной тысячной.

Итак, на мышей, находившихся рядом с пациентами в зубоврачебном кресле, что-то, несомненно, влияло. Но что? С самого начала мы понимали, что не вправе относить наблюдавшиеся сдвиги только на счет психологического состояния пациентов. Ведь мыши слышат звук бормашины (по-видимому, достаточно для них неприятный), чувствуют связанную с ее работой вибрацию («физические» факторы). Возможно, на них действуют и запахи лекарств (химические факторы). Чтобы исключить их влияние, мы поставили еще одну группу опытов: в них все было точно таким же, кроме одного — состояния человека. Вместо сменяющих друг друга пациентов, в кресле сидела лаборантка, отлично знавшая, что бормашина, хотя и периодически включается, ничем ей не грозит.

В этой группе опытов также наблюдались статистически значимые отличия от нормы. Но! По мышечной силе они были достоверно меньше, чем в опытах с пациентами, а по суммационно-пороговому показателю и вовсе отсутствовали.

Таким образом, в «стоматологических» опытах мы доказали влияние на мышей особого психологического состояния пациентов (конкретно — на суммационно-пороговый показатель и мышечную силу животных).

Этим бы и закончились наши опыты, не подвернись нам счастливый случай для дополнительной проверки гипотезы. На базе той же стоматологической поликлиники в течение недели проходил прием государственного экзамена по стоматологии у студентов мединститута. Разумеется, мы воспользовались новым шансом. Теперь ванночки с подопытными мышами ставились рядом со студентами, сдающими экзамен. Во всем остальном процедура опытов оставалась прежней. Физическими факторами в данном случае можно было пренебречь (студенты беседовали с преподавателями тихо, вполголоса), а особое психологическое состояние экзаменующихся, думаю, не требует доказательств.

Что же мы наблюдали на этот раз? Снова были обнаружены громадные отличия от нормы в каждом эксперименте, даже еще большие, чем при лечении зубов. Но только по двум показателям — суммационно-пороговому и мышечной силе. На аппетит мышей «пере-

---

[2] Выражаем сердечную благодарность главврачу поликлиники Владимиру Викторовичу Овсянникову за содействие экспериментам (вплоть до предоставления собственного кабинета).

[3] Об этом подробнее в статье С. Сперанского «Что говорят о нас мыши», «Знание — сила», 1990 год, № 11.

живания» студентов влияния не оказывали. Это прекрасно согласуется с результатами «стоматологических» опытов, в которых выяснилось, что физические факторы ответственны за изменение одной пары показателей — массы тела и мышечной силы, а психологический — другой: мышечной силы и суммационно-порогового. Иными словами, суммационно-пороговый показатель, самым непосредственным образом отражающий реакцию нервной системы, оказался специализированным по улавливанию психологических влияний. Более связанная с физическим статусом мышечная сила служила «и нашим, и вашим». А масса тела — только «вашим», то есть изменялась лишь под действием физических факторов.

Словом, используя даже крайне ограниченный набор методов и при небольшом объеме всего исследования, мы получили чрезвычайно четкие результаты. Они не только подтвердили исходную гипотезу, но позволили также выявить качественное своеобразие в действии физических факторов и «психологической атмосферы». Сей факт вызвал у нас чувство глубокого удовлетворения. Просим извинить за газетный штамп, ставший анекдотическим, но посещает же нас иногда это чувство... Иначе стоило бы трудиться? Организационных трудностей было на нашем пути более чем достаточно. О каждой серии опытов можно написать небольшой юмористический рассказ. Вышел бы целый сборник! А сколько было разного рода срывов...

Однако вернемся к обсуждению полученных результатов.

О «глубоком удовлетворении» можно говорить, разумеется, лишь как о мимолетном чувстве. Сделанное мы считаем не концом работы, а лишь началом. Но началом, дающим твердую уверенность, что мы на верном пути. Уж кто пойдет по нему дальше — мы сами или другие исследователи, зависит от многих причин. Нельзя исключить и такой вариант, что протоптанная тропа заглохнет, порастет быльем, а потом кому-то придется прокладывать ее заново. История науки знает немало подобных примеров. Желанием предотвратить такой ход событий продиктована моя статья.

Быть может, это покажется парадоксальным, но главным итогом исследования мы считаем не подтверждение исходной гипотезы. Есть нечто еще более важное. Во всем мире принято при исследовании самых различных факторов сравнивать вариационные ряды наблюдений в отдельных временных точках для групп животных, относящихся к разным сообществам. Мы сравнивали выраженное в одной цифре расхождение к р и в ы х для животных, принадлежащих к одному сообществу, сравнивали с нормой, с тем, что бывает, когда ни на одну из групп исследуемый фактор не действует.

Это — принципиально иной подход, и здесь он продемонстрировал в полной мере свою мощь.

К перечисленным результатам мы и относим три четверти нашего «глубокого удовлетворения». Перейдем к оставшейся четверти.

Итак, мы получили прямые экспериментальные доказательства того, что понятие «психологическая атмосфера» — не метафора, что вокруг человека существует н е ч т о, связанное с его психикой и способное влиять на в с е живое. Слово «все», конечно, выводит нас за рамки полученного результата — опыты проводились конкретно на белых мышах. Однако едва ли кто-нибудь рискнет утверждать, что мыши — исключение, а прочие животные (и растения) нечувствительны к воздействиям такого рода.

Как я представляю дальнейшее развитие исследований? Разумеется, надо всесторонне изучать обнаруженный фактор.

Одно направление — физическая идентификация: опыты с разного рода экранированием, попытки уловить приборами то, что в наших опытах действовало на мышей. Честно говоря, это направление меня лично не очень увлекает.

Гораздо интереснее, на мой взгляд, продолжить опыты с собственно биологической индикацией. Тут непочатый край работы. Ведь наше исследование проведено, можно сказать, «на пальцах», с применением минимального числа (всех трех!) очень простых методик. Даже при таком убогом обеспечении удалось уловить (с помощью нашей методологии) качественное отличие в действии физических факторов и интересующего нас психологического. А если бы определялось, скажем, десять — двенадцать показателей: с регистрацией, с прямым вводом в машину, анализирующую их по заданным программам и непосредственно выдающую результаты?

Тут, не сомневаюсь, можно было бы разобраться в качественном своеобразии самих «особых психологических состояний». Понять, какие из них относятся к высоким напряжениям духовной энергии, а какие имеют нежелательный, деструктивный характер.

Принципиально на уровне достижений современной техники такое вполне осуществимо. И не когда-нибудь, а сегодня. Нужно «всего только» реализовать в наших условиях то, что уже освоено НТР, используя багаж идей, накопленный нами в конкретных областях знаний. Здесь мы ничем не хуже Запада. А где-то, наверное, и лучше. По пословице «голь на выдумки хитра». Разного же рода «выдумки» составляют душу научного исследования, тогда как техническое оснащение — всего лишь его тело. Душу у нас, по словам Есенина, на пуды мерят...

Перескочив через несколько промежуточных этапов, предадимся мечтам.

Существует гигиенический аспект проблемы: возможность оценки и регламентации психологического фактора во внешней среде. Т а к о й гигиены еще не было. Это не значит, однако, что она не нужна.

Физические и химические неблагоприятные факторы уже давно нормируются во всем мире. Но ведь психологическая атмосфера тоже может быть о т р а в л е н н о й, что не менее опасно для здоровья, чем, скажем, загрязнение воздуха токсическими веществами или вредное воздействие шума. Я не вижу принципиальных препятствий для прямого измерения патогенных свойств психологической атмосферы методом биологической индикации. Дело лишь за техническим воплощением идеи. И, разумеется, за накоплением, систематизацией и анализом получаемого экспериментального материала.

Или возьмем аспект индивидуальной диагностики — определение психического статуса человека (вспомним еще раз строку Гумилева, озаглавившую эту статью).

Есть и другие, не менее увлекательные грани применения биологической индикации. Например, возможность оценить коллективную реакцию зала на какой-либо фильм или спектакль.

Остановимся, хотя можно фантазировать и дальше.

До того, что мы здесь намечтали, еще очень далеко. Однако дорогу осилит идущий. Первые, самые трудные шаги уже сделаны.

Фото В. Прасолова

ПОНЕМНОГУ О МНОГОМ

Смерть на ладони

В результате исследования ладоней ста трупов обнаружено соответствие между возрастом и «линией жизни» — сообщило Британское королевское медицинское общество.

В ежемесячном журнале, издаваемом обществом, появилась информация о том, что в Бристоле трое врачей исследовали руки шестидесяти трех умерших мужчин и тридцати семи женщин. «Следует отметить,— сообщают специалисты,— неоспоримое статистическое соотношение, особенно между линиями на правой руке и возрастом покойника».

Ученые присутствовали при ста последовательных аутопсиях, исследуя руки людей, умерших в возрасте от тридцати до девяноста лет. По соотношению между размером ладони и длиной «линии жизни» ученые определяли возраст человека.

Другой исследователь, не принимавший участия в сборе данных и не знакомый с предложенной гипотезой, проанализировал представленный ему материал, а результаты сопоставил с медицинскими карточками, где был зафиксирован возраст покойников.

Результаты были отражены в диаграмме, причем точки, представляющие соотношение между размером ладони и соответствующей линии жизни, сгруппировались около прямой, изображающей действительный возраст умерших.

Ученые допускают, что их результат может носить случайный характер. Поэтому они высказывают и некоторые иронические замечания. Например, такие: «Открытие может иметь важные финансовые последствия, сказавшись на ограничении средств в здравоохранении, а пластические хирурги могут впасть в искушение расширить частную практику, удлиняя искусственно линии жизни своих пациентов».

За полтора миллиарда лет до конца света

Нынешний состав атмосферы — самый лучший. Мы не хотим, чтобы он хоть как-нибудь менялся, ибо все организмы не только «привыкли» к данному соотношению газов в воздухе, но родились при нем, и любое его изменение может стать роковым. Но ведь так было не всегда. Наша атмосфера живет своими законами, с течением геологического времени в ней одних газов становится больше, других меньше, бывает и наоборот. Откуда вообще берется атмосфера над Землей?

Она служит своего рода резервуаром отходов глубинных процессов, идущих в мантии планеты.

По данным исследований, проводимых в Институте океанологии имени П. П. Ширшова АН СССР, из недр наружу выходили только азот и углекислый газ. Кислород же имеет вторичное происхождение — он освобождался из силикатов, воды, углекислого газа в ходе разных химических процессов уже на поверхности и в самой атмосфере. Причем благодаря живым организмам в воздух попало до шестидесяти процентов всего имеющегося там кислорода.

Ученые проследили эволюцию земной атмосферы, так сказать, с самого начала. А тогда, в промежутке между четырьмя и тремя миллиардами лет назад, она почти целиком состояла из одного только углекислого газа. Спустя полмиллиарда лет ситуация изменилась: теперь в наличии были все газы, только кислорода оказалось чуть меньше, чем сегодня. Но уже за миллиард лет до наших дней и это отличие сгладилось, так что, появись мы тогда, дышать можно было бы прекрасно. Хуже дело обстоит с будущим. Нынешний «комфортный» уровень кислорода в воздухе продержится еще только шестьсот миллионов лет, а дальше начнет повышаться. Уже через миллиард лет его содержание возрастет в десять — двенадцать раз, а еще через шестьсот миллионов лет, когда прекратится тектоническая активность Земли, давление кислорода в воздухе достигнет пятнадцати атмосфер. Для всего живого это наверняка может обернуться настоящей трагедией.

Беда с кислородом
Бархатная революция образца восемнадцатого века
Звуковым лазером — по самолетам

«Рука» Парижа?

Давно минули времена, когда революционную Францию подозревали, возможно и не без оснований, в причастности к возникающим то тут, то там всяческим волнениям и бунтам в спокойном мире феодально-крепостнической Европы. В России одним из таких событий стал так называемый «арбузный бунт», охвативший в августе 1796 года весь юг страны. В то время просвещенная Екатерина II готовилась к войне с Францией, шли интенсивные приготовления, уже назначили главнокомандующего — А. В. Суворова, и всякая смута была очень некстати. А крестьянское движение к концу века в Новороссии все больше нарастало, в волнениях принимали участие уже и военные — матросы и солдаты. В данном случае, как писала императрица в секретном рескрипте Суворову, «от матрозов произошли буйствы и продерзости»...

События тех дней анализируют историки из Советской социологической ассоциации. Волнения начались в Николаеве, где матросы и солдаты, «вооружившись арбузами» и с криками «ура», захватили шесть возов и учинили погром на местном рынке. Вскоре бесчинства охватили Херсон и Одессу, но были решительно подавлены. Никого, однако, не казнили, хотя и наказали ссылками и каторгами. Расследование показало, что «должны здесь быть со стороны французской шпионы», хотя их так и не нашли. Среди зачинщиков попался кадровый русский офицер Бутми-де-Кацман, в прошлом храбрый участник штурма Измаила, о чем писал А. В. Суворов. Теперь же разжалованный герой был назван следователями «сущим Пугачевым».

За что же боролись участники «арбузного бунта»? Незадолго до событий прошел слух, будто императрица отрекается от трона, а новый государь, Павел, якобы уже подготовил два указа: один — об отмене крепостного права, другой — о разрешении на три дня грабить лавки а честь рождения наследника престола Николая Павловича.

Низкий голос атмосферы

Вам не приходилось, пролетая в самолете, слышать какие-нибудь устрашающие звуки? Нет? Это, наверное, оттого, что их заглушают ревущие двигатели. А они есть, и это доподлинно известно,— довольно мощные звуковые и инфразвуковые колебания, идущие от Земли вверх, прямо к летящему в небесах авиалайнеру.

Надо сказать, что инфразвук, не слышимый человеком, вызывает у него ощущение необъяснимого страха. Колебания такого рода слабо поглощаются в атмосфере и распространяются на большие расстояния. Они порождаются и естественным путем перед началом всяческих природных катаклизмов — землетрясений, бурь, цунами — и сопровождают их протекание. Но в данном случае речь идет не о них.

Изучая процессы перехода воды в пар и обратно, в Нижегородском научно-исследовательском радиофизическом институте теоретически предсказали такое явление. При конденсации пара в капельки воды выделяется тепло, капельки при этом растут и синхронно колеблются. В результате должен генерироваться акустический сигнал, который со временем только усиливается. Механизм усиления, по расчетам, когерентный, совсем как у лазеров, а частота — в пределах 15—20 герц, на грани между звуком обычным и инфразвуком.

Самое интересное, что все это должно происходить в природных условиях в атмосфере. С учетом нагрева воздуха солнцем и подъема теплых воздушных масс вверх, на высотах около двух километров могли бы быть уже вполне ощутимы по мощности инфразвуковые поля. Дело за малым — измерить их приборами прямо «на месте» и решить, насколько это новое природное явление может представлять опасность для воздухоплавателей.

До звезд рукой подать
Гусеницы — отличные строители!
Человек — биоиндикатор состояния среды

Звездные влияния на Земле

Оказывается, далеким звездам есть дело до нас. Они как-то воздействуют, вмешиваются в дела земные. Не верите? А вот есть доказательства, их получают в точных физических опытах. Отметим, кстати, что впервые подобные факты были предсказаны и частично подтверждены еще в семидесятых годах известным советским астрофизиком Н. А. Козыревым, но тогда его работы по достоинству оценены не были.

Итак, влиянием звезд в наши дни интересуются в Институте математики Сибирского отделения АН СССР в Новосибирске. Специальная программа предусматривает всевозможные измерения, и они уже несколько лет проводятся на базе Крымской астрофизической обсерватории АН СССР. Измерения делаются очень просто. В фокальную плоскость оптического телескопа ставят датчик — электрическое сопротивление, через которое проходит ток. Такой датчик оказался, к слову, очень чувствительным. Он реагировал на факт испарения ацетона из колбы, находящейся в той же комнате, на растворение сахара в чашке чая и на другие события сугубо «местного значения».

Когда же телескоп навели на далекую звезду, расположенную от нас за двести с лишним световых лет, то датчик отметил на небосводе ее истинное положение. Звезда, конечно, была видна и так, но из-за аберрации, связанной со взаимным движением обоих наших космических тел, ее видимое изображение смещено относительно истинного на доли угловой минуты. До сих пор это истинное положение определяли с помощью сложных расчетов. Но тут датчик, обыкновенный резистор, точно указал, где в этот момент на небе находится далекая звезда. Как же ему это удается? Пока неизвестно. Интересно, что и видимое изображение он регистрирует тоже, правда, более слабым сигналом. А общий вывод получается такой: звезды каким-то образом дистанционно воздействуют на показания наших приборов.

Домовитые «малыши»

Строительство отдельного дома-гнезда входит в обязательную программу «устройства в жизни» многих животных. Интересно, что насекомым, например, домик бывает нужен чаще всего в самом раннем детстве, в стадии личинок. Взрослые бабочки ручейники, бабочки психиды, комары звонцы — совсем разные как по образу жизни, так и по поведению, а вот их дети ведут себя очень сходным образом. Надо сказать, что личинки весьма похожи друг на друга — гусеницы они и есть гусеницы. Но и домики, оказывается, они строят однотипные. На это обстоятельство обратили внимание в Институте эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова АН СССР и в Воронежском лесотехническом институте.

Наблюдая за жизнедеятельностью трех видов насекомых, исследователи обнаружили явные параллели в образе жизни, в приемах строительства и в его результатах. Хотя животные находятся в разных, порой далеких родственных отношениях, но образ жизни в личиночной стадии — в воде, сходство других условий, видимо, и определило параллелизм во всем остальном. Конечно, полного совпадения тут нет и быть не может. Но, как считают ученые, здесь наблюдается явное сближение как «принципов» строительной деятельности, так и вида и конструкции готовой постройки. Причем чем короче родственные связи, тем больше сходства в «устройстве дома».

В целом же это явление в какой-то мере отвечает закону Н. И. Вавилова о гомологических рядах. По словам экспериментаторов, этот закон «дает возможность охватить в стройные системы исключительное разнообразие жизненных форм и типов поведения».

«Зеленые» — в бой!

Движение «зеленых» охватывает массы людей. Возникает вопрос: нельзя ли использовать энергию его участников для решения каких-то конкретных экологических проблем? Интересную концепцию в этом плане разрабатывает московский биофизик, кандидат медицинских наук Георгий Александрович Чуич. Занимаясь проблемами контроля загрязнения среды, он убедился, что вредных влияний — множество, а их сочетания непредсказуемы по своим последствиям, и потому изучать их одно за другим, дабы определить «предельно допустимые дозы», практически невозможно. Нужны какие-то интегральные оценки, а с ними — и датчики, реагирующие сразу на все воздействия среды, вместе взятые. Где такие датчики возьмешь? А очень просто — это сами живые организмы, только тщательно подобранные. Но и тогда исследования с применением подобного «биотестирования» получаются громоздкие и дорогостоящие.

Выход подсказали «зеленые», штурмующие на экране телевизора очередную АЭС или целлюлозно-бумажный комбинат. А что если каждого из них нагрузить особым заданием? Примеры такого использования людей — добровольных помощников служб мониторинга среды — есть и они довольно убедительны. Так, в Китае в 1975 году было мобилизовано сто тысяч добровольцев, которым поручили делать наблюдения за природой вообще и животными в частности, отмечая и донося «куда следует» все необычное. В результате удалось спрогнозировать крупное землетрясение и спасти миллионы людей. В США школьникам на уроке по экологии дали задание следить за вкусом и запахом пищи, воды и воздуха. Это позволило создать карты экологического состояния региона, причем более точные, чем карты специальных служб. Вот и программа, разработанная в данном случае для Москвы, предполагает снабдить всех активистов анкетами-вопросниками. Затем компьютерный анализ позволит построить на их основе экологические карты микрорайонов, понятные всем и каждому.

УЧЕНЫЙ О СВОЕМ ДЕЛЕ

И. Подгорный,
доктор физико-математических наук

Каток времени

«Мы сегодня много говорим о грядущей «утечке мозгов». Это действительно серьезная проблема. Но отдает ли себе кто-нибудь отчет в том, что лет через двадцать такой проблемы не будет?» К подобному выводу автор публикуемой ниже статьи приходит на основании личного опыта.

Наверное, многие задумываются, как сложилась бы их судьба, если бы не то или иное событие. Я тоже иногда размышляю над этим. Делом моей жизни стало лабораторное моделирование космических явлений. Полученные результаты позволили многое понять в физике солнечно-земных связей. Думаю, факты подобного рода составляют смысл любой исследовательской деятельности. Лишь открытие нового служит критерием истинного успеха ученого.

Вот почему могу сказать: однажды выбранное направление исследований оказалось для меня удачным. Имеются и чисто внешние атрибуты успеха. Мои работы хорошо известны за рубежом. Видные иностранные ученые предлагают мне сотрудничество. И странно сознавать, что столь счастливый выбор темы начинался с полнейшего, как мне тогда казалось, жизненного краха. Но вернемся к началу, точнее, в 1945 год.

В то время я пребывал в довольно затруднительном положении. Пройдя все ужасы войны, начиная от фашистской неволи и проверки в СМЕРШ до тяжелого ранения и демобилизации с инвалидностью, я хотел тем не менее поступить на физико-математический факультет Харьковского университета. Пришлось умолчать о полутора годах, проведенных за колючей проволокой,— иного выхода не было. Все прошло благополучно: меня приняли. Окончив университет, я получил направление на работу в Институт атомной энергии (ИАЭ). Моими первыми руководителями стали Л. А. Арцимович, И. В. Курчатов, А. Д. Сахаров, С. Ю. Лукьянов.

В обстановке строгой секретности, тщательно скрывая друг от друга идеи и результаты, Советский Союз и США начинали работы по термоядерному синтезу. По сути то была первая попытка «приручить» водородную бомбу, то есть создать условия для управляемого выделения энергии при синтезе легких атомных ядер. Для этого требовалось нагреть вещество до таких гигантских температур, что электроны отрывались от атомов и вещество переходило в состояние плазмы. (Тогда я меньше всего думал, что в основном из такой же плазмы состоит вещество в космосе.)

Исследования оказались для меня на редкость плодотворными: первые работы по нагреванию плазмы, первый ускоритель плазмы, открытие ускоренных частиц в импульсном разряде, Ленинская премия, доклады в Европе, США, Китае. Я был самым молодым заведующим лабораторией.

Трехмерная проволочная модель магнитосферы Земли, изготовленная по результатам модельного эксперимента. Каждая проволочка показывает форму магнитной силовой линии. На дневной стороне (слева) поле сжато, а на ночной (справа) вытянуто и образует магнитный хвост. Модель ныне уничтожена.

Все рухнуло в 1963 году. Общественная следственная комиссия обвинила меня в чудовищных преступлениях, включая и абсолютно бессмысленные: например, «уклонение от службы в Советской Армии» в семнадцатилетнем возрасте. Все обвинения основывались на ложном доносе ненормального человека. Но это было не важно. В ИАЭ после смерти И. В. Курчатова правил новый директор. По его представлению приняли целый ряд секретных решений: они лишали меня всех регалий и званий. К счастью, воинские награды и звания не отобрали — вмешался Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Однако большего сделать он тогда не смог. Лишь благодаря активной поддержке академиков Л. А. Арцимовича и Е. К. Завойского мне все-таки разрешили работать, разумеется, одному — без помощников и лаборантов. Последующие обращения в высшие инстанции летчика М. В. Водопьянова и писателя С. С. Смирнова остались без ответа.

Именно тогда, оставшись один, я заинтересовался лабораторным моделированием космических явлений. Логика простая: до «разоблачения» я исследовал плазму. Но вещество в космосе тоже состоит в основном из плазмы. Значит, в лабораторных условиях можно попытаться изучать космические процессы.

Я начал с моделирования солнечного ветра. Известно, что наша планета обдувается сверхзвуковым потоком ионизированного газа — плазмой (своего рода «продолжением» солнечной короны). Этот поток и называют солнечным ветром. Почему он привлек мое внимание?

Ранее я несколько лет работал под руководством Л. А. Арцимовича над проблемой ускорения плазмы для осуществления управляемых термоядерных реакций. В лаборатории С. Ю. Лукьянова мы создали первый электродинамический ускоритель плазмы. Он позволял ускорять ее до сотен километров в секунду, то есть до скоростей, типичных для солнечного ветра. Изменяя условия работы ускорителя, для многих параметров плазмы в принципе можно было достичь таких же характеристик, как в настоящем солнечном ветре.

Но для начала напомню, о чем идет речь. Солнечный ветер сжимает магнитное поле Земли на дневной стороне и вытягивает его на ночной — возникает протяженный геомагнитный хвост. Сжатое магнитное поле играет роль своеобразного препятствия для солнечного ветра. В итоге существует область, куда не проникает солнечный ветер, — ее назвали магнитосферой. При их взаимодействии образуется ударная волна. И Землю вполне можно сравнить с огромным космическим кораблем: обладая магнитной защитой от вредного влияния солнечного ветра и космических лучей, он движется относительно окружающей межпланетной плазмы со сверхзвуковой скоростью, вызывая носовую ударную волну. Этот «полет» я и хотел смоделировать в лабораторных условиях. За рубежом исследователи тоже работали в данном направлении.

Рассуждения здесь сводились к следующему. Магнитное поле Земли представляет собой поле диполя. Значит, в качестве модели Земли можно взять намагниченный шарик или катушку с током. Направив на такую модель сверхзвуковой поток плазмы, получим условия, аналогичные космическим. Совсем как в авиастроении. Только здесь в своеобразной аэродинамической трубе будет поток плазмы вместо потока воздуха.

Такова схема. Параметры плазмы (температура, концентрация частиц, электрические и магнитные поля) следовало выяснять в ходе исследований.

Первые эксперименты, выполненные в США, Швеции, Японии, проводились с довольно произвольно выбранными параметрами плазмы. Но уже они показали перспективность нового направления в космической физике. Взаимодействие солнечного ветра с небесными телами удавалось моделировать на Земле, в лаборатории!

Эти же эксперименты продемонстрировали и свою главную трудность. Чтобы адекватно воспроизводить космические явления, требовалось правильно выбрать параметры плазмы. А как — оставалось неясно. Условия моделирования удалось сформулировать не сразу.

В такой обстановке я и занимался исследованиями. Не буду останавливаться на подробностях. Скажу только, что, используя узлы своего демонтированного оборудования, мне удалось создать поток сверхзвуковой бесстолкновительной плазмы. Причем ее параметры были таковы, что позволяли рассматривать поток как искусственный солнечный ветер.

Разумеется, речь идет не о всех параметрах. Как и в любом другом модельном эксперименте, здесь нельзя все космические явления воспроизвести точно. Я же хотел ни много ни мало создать модель магнитосферы. В лабораторной установке длиной 1—2 метра смоделировать объект, натуральные размеры которого превышают сотни тысяч километров! Вот почему в таких случаях говорят об **ограниченном** лабораторном моделировании.

Итак, мне удалось осуществить ограниченное лабораторное моделирование процессов в солнечном ветре. Тогда же был сформулирован и **принцип ограниченного моделирования**.

Работа пошла успешно. Неофициально со мной начали работать дипломники и аспиранты, числившиеся за другими руководителями. Это было уже нарушением запрета директора и секретаря партбюро, но здесь взял ответственность на себя начальник лаборатории Е. К. Завойский. А в 1964 году случилась новая неприятность, мне запретили преподавательскую деятельность, даже по совместительству — в МГУ на кафедре атомной физики. Я был огорчен, но утешали результаты экспериментов. Ведь тем временем в лаборатории мне впервые удалось создать модель взаимодействия солнечного ветра с магнитным полем Земли.

Уже говорилось, что магнитное поле, образуемое токами в недрах Земли, дипольно. А потому в модельном эксперименте его можно «заменить» полем небольшого намагниченного шарика или, еще лучше, полем небольшой катушки с током. Что и было сделано. Теперь, меняя силу и направление тока в катушке, я задавал условия, типичные для Земли или других планет. Поток плазмы деформировал поле диполя, имитируя различные типы магнитосфер.

Лабораторная модель обладала всеми основными особенностями магнитосферы Земли, включая бесстолкновительную ударную волну и магнитный хвост. Эта миниатюрная магнитосфера, в сто тысяч раз меньше реальной, открывала для исследователей новые возможности. Преимущество работы с ней не ограничивалось только удобством постановки и дешевизной эксперимента. Лабораторная магнитосфера позволяла активно вмешиваться в ее жизнь, не опасаясь вредных последствий.

Приведу лишь один пример. Известно, что быстрые частицы, захваченные магнитным полем Земли, образуют вокруг нее радиационный пояс. Каким образом частицы, рожденные при ядерных реакциях на Солнце, могут проникать через магнитный барьер и оказываются в магнитосфере? Лабораторная модель магнитосферы позволила ответить на этот вопрос. (В эксперименте использовались небольшие перегородки.)

Выяснилось, что наполнение радиационного пояса происходит из хвоста магнитосферы. И часть магнитных силовых линий хвоста магнитосферы представляет собой продолжение линий поля Солнца. Двигаясь вдоль таких линий, рожденная на поверхности Солнца заряженная частица может попасть внутрь магнитосферы Земли.

Надо ли говорить, что подобный эксперимент уникален, а в реальной магнитосфере еще и невозможен. Но здесь я немного забегаю вперед. Такой эксперимент был поставлен позже, пока же сообщение о создании лабораторной модели магнитосферы разрешили направить в печать. Однако личные контакты и переписка с учеными Запада по-прежнему находились под жестким запретом.

Вмешался случай. В 1967 году по дороге в Новосибирск на международную конференцию наш институт посетил известный американский ученый Ален Колб, с которым я подружился в Женеве в 1958 году. На этот раз дирекция допустила непростительный промах: меня не предупредили, чтобы я не приходил и работал дома. (Так делали всегда при посещении института иностранными учеными.)

Утром в коридоре меня встретил Е. К. Завойский и, отозвав в сторону, прошептал: «Колб в одиннадцать делает доклад в нашем конференц-зале, войдите с опозданием минут на пять — десять». Я так и сделал. Колб стоял на трибуне рядом с Завойским. Увидев меня, он быстро спустился вниз. Мы обнялись, и Колб сказал: «У нас все считали, что ты арестован». Договорились отпраздновать встречу вечером в ресторане «Славянский базар». Там к нашему столику то и дело подходил непонятный субъект: то его раздражала английская речь, то фотоаппарат Колба. Впрочем, это могло быть и случайным совпадением.

На другой день мне позвонили, сначала — из парткома, а затем — из дирекции. Я совершил серьезное нарушение служебного режима — встретился с иностранцем без разрешения, да еще в ресторане. С меня потребовали сначала письменное, а затем хотя бы устное объяснение. Я ответил категорическим отказом. Тогда мне стали угрожать. Ночь прошла в тревоге...

Установка, которая ныне уже разрушена. Ускоритель плазмы, создающий искусственный солнечный ветер, расположен слева. Эксперимент ведется в вакуумной камере.

Утром из парткома позвонили вновь, но тон был уже другим. Мне сообщили, что дирекция подписала мою командировку в Новосибирск, куда направлялся и Колб на конференцию по ударным волнам в плазме. Более того, мне разрешили выступить с докладом о лабораторном моделировании магнитосферы Земли. И совсем уже поразительная вещь: они позаботились о билете на самолет.

В самолете в отдельном салоне оказалась американская делегация — специалисты по физике плазмы и управляемым термоядерным реакциям. Почти все они знали о моем неожиданном исчезновении за «железным занавесом». Можно представить мое изумление, когда через полчаса после взлета очаровательно улыбающаяся стюардесса пригласила перейти в салон американской делегации.

В Новосибирске я сделал первый доклад о лабораторном моделировании космических явлений. Я волновался, с трудом подбирал английские слова. Меня слушали специалисты высочайшего класса. Реакция присутствующих окончательно убедила меня в том, что я выбрал правильное направление и получил новые интересные данные. Так была прорвана блокада.

Мои первые работы перевели и издали в Принстонском университете (США). Я стал получать многочисленные приглашения на международные конференции. И когда они проходили в СССР, мне позволяли уже в них участвовать. Но самое главное — директор Института космических исследований АН СССР (ИКИ) академик Г. И. Петров пригласил перейти в его институт и организовать там группу моделирования. Благодаря усилиям наших ведущих ученых администрация ИАЭ наконец дала согласие на перевод.

И начался счастливый период деятель-

ности в ИКИ. Неоценимую помощь в развитии модельных экспериментов мне оказали академики С. Н. Вернов и Б. П. Константинов. С ними обсуждались все новые результаты. Принцип ограниченного моделирования получил международное признание. Однако Г. И. Петров так и не смог послать меня в командировку за рубеж. Его власти хватало лишь на то, чтобы направлять мои доклады на конференции. Доклады от моего имени читали не только ученые СССР, но и США, Швеции. Конечно, поездки как таковые мало для меня значили. Но отсутствие живого общения с иностранными коллегами порой остро ощущалось в работе — его явно не хватало.

И все же, несмотря на это, удалось продвигаться вперед. Моделируя взаимодействие солнечного ветра с Землей, мы обнаружили неидеальность магнитной защиты Земли. Результаты экспериментов однозначно свидетельствовали, что определенная часть солнечного ветра прорывается через магнитные щели в магнитосферу. Однако некоторые геофизики во главе с Ю. И. Гальпериным этот эффект полностью отвергали. В общем-то, меня не удивляло такое неприятие моих работ. Но первые опыты в Японии также давали указания на существование подобного эффекта. В работах же Г. А. Скуридина с сотрудниками прорыв плазмы обосновывался теоретически. Конец неопределенности положил профессор Л. А. Франк из США. Мы обнаружили прорыв плазмы солнечного ветра через магнитные щели в модельном эксперименте. А он в присланном мне препринте сообщал об открытии этого явления в космосе[1].

Тем временем мы шли дальше и получили новые результаты. Анализируя их, мы пришли к выводу, что в полярных областях должны существовать потоки плазмы, направленные к Солнцу. На первый взгляд, это противоречило законам механики: существование потоков плазмы в магнитосфере всегда объясняли механическим воздействием солнечного ветра, идущего от Солнца. И конечно, все те же специалисты подвергли нас «здоровой» критике. Но при определенном направлении межпланетного магнитного поля удалось наблюдать такие потоки. Отсюда следовало, что в передаче энергии от Солнца к Земле принципиальную роль играет межпланетное магнитное поле. И обнаруженный эффект вызывается не механическим воздействием, а электродинамическими силами...

Постепенно мы перешли к взаимодействию солнечного ветра с другими планетами. И решили сравнить результаты, полученные на модели Луны (не проводящий ток шарик в потоке искусственного солнечного ветра) и на реальной Луне. Нас, в частности, интересовала магнитная активность. (Американские космонавты делали подобные измерения на Луне под руководством профессора Ч. Соннета.) Совместное советско-американское исследование выполнялось без всяких формальностей: встретились с профессором Соннетом и договорились о совместном анализе измерений. В итоге такой работы удалось понять природу магнитной активности.

Трехмерная модель наведенной магнитосферы кометы. Магнитное поле удерживается на дневной стороне плазмой, образованной ионизованными продуктами испарения ядра. На ночной стороне образуется протяженный магнитный хвост. Эта конфигурация поля кометы была обнаружена в лабораторном эксперименте и подтверждена измерениями на американском космическом корабле «Интернэшнл комет эксплорер».

[1] Забавно, но после публикации работы Франка Ю. И. Гальперин нашел эффект внедрения солнечного ветра в магнитосферу и в своих старых измерениях. Еще забавнее, что это были измерения, на основе которых он ранее делал вывод об отсутствии такого внедрения. Замечательный пример «объективного» подхода к научным результатам.

И здесь нас вновь ожидало открытие. С моделью Луны работал мой аспирант Ю. Андриянов. Вещество, из которого была сделана модель, легко испарялось под действием потока плазмы. И Андриянов заметил, что ионизованные продукты испарения светились по-разному. Он же догадался, что это зависело от того, имелось ли в искусственном солнечном ветре магнитное поле или нет. Чем объяснить такой эффект? Возможно, сказывается влияние наведенной магнитосферы? Она могла бы возникать в подобных условиях: такую мысль высказывал шведский ученый Х. Альфвен. Правда, он предполагал существование наведенной магнитосферы у комет. А солнечный ветер с Луной и кометами взаимодействует по-разному. Основное отличие как раз в том, что ядро кометы легко испаряется и продукты испарения ионизируются солнечным излучением.

Высокая электрическая проводимость облака плазмы вокруг кометы придает взаимодействию с солнечным ветром особый характер. Линии магнитного поля как бы переносятся солнечным ветром и, встречая другое ионизированное вещество, «зависают» в нем. При этом можно ожидать образования длинного магнитного хвоста, напоминающего хвост Земли. В то время никто еще не мог теоретически исследовать такой процесс, а непосредственных измерений у комет не было. Естественно, у нас родилась идея создать и исследовать модель магнитосферы кометы.

Начались долгие и кропотливые лабораторные эксперименты с моделью ядра в виде воскового шарика. Они показали, что комета действительно обладает наведенной магнитосферой с магнитным хвостом. Из них же следовало, что электродинамические силы отталкивают плазму от кометного ядра в сторону, обратную Солнцу. Значит, светящийся хвост кометы вытягивается солнечным ветром за счет электромагнитных сил. В итоге наведенная магнитосфера имеет длинный магнитный хвост с «поджатым» полем на дневной стороне и ударной волной. Такая модель магнитосферы кометы объяснила наконец основные данные наблюдений. Но настоящий триумф мы испытали после первого полета американского космического корабля к комете Якобини — Циннера. Результаты выполненных на нем исследований окончательно подтвердили правильность нашей модели...

Следующим объектом нашего внимания стала Венера. Нас заинтересовали добытые с помощью космических аппаратов сведения. Они были необычны, и тогда их объясняли существованием собственного магнитного поля планеты. Однако детальные сравнения измерений в космосе и в лаборатории показали, что магнитный момент Венеры очень невелик и практически все магнитное поле вблизи планеты создается наведенной магнитосферой. Иными словами, с точки зрения плазменной электродинамики, взаимодействие солнечного ветра с Венерой и кометами мало отличается. Разница лишь в значительных гравитационных силах Венеры, удерживающих ее атмосферу от разлета. Но в области взаимодействия солнечного ветра с наведенной магнитосферой этой разницей можно пренебречь. Ведь гравитационная сила, действующая на ионы, в тысячи раз меньше электромагнитной. И в относительно грубом приближении лабораторного эксперимента гравитацию можно не учитывать.

Чем дольше мы работали с моделями, тем больше я восхищался новым «инструментом»: перед исследователями космоса открывались поразительные возможности. Во многих случаях моделирование позволяло отказаться от дорогостоящих запусков космических аппаратов и получать нужные сведения в лабораторных условиях на Земле. Более того, с помощью моделирования удавалось добывать данные, которые либо «ускользали» от космических кораблей, либо были для них труднодоступны.

Поясню свою мысль. В околоземном космическом пространстве происходят непрерывные изменения. Время от времени случаются геомагнитные бури: по сути это взрывы с выделением колоссальной энергии, порой равной энергии взрыва атомной бомбы.

И вот такая динамичная система, живущая сложной жизнью, исследуется с помощью космического аппарата. На его борту установлен комплекс приборов, измеряющих параметры космического пространства (температуру плазмы, ее концентрацию, электрические и магнитные поля). Казалось бы, созданы все условия для работы. Однако каковы реальные возможности космического аппарата? Увы, они очень невелики. Ведь траектория полета чаще всего неуправляема: она сразу задается при старте на космодроме, и изменить ее невозможно[2]. Нас интересует, например, внезапная геомагнитная буря. Но далеко не всегда удается выбрать траекторию так, чтобы она проходила через наиболее интересные области в нужное время. И космические аппараты обычно лишь изредка пересекают те области пространства, для изучения которых конструировалась научная аппаратура.

В лаборатории проще: всегда можно установить измерительные зонды именно там, где это нужно, и проводить измерения именно тогда, когда исследуемый процесс представляет наибольший интерес.

Другую особенность космических измерений лучше поясним на конкретном примере. Допустим, прибор, измеряющий концентрацию плазмы, зарегистрировал ее рост в течение десяти секунд. Не имея иной независимой информации, событие можно трактовать по-разному. Можно предположить, что в данный момент происходила ионизация нейтрального газа и как следствие возникали новые заряженные частицы. Тогда регистрируемое увеличение концентрации служит характеристикой процесса ионизации.

Второе объяснение совсем иное. Космиче-

[2] Так, например, чтобы приземлиться в заданном районе, кораблю космонавта Г. Титова необходимо было сделать именно семнадцать витков, ни больше и ни меньше.

ский аппарат мог пересечь облачко плазмы высокой концентрации, образованное задолго до запуска аппарата. Подобные облачка способны существовать длительное время.

Так что же на самом деле имело место? Сказать трудно. Легкомысленный теоретик выберет то объяснение, которое вытекает из его теории, однако это совершенно неприемлемо для исследователя, стремящегося дать объективную картину космического явления.

Модельный эксперимент избавляет ученого от затруднений подобного рода. Измерительный прибор строго фиксирован в определенной точке пространства, а потому измеряет нужный параметр плазмы в заданной точке.

Наконец, третья особенность измерений в космосе. Чрезвычайно трудно установить, существует ли связь между двумя событиями в различных областях космического пространства. А если существует, то какая. Например, как исследовать связь между идущими от Солнца возмущениями солнечного ветра — ударными волнами и геомагнитной бурей? Для этого необходимо, чтобы один из аппаратов, находящийся в межпланетном пространстве, зарегистрировал ударную волну, а другой одновременно оказался именно в той точке магнитосферы Земли, где наблюдаются эффекты бури. Такой случай представляется крайне редко. Зато в лабораторных условиях он моделируется относительно просто. Достаточно поместить два датчика там, где нужно, и создать по команде ударную волну.

Итак, казалось бы, ясно: за моделированием космических явлений — большое будущее. И дорогие эксперименты в космосе надо готовить, максимально используя методы наземного моделирования. Так думал я, так думали мои коллеги, так продолжают думать за рубежом. Но одно дело — здравый смысл, научная объективность и совсем другое — конъюнктурные соображения.

В ИКИ сменился директор: сперва им стал молодой энергичный ученый Р. З. Сагдеев, позже — не менее энергичный А. А. Галеев. При них были подготовлены проекты «Вега», «Фобос», «Активный», на которые расходовались колоссальные народные средства. Мне казалось, что в такой ситуации особенно важно не допустить просчетов, ошибок в ходе работ. Однако моя критика вызвала у руководства лишь глухое раздражение. А предложение использовать лабораторное моделирование (при подготовке проектов) просто проигнорировали.

Я позволил себе научное инакомыслие. И был за это строго наказан. Сперва Р. З. Сагдеев категорически отказался подписать мои документы для участия в конференциях, проходивших в США и Европе. Мотивировка простая — политическая неблагонадежность. Он даже потребовал, чтобы я сам отклонял приглашения иностранных ученых.

Не буду говорить о своих протестах, о письмах «наверх» (в том числе и Л. И. Брежневу). Разумеется, все кончилось плачевно: дирекция отозвала из Высшей аттестационной комиссии мои документы на присвоение звания профессора. И все же я продолжал работу.

Однако в 1987 году произошло событие, которому трудно подыскать определение. Я бы назвал это интеллектуальным терроризмом. Мою лабораторию и научную группу внезапно расформировали, но самое страшное — варварски разрушили мои уникальные установки. В те дни меня посетил известный японский специалист по лабораторному моделированию космических явлений Ш. Минами. Мы собирались обсуждать планы дальнейших работ. Надо было видеть лицо ученого: его просто ошеломил учиненный разгром. Код на электронном замке моего лабораторного зала поменяли. Уникальные установки вместе с документацией и диагностической техникой, разрабатываемой мною многие годы, уничтожили.

Началась новая волна травли. Порой мне казалось, что я вернулся назад, в шестидесятые годы,— опять нелепые клеветнические доносы, провокации. И тогда я не выдержал. Я обратился к Генеральному прокурору СССР с просьбой разобраться и объяснить, в чем выражается моя «политическая неблагонадежность».

Дальнейшие события произвели на меня ошеломляющее действие. Были тщательно изучены все факты и документы, найдены оставшиеся в живых свидетели. И через полгода Верховный суд РСФСР принимает постановление о защите моих чести и достоинства. Возвращаются отобранные звания! И хотя в ИКИ всячески тормозили восстановление законности, спустя восемь месяцев им все-таки пришлось вернуть в ВАК незаконно отозванные документы.

После долгой борьбы, с обращением «на самый верх», мне наконец разрешают доложить свои работы на конференции в США. Я совершаю восхитительное путешествие по американским космическим центрам. Когда там мне показывают копии протестов, направленных Р. З. Сагдееву в связи с уничтожением моих установок, я чувствую глубокую благодарность[1]. Еще вчера я критиковал их работы, не всегда соглашался с их выводами, а сегодня они протягивают мне руку помощи.

Создается впечатление, что история имеет «хэппи энд». К сожалению, это не так. Уникальное оборудование гниет в сыром подвале, вакуумная камера и система откачки переданы «для других работ» (причем мне не известна ни одна научная работа, выполненная на этом оборудовании).

Не имеют никаких результатов многочисленные резолюции президента АН СССР. (А в них указывается на необходимость разобраться с судьбой лабораторного моделирования.) Та же реакция — на письмо председателя Комитета народного контроля и на выводы Прокуратуры СССР...

Я — не специалист в области организации науки и занимаюсь совсем другими вопросами. Мне ясно лишь одно: при существующем положении дел отечественная наука обречена на отставание, а в недалеком будущем — и на тихое угасание. Мы сегодня много говорим о грядущей «утечке мозгов». Это действительно серьезная проблема. Но отдает ли себе кто-нибудь отчет в том, что лет через двадцать такой проблемы не будет? И не потому, что мы ее решим. А потому что просто нечему будет утекать.

[1] Интересно, что копии писем были отправлены мне в ИКИ, но до меня не дошли.

НА ПОЛЯХ ЧУДЕС

Хлопок двух ладоней

Л. Карпов, кандидат философских наук

Совсем недавно паранормальные явления объявлялись несуществующими потому, что они не отвечают принципам материализма. В XVIII веке этому правилу следовала, как известно, Парижская Академия наук, упорно отрицая падение метеоритов. Французский крестьянин, не знавший тогдашней физической теории, доверял своим чувствам и видел, как упавший с чистого неба камень пробивал крышу дома. Ему в голову не приходило, что видимое есть иллюзия или оптическое явление: он молча подсчитывал убытки и принимался за ремонт.

Теперь времена изменились. Признают не только метеориты, но и реальность паранормальных явлений. Однако материалистическая доктрина не думает уходить: наши новоявленные парапсихологи настолько привыкли к материалистическому восприятию мира, что даже паранормальные феномены не в состоянии принимать иначе.

Чего стоит, например, популярная в парапсихологической среде характеристика идеального как непознанного материального. Получается, что идеального в объективном мире нет, и совершенно непонятно заявление сторонников тезиса о том, что идея и материя — суть две стороны одной медали. Ведь одной из сторон-то нет! Все это напоминает известный дзенский коан: «Если хлопóк двух ладоней таков, то каков тогда хлопóк одной ладони?»

В своих попытках обновиться для ассимиляции паранормальных явлений вульгарный материализм рядится в одежды научности, в результате чего появляются перлы вроде «Ясновидение — выход на взаимодействие с информационным полем». Это квазинаучное определение есть спорная метафора, годная разве что для поэтически настроенных простаков. Романтический зуд на этом не заканчивается — даже Бог материализуется и привлекается к сциентистским упражнениям в остроумии: «Бог — это энергоинформатика глобального размера». «Информационные» попытки тянутся дальше: само слово «Бог» принимается как эзотерический символ, расшифровываемый как «Большой одержимости гуманоид». Где уж замшелым представлениям христиан или мусульман тягаться с современной псевдоэзотерикой!

Нет сомнений, что формируется околонаучная мифология, одинаково враждебная как науке, так и религии. Церковь всегда называла подобные умствования суеверием, то есть суетной и никчемной верой, подогреваемой болезненным интересом к необычному. С точки зрения науки, они суть рассуждения, паразитирующие на научной терминологии и возникающие при попытке подменить научные методы прямым использованием идеологических доктрин.

Не хочу, чтобы меня поняли так, что следует закрыть глаза на паранормальные явления и отдать их тем самым на откуп шарлатанам. Отказ от идеологизации парапсихологических представлений не означает отказа от общей программы исследования. Идеологизация имеет место лишь тогда, когда философские и иные методологические понятия претендуют на роль конкретных форм исследования. Основой идеологизации оказывается дуализм материального и идеального, когда идеальное мыслится в качестве чего-то противоположного материальному.

Выход из пропасти дуализма мне видится вовсе не в утверждении вульгарного идеализма (позволю себе такую терминологическую вольность), признающего бытие только идеального. Нужно понять простую истину: одна противоположность существует лишь постольку, поскольку существует другая.

Мир ни материален, ни идеален: он есть нечто третье, которое назовем «духовным», освобождая его при этом от всех признаков идеального (в смысле характеристик, противоположных материальному). Естественно, что в эти тезисы можно только верить, от чего они не становятся хуже. Но у этой веры имеется преимущество: она избавляет нас от материалистического и идеалистического дуализма, а также от всех нелепостей, которыми награждает себя их вульгаризация. По этому пути пошел в свое время замечательный шведский ученый и мистик Э. Сведенборг (1688—1772).

Сведенборг утверждал, что наряду с телесным зрением существует и духовное «зрение», наряду с естественным разумом имеется и высший разум.

Человек, не идущий на поводу своих органов чувств, способен выходить на явления, находящиеся за пределами действия всякой чувствительности. Сегодня такая способность именуется сверхчувственным восприятием. Сведенборг обсуждает ее, не прибегая к мнимонаучным понятиям типа «энергоинформатика глобального размера». И Бог для него не «большой одержимости гуманоид», а тот, кто, присутствуя в нашей душе, дает ей со-весть — способность соведать чувства и мысли других существ. Духовное знание, именуемое им cognitiones, формируется не гносеологическим отношением противопоставления познающего и познаваемого, а корреляцией двух духовных состояний — меня и другого. Иное переживается как мое собственное; на русском языке эта соотносительность выражается не хуже, чем на латинском,— словом «сознание» (для обнажения смысла слова лучше обозначить его как со-знание). Совесть, ставшая знанием, и есть сознание — высший тип знания, основанный на духовности. Об этом догадался и И. Кант, называя совесть «нравственным образом мышления», координирующим духовные состояния живых существ.

Я не хочу настаивать на том, что концепция Сведенборга — единственная или лучшая из тех, что избегают нелепостей мировоззренческого дуализма. Но она, по крайней мере, предохраняет от воинствующего невежества, стремящегося свести высшее к низшему: Бога — к гуманоиду, религиозные символы — к космонавтам и летающим «тарелкам», ясновидение — к энергоинформационному обмену.

Энциклопедические печали и радости

Говорят, однажды известный физик был остановлен на улице пожилой дамой, которую поразило печальное выражение его лица. Когда она спросила о причинах его горя, ученый покачал головой и с грустью сказал: «Мадам, я не могу понять аномальный эффект Зеемана».

Прошло какое-то время, эффект был понят, внесен сначала в теоретические монографии, потом в учебники, а затем в энциклопедии. Он прочно занял свое место в науке.

Такой же путь прошли почти все термины и понятия из Энциклопедического словаря по электронике*, в котором 1800 статей. Говорится в них о многом: об истории, берущей свое начало от работ М. Фарадея и Дж. Максвелла, о развитии телевидения и изобретении транзисторов.

Читатель может узнать о простейших электронных приборах и о последних достижениях в квантовой электронике, о лазерах, ЭВМ, персональных компьютерах и диагностике плазмы. К тому же словарь прекрасно иллюстрирован, в нем даже есть, что необычно для наших энциклопедии, цветные рисунки.

Жаль, что это издание тиражом 105 тысяч скоро станет библиографической редкостью. Так хочется помечтать о том времени, когда у инженера будет домашняя библиотека и не нужно будет бегать за каждым справочником в ГПНТБ.

Коллектив авторов проделал огромную работу, и поэтому обидно думать о том, что сама электроника развивается так бурно, что часть информации, помещенной в словаре, успела устареть еще до выхода его в свет.

Бороться с этим можно разными способами: издавать «Ежегодник» или «Приложение к словарю»; пытаться выпускать переиздание за переизданием. Но эта деятельность будет вестись в рамках прежних информационных технологий.

А ведь именно развитие электроники дало возможность работать с банками и базами данных, с экспертными системами, сформировало новую тенденцию обращения с информацией.

В других странах уже начала складываться традиция выпуска энциклопедий по фундаментальным, чаще всего гуманитарным областям («Библейская энциклопедия», «Шекспировская энциклопедия» и т. д.), а в естественнонаучные энциклопедии вносить только классические факты (типа того самого аномального эффекта Зеемана). Все же, что меняется с головокружительной быстротой, превращается за рубежом в базы данных и играет не только справочную, но и эвристическую роль.

Ориентация авторов энциклопедии на «классические» технологии научных исследований видна и в некоторых статьях. Например, в статье «плазма» подробно рассказывается практически обо всех методах ее изучения, кроме, как ни странно, вычислительного эксперимента. В статье же «нелинейная оптика» термин «нелинейность» выделен курсивом, что по всем энциклопедическим законам обещает отдельную статью, но ее нет. А ведь практически вся современная наука связана с изучением нелинейных процессов и явлений, что невозможно без ЭВМ.

Однако не будем слишком строги. Главное то, что словарь демонстрирует не только уровень наших знаний о современной электронике, но и стремление этот уровень повысить.

А. Сокольская

* Энциклопедический словарь по электронике. Москва, издательство «Советская энциклопедия», 1991 год.

«Остановить цыплят!», или $E=Mc^2$...

Мало кто может назвать себя знатоком теории относительности, но кое-что о ней и ее создателе, Альберте Эйнштейне, слышал каждый. Для большинства это кое-что содержится в формуле $E=Mc^2$.

В одной студенческой песне о студенте, изгнанном за неуспеваемость из МГУ, поется так: «Что уж там, решено, до свидания, мехмат! И без нас, все равно, Е равно Mc^2».

Так вот, оказывается, формула эта неверна и не отражает сути теории относительности.

Понял я это не самостоятельно, а прочитав статью члена-корреспондента АН СССР, а ныне академика Льва Борисовича Окуня «Понятие массы» в журнале «Успехи физических наук». Л. Б. Окунь — один из ведущих и наиболее уважаемых наших физиков-теоретиков, немало сил тратит на борьбу с невежеством, но тираж «Успехов физических наук» всего три с половиной тысячи экземпляров. Хочется, чтобы о столь важном деле узнало как можно больше людей, поэтому я решил заняться делом рискованным и неблагодарным — пересказать статью Льва Борисовича. Все цитаты в этой заметке — из «Понятия массы», а все недостатки изложения — мои собственные.

Обычно рождение теории относительности связывают со статьей Эйнштейна 1905 года. Но работа над созданием теории началась задолго до этого. Формула $E=Mc^2$ появилась в 1900 году, написал ее А. Пуанкаре, известнейший французский физик-теоретик, для световой волны. Он использовал формулы Ньютона для скоростей, малых по сравнению со скоростью света, а применил их для фотона, летящего именно с такой скоростью. Такая операция незаконна, потому и формула получилась неверная, но Пуанкаре об этом знать не мог.

При скоростях, близких к скорости света (как мы знаем теперь), меняются формулы движения тел — это установил Эйнштейн. Однако еще до открытия экспериментаторы «почувствовали» перемены, наблюдая за движением частиц с большими скоростями. Заметили, но приписали их другой причине — зависимости массы частицы от скорости ее движения. С 1900 года в нескольких лабораториях велись опыты с электронами больших энергий и называли их «опытами по измерению зависимости массы от скорости».

Л. Б. Окунь так пишет об этом: «Единственным оправданием этой формулы является оправдание историческое: в начале века она помогла творцам теории относительности создать эту теорию. В историческом плане эту формулу и все, связанное с ней, можно рассматривать как остатки строительных лесов, использовавшихся при постройке прекрасного здания современной науки. А если судить по литературе, то сегодня она выглядит чуть ли не как главный портал этого здания».

В своей работе 1905 года Эйнштейн приходит к выводу, что масса тела есть мера содержащейся в нем энергии. «$E=Mc^2$» — вот она, верная формула! Не энергия тела, а энергия покоя пропорциональна массе тела. Однако в последующих работах Эйнштейн не проводит четкого раздела между двумя формулами, и... события развиваются по ненаучному сценарию.

В 1921 году появляется энциклопедическая монография двадцатилетнего студента Вольфганга Паули «Теория относительности». Много места автор уделяет «закону эквивалентности массы и энергии», согласно которому «всякой энергии соответствует масса $M=E/c^2$». До сего дня эта книга очень знаменита и почитаема. Предоставим слово Л. Б. Окуню: «...большинство последующих авторов пошли вслед за Паули, и масса, зависящая от скорости, заполонила большинство научно-популярных книг и брошюр, энциклопедий, школьных и вузовских учебников по общей физике, а также монографии, в том числе и книги выдающихся физиков, специально посвященные теории относительности».

В своей статье Л. Б. Окунь приводит немало примеров того, насколько вредно использовать неверную формулу. Вот один из них (остальные требуют формул и выкладок): «Литература по теории относительности содержит такую путаницу в обозначениях и терминологии, что напоминает город, в котором транспорт подчиняется одновременно правилам и правостороннего и левостороннего движения. Например, в Большой Советской Энциклопедии, в различных физических энциклопедиях и справочниках буквой М обозначают массу и релятивистскую массу, обычную массу иногда называют массой, но чаще массой покоя, релятивистскую массу называют также массой движения, но часто называют просто массой... То же смешение обозначений и терминов можно найти и во многих учебниках и монографиях. И вся эта путаница процветает в то время, как в теории относительности по существу есть лишь один термин: масса, а все остальные — «от лукавого».

Почему же так живуче — почти век — это «массовое» заблуждение? Возможно, потому, что масса, растущая со скоростью,— это нечто совсем новое, непонятное и таинственное. Она символизирует глубину и великолепие науки и завораживает воображение. Обычная масса — понятная и простая — лишь снижает впечатление от теории относительности.

По мнению Л. Б. Окуня, немалая заслуга в живучести неверных представлений принадлежит научно-популярной литературе — ведь именно благодаря ей многие получают первые сведения о теории относительности. «В этологии есть понятие импринтинга. Пример импринтинга — научение цыплят следовать за курицей, происходящее в течение короткого периода после их рождения. Если в этот период цыпленку подсунуть движущуюся детскую игрушку, он в дальнейшем будет следовать за игрушкой, а не за курицей. Из многочисленных наблюдений известно, что результат импринтинга не поддается в дальнейшем изменению... Формула $E=Mc^2$ уже давно стала элементом массовой культуры. Это придает ей особую живучесть. Садясь писать о теории относительности, многие авторы исходят из того, что читатель уже знаком с этой формулой, и стараются использовать это знакомство. Так возникает самоподдерживающийся процесс».

Грустная история. Но не менее грустно и окончание статьи Л. Б. Окуня. В 1987 году ее автору пришлось работать в составе комиссии по выявлению лучшего учебника по физике. В двух десятках представленных учебников масса, зависящая от скорости, трактовалась как один из центральных пунктов теории относительности. Большинство членов комиссии, педагоги и методисты, вообще не слышали о том, что существует какая-то иная точка зрения.

Вслед за импровизированным сообщением Л. Б. Окуня возникла мысль написать статью для журнала «Физика в школе», чтобы о правильном подходе узнали сто тысяч школьных учителей физики. Но после нескольких месяцев раздумий журнал решил, что такая публикация ему не нужна.

Л. Б. Окунь так заканчивает свою статью: «Время не ждет. Ежегодно миллионами экземпляров тиражируются книги, которые вбивают в головы подрастающих поколений ложные представления о теории относительности. Этот процесс необходимо остановить».

Время не ждет. Однако после публикации «Понятия массы» прошло уже больше двух лет. Стремления «остановить процесс» не наблюдается.

А. Семенов

Эта заметка о живучести ложных представлений, разумеется, отнюдь не исчерпывает собственно научной проблематики, связанной с понятием массы. О том, какова точка зрения современной науки на «массовые» парадоксы и гипотезы, читайте в статье «Минус—материя», публикуемой в ближайших номерах журнала.

ФОТООКНО

«ЗНАНИЕ — СИЛА»

Как помогу?..

Мы часто жалуемся, и не без оснований, на измельчание и оскудение форм общения между людьми, даже самыми близкими.

Из начала века доносится до нас голос поэта Сологуба:

Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал.
Как помогу?..

Прошедшее с тех пор почти столетие не приглушило щемящую ноту, напротив, сделало ее еще более надрывной.

Сжимается кольцо экологической блокады — не только материальной, но и духовной. Однако одновременно растет желание вырваться из нее всеми доступными способами. Об одном из таких способов я и хочу поведать читателям.

Более десяти лет продолжается моя переписка с Сергеем Владимировичем Сперанским, доктором биологических наук, сотрудником Новосибирского НИИ гигиены*. За это время я получила от иего около трехсот писем. Их содержание могло бы стать предметом большого специального разговора. Даже без «бы» — уже стало однажды, когда я организовала в Ангарске вечер, посвященный семейным архивам. Прочитанные тогда отрывки из писем стали живым опровержением распространенного мнения об отмирании эпистолярного жанра. Зал слушал завороженно — не только потому, что они были «интересны». Он уловил отличие этой «формы существования субстанции духа» (тут я цитирую одно из писем) от печатной продукции. Даже сейчас, когда наша пресса стала гораздо раскованиее по сравнеиию с иедавним прошлым, публикации несут на себе отпечаток некой «завербованности» авторов, их зависимости — если не от грубых карьерных, то хотя бы от престижных соображений, от групповой принадлежности, от определенных (пусть неписаных) «правил игры».

Частная переписка лише-

---

* Читателю нашего журнала С. Сперанский знаком по публикациям в «Знание — сила»: 1990 год, №№ 9, 11; 1991 год, № 8.

Фото О. Маликова

на этих черт. Приведу еще одно высказывание Сперанского: «Подлинную историю нашего времени когда-нибудь будут писать по сохранившимся письмам». Да, это так. Сиюминутности впечатлений, выраженных в частных письмах, их свободы от «социального заказа» в любой его форме, ничто не заменит. Поэтому призываю вас: сохраняйте письма своих друзей и родных, не жалейте для них места в ваших тесных квартирах! Даже если они всего на какой-нибудь десяток лет переживут их авторов,— это уже победа над смертью. Я же верю, что когда-нибудь — и время это не за горами — письма станут предметом самого пристального общественного интереса.

Однако основная моя тема сейчас другая, хотя и связана неразрывно с затронутой. Тут уместно вспомнить стихотворение Саши Черного — о споре между сторонниками формы и ревнителями содержания, который автор разрешает вопросом: «Не лучше ль наливать вино в хрусталь?»

Письма Сперанского не только интересны по содержанию, но уникальны по оформлению. Смею утверждать, что его конверты представляют собой особый жанр декоративного искусства.

Сергей Владимирович специально работает над оформлением каждого конверта, варьируя их формы, цвет, подбор марок. Но главное,— вероятно, картинка-иллюстрация, которая наклеивается на конверт и перекликается (непременно!) с содержанием письма. «Перекликание» это может быть прямым (вот то, о чем будет речь), а может оказаться и более зыбким, ассоциативным, как бы задающим тон последующему восприятию текста. Однако, получив такое письмо, я фактически еще до начала чтения уже приступаю к общению. В дальнейшем же впечатления от самого письма и от конверта сливаются, взаимно обогащая друг друга.

Письмо от Сергея Владимировича всегда — праздник, радость, неожиданность, даже при большой интенсивности переписки. От других его адресатов я знаю, что это характерно не только для меня. И немалую роль в таких праздниках играет оформление конвертов. Вот почему эту публикацию я считаю ответом на далекий голос Сологуба: «Как помогу?..» Могу помочь этим примером, указанием на эту, каждому доступную, возможность уменьшить разобщенность людей, сделать их существование более праздничным.

Я написала: «каждому доступную», однако не собираюсь настаивать на том, что каждый должен самостоятельно клеить конверты и украшать их. Разумеется, никто ничего не должен. Нужно иметь вкус, пристрастие к этому делу, только тогда оформление конверта станет радостью и для адресата, и для самого отправителя.

Главная трудность — подбор подходящих иллюстраций. Она, однако, не так велика, как может показаться на первый взгляд. Газеты, журналы, открытки дают богатейший выбор. Нужно «только» по словам Сергея Владимировича, развить в себе своеобразный ракурс восприятия потенциального иллюстративного материала, а также память (где это лежит).

Все письма Сперанского — заказные. Как-то я спросила Сергея Владимировича, как относятся в Новосибирске, на почтамте, к этим письмам — есть ли какие-либо возражения против их нестандартного оформления, есть ли запреты, упреки. «Нет,— ответил он,— никаких неприятностей! У нас все почтовые работники меня знают, со всеми сложились сердечные отношения, а мои нестандартные конверты они разглядывают с большим интересом, я даже надеюсь, что конверты эти сколько-то украшают их жизнь, не слишком богатую эстетическими впечатлениями». Точно такое же отношение к нестандартным конвертам Сергея Владимировича — и в моем почтовом отделении, ангарском.

Посмотрите на эти конверты Сперанского — своеобразный жанр декоративного искусства. И если у вас возникнет желание последовать его примеру, Бог в помощь!

И. Фруг

ЦИФРЫ ЗНАЮТ ВСЕ

Дорогая дорога в космос

Интересные данные о расходах на космические исследования привел Европейский космический справочник. Оказывается, в 1987 году каждый налогоплательщик - американец заплатил за «освоение космоса» из своего кармана 120 долларов, советский гражданин — 110 долларов, житель Западной Европы — 8,6 доллара, японец — 7 долларов и 5 центов, а канадец — всего 4,5 доллара. Почему такая разница? Секрет в том, что только СССР и США занимаются военными изысканиями, а остальные страны интересует лишь мирный космос. Такова, видимо, цена «холодных звездных войн».

В американских больницах

В прошлом году в 109 американских больницах было сделано 1436 пересадок сердца. 73 процента больных, перенесших ранее эту операцию, прожили уже 10 лет.

Сколько будет неграмотных?

Несмотря на то, что в девяностые годы будут достигнуты существенные успехи в деле образования, число неграмотных в мире будет по-прежнему нарастать — утверждают специалисты из ООН. Самые слаборазвитые страны не смогут обеспечить к 2000 году всеобщее начальное образование. В 1985 году около 105 миллионов детей от шести до одиннадцати лет не посещали школу. Если эта тенденция сохранится, численность таких детей в 2000 году достигнет почти 200 миллионов.

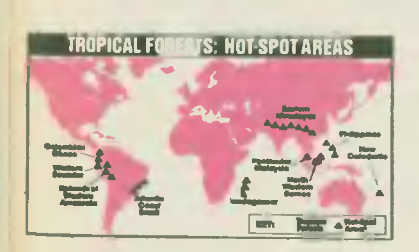
Сейчас неграмотность среди взрослого населения планеты менее 25 процентов. Однако в 2000 году, как утверждают эксперты ООН, 912 миллионов взрослых людей будут неграмотными.

Холодильники и АЭС

Холодильник — серьезный потребитель энергии. В 1977 году средний американский холодильник потреблял 1900 киловатт-часов энергии ежегодно. Затем были введены ограничения, обязывающие производителей снизить потребление до 1500 киловатт-часов в 1979 году и до 1000 киловатт-часов в 1987. Сейчас поставлена цель: к 1993 году средний американский холодильник должен потреблять менее 700 киловатт-часов в год. В США 125 миллионов холодильников и холодильных камер. Это означает, что можно будет закрыть 30 атомных электростанций!

«Подарок» к 2000 году

Как сообщает американский журнал «Нэшнл уайлдлайф», в связи с уничтожением в ряде стран — Бразилии, Эквадоре, Колумбии, Китае и других — влажных тропических лесов, специалистам по охране природы необходимо объединить свои усилия по их спасению в так называемых «горячих точках» мира. Если леса будут уничтожать с прежней скоростью и дальше, то к 2000 году с лица Земли исчезнет около 700 000 видов животных и 3400 видов растений.

Что же останется?

Согласно программе ООН по охране окружающей среды, в 1950 году на каждого жителя Земли приходилось по 0,24 гектара пастбищ, а 35 лет спустя эта площадь уменьшилась вдвое. За последнюю четверть столетия население Земли обладало 1,2 миллиарда гектаров посевных площадей, но к 2000 году 300 миллионов гектаров будут поражены эрозией, а еще 300 миллионов — поглощены новыми городами и автомагистралями.

Транспорт и человек

Любопытные данные привел американский журнал «Нэшнл уайлдлайф», сравнивая количество калорий, затрачиваемых различными видами транспорта и человеком в США на пассажиро-милю. Вот они:

велосипед	35
ходьба пешком	100
транзитный поезд	885
транзитный автобус	920
автомашина с одним человеком	1860

Как видно из таблицы, наиболее эффективен для передвижения велосипед, который по расходу энергии в три раза выгоднее, чем ходьба пешком.

Вклад в парниковый эффект

Специалисты Министерства охраны окружающей среды Великобритании опубликовали данные о выбросах в атмосферу двуокиси углерода за период с 1950 по 1980 годы. В развивающихся странах это количество увеличилось на 586 процентов, в СССР и Восточной Европе — на 337 процентов, в Западной Европе — на 1251 процент, в Северной Америке — на 90 процентов, в Великобритании за три года (до 1987) количество выброшенной в атмосферу двуокиси углерода увеличилось на 18 миллионов тонн и достигло цифры 171 миллион тонн — 3 процента мирового количества. Основные «поставщики» двуокиси углерода — теплоцентрали (37 процентов), заводы (20 процентов) и транспорт (16 процентов).

Американцы — «за»

Большинство американцев — за дальнейшее использование атомных электростанций. Таков результат одного опроса общественного мнения, проведенного фирмой «Мидиа джорнэл» среди 1162 граждан США.

В пользу АЭС высказалось 55 процентов анкетируемых. Примерно две трети отметили, что за последние десять лет американские АЭС стали безопаснее. Однако половина опрошенных не исключает возможности повторения серьезной аварии, происшедшей в 1979 году на АЭС «Тримайл айленд». Почти 80 процентов участвующих в опросе призвали правительство ввести еще более строгие меры и нормы для безопасности АЭС.

Выращивайте собак на здоровье!

Наблюдения издавна показывали, что люди, выращивающие домашних животных, чувствуют себя лучше и в физическом, и в психическом отношении. Теперь это подтверждено статистическими исследованиями доктора Джудит Сигел из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, результаты которых опубликованы в «Американском журнале социальной медицины». Реже всего посещают врачебные кабинеты владельцы собак — в среднем 8 визитов ежегодно. Хозяева других животных — 8,5 визита, а те, кто не имеет животных,— 9,5 визита. Объяснение простое: хозяева домашних животных находятся в более комфортном психическом состоянии и не жалуются на одиночество.

Чего боятся французы?

Прежде всего во Франции опасаются транспортных катастроф (72 процента опрошенных), затем ядовитых змей (59 процентов), внезапной потери памяти (47 процентов), психических заболеваний (42 процента), неизлечимых болезней (39 процентов), столкновения с преступниками (37 процентов) и прочего.

Б. Кочубей,
кандидат психологических наук

Казарма или толпа — для иного надо быть личностью

Статья вторая

Перед лицом неопределенности

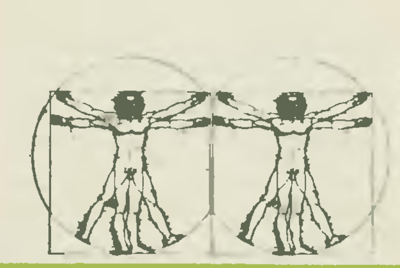
Кто же не на стороне человека?
Только не все — на его
внутренней стороне.
С. Е. Лец

Невозможно понять, что же сейчас с нами происходит, без учета мощи безличностного, безындивидуального начала. Сознание, лишенное внутренней структурированности, мечется в поисках опоры, расплывается аморфной массой, нащупывая вокруг себя хоть какую-то твердую структуру. Кашпировщина стала здесь наиболее ярким феноменом, своего рода символом деградации индивидуальности. Дело не в «герое» этой эпопеи — он, несомненно, высокоодаренный и по-своему глубоко несчастный человек,— а в том, каково идейное состояние общества, способного к практически тотальному внушению.

Ситуация неопределенности, подобная нынешней,— тяжелое испытание для человека неиндивидуализированного. Отсутствие авторитета, создающего для него прочный каркас из внешних опор, обуславливает растерянность и тревогу. Весь джентльменский набор, предлагаемый нам сейчас разного рода формальными и неформальными идеологами,— партия, нация, идея, традиция, сильная власть и т. п.— все это в руках «неличности» не что иное, как психологические «костыли». В предельном случае, когда все они отказывают, он остается беззащитным между двумя полюсами, один из которых должен выбрать,— между казармой и толпой. Либо бунт, бессмысленный и беспощадный, либо дисциплина, столь же бездушная и бестолковая. Иного не дано — для иного надо быть личностью.

Подлинная находка для неиндивидуализированного человека — национальная идея.

В национальном сознании он находит компенсацию отсутстающего личного сознания. У него нет «я» — только национальное «мы», противопоставленное враждебному «они» — «инородцам». Не в силах вынести предъявляемых эпохой требований к его разуму и совести, он переносит эти качества на некое национальное единство и говорит о каких-то мифических национальном разуме, национальной совести.

Вряд ли целесообразно обсуждать это с теми, кто пытается натравить один народ на другой, надеясь выловить свою рыбку в помутневшей таким образом воде; как показывает пример Нюрнберга, в полемике с такими лидерами национального социализма (извините, но другого термина нет) эффективны не столько вербальные, сколько пеньковые аргументы. Но, возможно, существуют до сих пор и такие наивные люди, которые, несмотря на трагический опыт соседних стран, продолжают искренне верить в возможность обновления страны (или ее части) на пути национализма.

Однако только челоаек может страдать, переживать, думать, только человек — субъект как юридический*, так и психологический: только он обладает, как говорил Н. Бердяев, «экзистенциальным центром». Ни нация, ни класс на это не способны. Субъектом может быть только отдельный человек; только он, а не народ в целом,— носитель прав, и только он должен нести ответственность, в том числе и уголовную, за свои поступки, а не за деяния своих соплеменников.

Даже одна из величайших в истории человечества идей — идея права, правового общества — вырождается в руках неиндивидуализированного человека в примитивное представление о «правовом государстве» как государстве, где «все снизу доверху подчиняются законам». При таком понимании человек оказывается на службе у закона, вместо того, чтобы поставить закон на службу человеку. Само смешение права с законом — заблужденне. Законы должны быть ориентированы на право как некоторую вневременную, абсолютную норму, включающую, по И. Канту, требования свободы, правового равенства (в смысле отсутствия привнлегий) и гражданской самостоятельности.

В основе правового общества может лежать только уважение закона к человеку, всяческое подчеркивание прав индивида по отношению к правам государства, разного рода организаций и т. д., то есть нечто прямо противоположное тому, что имеет место в нашем «праве». Уважение человека к закону может быть только вторичным следствием такого антропоцентрированного законодательства. Законопослушность как черта поведения и сознания гражданина характеризует вовсе не правовое, а полицейское государство. А «всякое полицейское государство,— писал выдающийся русский правовед Б. А. Кистяковский,— естественно в силу внутренней необходимости всегда приводит... к анархии. Там, где весь правопорядок держится только бдительностью органов власти... там всегда должен наступить момент, когда старый правопорядок будет упразднен, а новый еще не будет создан. Ни правопорядок, ни государственный строй не могут быть долговечны, если они не находят себе опоры в общественном правосознании. Между тем полицейское государство в принципе отрицает роль общественного правосознания. Последнее признается как бы неправомерным вторжением общества в компетенцию органов власти.

В протнвоположность полицейскому государству правовое государство отличается тем, что в нем сам народ выносит на плечах всю правовую и государственную организацию. В правовом государстве нет места анархическим проявлениям, так как оно опирается на народное правосознание... Оно изменяется вместе с изменением правосознания».

Удивительно современно эти строки, написанные в начале века, читаются сейчас, когда с разновысокнх трибун нам говорят, что главное благо гражданина — повиноваться законам (а каковы эти законы — неважно); когда прогрессивные публицисты наперебой убеждают нас, что только мощь правоохранительных органов защитит от анархии (тогда как, по Кистяковскому, полицейская власть нензбежно должна порождать — и сейчас, прямо на наших глазах, порождает! — анархию и беспорядок); когда, взывая к неличностному, массовому началу, нашему человеку настойчиво внушают, что он не способен и не будет способен самостоятельно наладить социальную жизнь, и только прокуратура, КГБ, МВД спасут его от разгула организованной преступности (не объясняя, почему все они за семьдесят лет не удосужились этого сделать!)

Сильная власть — это, конечно, мощней-

* Поскольку субъект несет ответственность (в том числе уголовную) за свои преступления, следовательио, признание нации субъектом в юридическом смысле означает право на геноцид.

шая из идеологических подпорок, которые вынужден искать человек, лишенный личностного стержня. Фетишизация власти — характернейшая черта тоталитарного общества, где ценность человека определяется одной-единственной характеристикой: количеством принадлежащей ему власти.

На самом деле власть может только закрепить то, что уже имеется в обществе, что уже готово к господству. Сначала в Англии сформировалась буржуазия как мощный социальный класс, и лишь затем Кромвель воплотил ее господство в форме авторитарной политической власти. «Солидарность» в Польше сначала стала реальной политической силой и лишь после этого пришла к политической власти. Единственное исключение — тоталитарная власть: большевики в России, нацисты в Германии захватывали власть, еще не будучи действительно доминирующей в обществе силой, а затем укрепляли свое реальное (неформальное) положение одновременно с укреплением формальной власти, физически уничтожая альтернативные политические силы. Так к какой же сильной власти стремимся мы, у кого нет ни потомственной аристократии, ни мощного купечества, ни авторитетного демократического движения?

Порядок в обществе можно наводить только изнутри, начиная с порядка в своей собственной душе. Лишь такой, спроецированный изнутри вовне, порядок может быть живым и долговечным. Он рождается из свободы, из хаоса, которого мы сейчас так боимся, забывая, что именно «спущенный сверху» на человека мертвящий порядок — порядок в морге — и есть главная причина гниения.

Культура, традиции также могут стать якорем спасения для человека, потерявшего точку отсчета в отсутствие внутренних ориентиров. Известный советский (ныне английский) философ А. М. Пятигорский в недавнем интервью журналу «Вопросы философии» (1990, № 5) отмечает поразительную пронизанность культурой российской интеллектуальной жизни, ничего сходного с этим нет в других странах. Только у нас можно сказать: «Неужели вы не читали Достоевского? Как можно не знать Достоевского?!» Ни одному англичанину не придет в голову тем же тоном спросить своего соотечественника относительно Диккенса, ибо его визави может запросто ответить, что ему, знаете, как-то не хотелось читать Диккенса. У нас же подобный ответ ужасен, так как сразу выдает человека, не относящегося к интеллигенции.

«Россия — самая культурная страна на свете,— утверждает А. М. Пятигорский.— Культура в ней — тот всепоглощающий фактор, который делает индивидуальное мышление и любое сознательное индивидуальное усилие **деиндивидуализированным**» (подчеркнуто мной.— *Б. К*). Имеется в виду тотальный характер «штампов культурной реакции», стандартных мыслительных ходов (типа оппозиций Восток — Запад и т. п.), обязательность привязки своего мышления к определенной культурной традиции, к культурно детерминированной форме выражения этих мыслей, которые (традиция и форма) обеспечивают принятие этих мыслей обществом. Это нужно сказать «вот так» — клише всегда готовы, всегда к услугам человека, пытающегося достичь чего-то своим собственным умом. Такого рода «засилье культурных штампов» мешает самостоятельности мысли, ограничивает разнообразие человеческих умов жесткими культурными нормами (в том числе нормами языка — разве может российский интеллектуал говорить с провинциальным акцентом?).

К тому же кругу явлений, хотя зачастую в гораздо более примитивной форме, относится и модный сейчас культ традиции, идеи возврата к «добрым старым временам» (основанные, как правило, на незнании реальной истории). Современный фундаментализм — судорожная попытка человека найти опору во внешнеупорядоченном мире, в традициях, устоях. Вот только к каким устоям возвращаться, как далеко в прошлом искать ту карету, которая нас вывезет? В Октябре? в эпоху Столыпина? в допетровское время? в дотатарской или дохристианской Руси?

Все это, конечно, не что иное, как вывернутая наизнанку коммунистическая утопия, где «Светлый град» помещен не в будущем, а в прошедшем. Оба типа утопий основаны на непонимании того, что стабильность может быть только свойством человека, а не мира. «Царство Божие внутри нас есть», в миру же ему не быть никогда.

Поэтому идеи «возврата к устоям» вообще не заслуживали бы обсуждения, если бы история не научила нас, что именно стремление реализовать принципиально не реализуемое заставляет людей строить концлагеря и камеры смерти. «Путь к идеалу лежит через колючую проволоку».

Конечно, сами по себе традиционные ценности не вызывают никаких возражений. Совсем неплохо, если человек, работающий на земле, любит ее. Нет ничего плохого в стабильной семье, в примате «высокой» культуры над «массовой» и т. п. Беда только в том, что в отсутствие одной-единственной ценности — индивидуальной, личной свободы выбора — все эти прекрасные вещи начинают переходить в свою противоположность. Привязанность к земле без свободы есть не что иное, как крепостная зависимость. Выше всех благ семейной жизни есть благо самому решать, быть тебе семейным человеком или одиноким. Пушкин несравнимо выше Ильи Резника, но несравнимо выше того или другого возможность человека выбирать, читать ему Пушкина или Резника. Любое абсолютное добро есть абсолютное зло по сравнению с правом свободного выбора между добром и злом.

...И другие прекрасные идеи

Благими намерениями вымощена дорога в ад.

Интересно наблюдать за тем, как безличие способно ставить себе на службу величайшие идеи, рожденные личностями, выхватывая эти идеи из общего культурного контекста и превращая их из могучих средств развития человека свободного и сознательного в костыли и подпорки для человека несвободного и духовно бессильного. Можно посмотреть с этой точки зрения, в частности, на идеи демократии и милосердия.

В последнее время уже многие, в том числе и автор этих строк, писали об опасностях, которые могут таить в себе демократические процедуры, о том, что демократия, игнорирующая единичную личность, с ее правами и частными интересами, неминуемо вырождается в охлократию, в тиранию большинства над меньшинством и в конечном счете— в диктатуру. Впрочем, развернутый анализ этого процесса был дан еще Платоном в «Государстве». В Древнем Риме те, кто рвался к власти, часто стремились к быстрой демократизации общества, надеясь всплыть на волне выступлений толпы. Уместно вспомнить, что греческое «демагог» в переводе означает «народный вождь».

Сталинский режим часто описывают как образец антидемократии, а между тем никогда формальные демократические процедуры не соблюдались с такой строгостью, как в ту эпоху. По воспоминаниям Б. Бажанова, Сталин, еще далеко не будучи первым лицом в государстве, истово исповедовал культ большинства на заседаниях руководящих органов власти. Основные политические процессы, в организации которых сейчас (отчасти справедливо) обвиняют Сталина, были гласными (с участием независимых, в том числе иностранных экспертов) и пользовались поддержкой большинства как в правящих органах партии и правительства, так и в народе в целом.

Существует множество способов манипуляции демократическими институтами — от прямых угроз и подкупов до весьма тонких процедур, применение которых требует хотя бы интуитивного понимания сложных математических закономерностей. Разбор этих способов потребовал бы отдельной большой статьи. Здесь отметим лишь, что демократические процедуры эффективны только тогда, когда они направлены на охрану прав индивидуальности — отдельно взятого лица, мнения; когда их цель — защита человека, а не подавление его мнением большинства.

Милосердие — вещь еще более прекрасная, чем демократия. Призывы к милосердию появились как реакция на бездушие и формализм административной системы, на привычную жестокость быта, на безразличие друг к другу, позволяющее топтать слабых (или менее бессовестных), даже не замечая их стонов.

Не хотелось бы никого обижать, но кажется, что чуткое ухо не может не заметить в стройном хоре голосов, поющих о милосердии и сострадании, какую-то не вполне натуральную нотку. Трудно даже уловить, в чем она заключается.

Дело в том, что идея милосердия к старикам, сиротам, инвалидам в том виде, как она сейчас запущена в наше сознание, основана на страшном недоразумении. В ее фундаменте лежит мысль, что общество (пока еще) не может себе позволить быть гуманным к каждому. Что ты тут топчешься, молодой, здоровый, руки-ноги целы? Не видишь, мы заняты, помогаем больным и сиротам, а тебе тут делать нечего, иди работай за свои 250 рублей в месяц (несколько долларов, ничтожная доля пособия по безработице!) Человеческое отношение — не для всех. Надо быть брошенным родной матерью, или полностью потерять здоровье, или каким-то иным образом быть отмеченным страшным клеймом жизни, чтобы перестраивающееся общество сочло тебя человеком. Всем же прочим, не «маркированным»,— убожество малогабаритных квартир, грязь улиц, оскорбление дефицитом, высокомерное хамство чиновных преступников, не забывающих вовремя повышать себе зарплату и увеличивать пайки (видимо, одних взяток мало).

Убежден, что это ложный путь. Не бомж, не сирота и не убогий, даже не представитель угнетенного меньшинства — самый обыкновенный русский рабочий мужчина, здоровый, средних лет, и его здоровая молодая жена (да есть ли еще где такие в обществе эпидемических абортов?) — вот кто должен в первую очередь почувствовать себя людьми, а не отбросами, индивидуальностями, а не массой, увидеть себя в центре внимания общества. Они добрые люди, их благополучие — залог благополучия и тех больных и убогих, которым они, конечно же, помогут, как только им самим станет не так тяжко.

Чтобы стать субъектом чувства милосердия, чтобы начать «по правде» сопереживать другому, человек должен хотя бы в минимальной степени ощутить свое отличие от этого другого, свою отдельность от него, увидеть в другом столь же индивидуального человека, а не представителя той же безликой массы, частицей которой являюсь и я. Невозможно представить себе, чтобы раб был милосерден к другому рабу, у которого похлебка еще жиже. Неужели трудно понять, какие чувства должен вызывать круглосуточный хит-парад с демонстрацией неслыханных сумм в рублях и долларах, устроенный с самой благой целью помочь сиротам, у тех миллионов людей, чьи собственные дети немногим отличаются от сирот при «присутствующих» родителях, которым некогда с ними поговорить, которые из кожи лезут вон, чтобы кое-как обуть их и одеть, которые бессильны спасти их от ужасов детоубийственного учреждения под названием советская школа! Как верно заметил один сибирский рабочий, лучший кусок в крестьянской семье никогда не принадлежал ни старику, ни увечному, ни ребенку. Лучший кусок — кормильцу: от него, и только от него, зависит судьба и детей, и стариков, и инвалидов.

Итак, с политической точки зрения, современная широковещательная благотворительность может рассматриваться как насмешка над подавляющим большинством. Можно предполагать, что насмешки над большинством народа могут дорого обойтись.

С экономической точки зрения, эта благотворительность есть очередное нарушение принципа оплаты по труду, очередная попытка заменить милостыней нормальное человеческое отношение к каждому в соответствии с его достоинством и приносимой обществу пользой.

Наконец, с христианской точки зрения, благотворительность противоречит одной из основных евангельских установок, ибо призывает любить дальнего больше, чем ближнего, в пределе — отнимать у своих детей, чтобы отдать чужим, которых я никогда не видел, но мне говорят: им еще хуже, во что легко поверить.

Я против милосердия? Нет, конечно, что же плохого, когда отдельные состоятельные граждане и организации избыток средств отдают старикам и сиротам! Точно так же вполне разумно такие поступки вознаграждать соответствующими налоговыми льго-

тами. Думается, однако, что помпезность соответствующих процедур можно бы значительно уменьшить. Милосердие есть частное дело, и его место — в мире частного, а не в пиру шумных общественных кампаний, где «все как один...» «Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как это делают лицемеры... Истинно говорю вам; они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была атайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

Хорошо, когда счастливый человек подает милостыню несчастному, но система взаимных милостыней не может быть основой общества хотя бы потому, что кто-то же должен распоряжаться всеми этими подачками, а для этого нужны специальные люди, и тогда... Кажется, мы уже где-то с этим встречались.

Представляется очень симптоматичным совпадение во времени подготовки закона о пенсиях, долженствующего повысить благосостояние нетрудоспособного населения, и повышение зарплаты аппарату, и — одновременно с этим — замораживание фондов зарплаты предприятий. Что за удивительное общество, которое готово найти деньги для всех, кроме тех, кто работает? В следующем разделе мы увидим, как легко разрешается этот парадокс и с ним все остальные.

Неумолимая логика бессмыслицы

Абсурд является не конечной, а начальной точкой наших рассуждений.

А. Камю

Наша действительность нередко представляется рефлексирующему интеллигентскому сознанию непрекращающимся театром абсурда, чередой сцен из какой-нибудь оберитуской пьесы. В обществе существуют законы, но они не выполняются и почти никому не известны. Подзаконные акты полностью изменяют их смысл, но и они не важны, а важны связи, партийность, принадлежность к определенному кругу. Можно получить визу на выезд, но невозможно получить деньги, а на деньги — купить билет. Можно иметь все права, но не иметь права их реализовать; наоборот, те, кто лишен всех прав (например, профессиональные преступники), могут все. Почти ничего нельзя сделать легально, зато почти все можно сделать, преступив закон. Получив командировку за рубеж, можно заработать за неделю больше, чем за полгода упорного труда внутри страны. И т. д., и т. д., и т. д.

Обо всем этом Жванецкий напишет гораздо лучше нас.

Зачем все это нужно? Кто тот чудак, которому нравится жить в таком вывернутом наизнанку мире, где проще воровать, чем работать, где товары не продаются, а «выбрасываются», где говорят о нехватке валюты, уничтожая в то же время на сотни тысяч валютных товаров, где можно потратить 5000 рублей, чтобы 30 докторов наук приехали из Москвы и перебрали кучу свеклы, но нельзя заплатить 200 рублей за ту же работу местному крестьянину? Кто этот странный человек? Вы еще не догадались? Подойдите к зеркалу.

Чтобы разобраться в этом, прежде всего необходимо понять, что все наши экономические, политические и т. п. проблемы — псевдопроблемы. Настоящие проблемы лежат только и исключительно в сфере нашего духа, нашего сознания.

Ну невозможно же, в самом деле, поверить в то, что страна действительно испытывает недостаток финансовых средств, если по-прежнему легко удается найти миллиарды рублей на финансирование бессмысленных строек, на «помощь» кубинцам на повышение зарплаты всем, кому «нужно».

Зато стоит только предположить, что вся цель и смысл нашей общественной жизни заключается в поддержании и сохранении нашей несвободы, как тут же все встанет на свои места. Все, что представляется абсурдом, бессмыслицей, глупостью, занимает место в общей структуре общественной организации людей несвободных и свободными быть не желающих. Благосостояние трудящихся невозможно повысить не потому, что не хватает денег или товаров, а потому, что человек, который получает за свой труд, неизбежно начнет (постепенно, конечно) освобождаться как личность. Аппаратчику зарплату можно повышать хоть до бесконечности, аппаратчик — раб в силу самого своего положения, и его зарплата, его паек — всего лишь лагерная пайка. Но стоит начать платить рабочему по труду, и он начнет распрямляться, превращаться в индивидуальность, что невозможно по нашему внутреннему определению.

Рассмотрим маленький пример, мелочь, самим фактом своей незначительности иллюстрирующую глубину нашей несвободы. В большинстве городов страны введены талоны на пассажирский транспорт. Пользоваться ими неудобно, и их введение всюду сопровождалось глухим ворчанием публики, что, дескать, «сами ездют в черных «Волгах», а мы мыкайся с талонами...» Не исключая того, что в этих рассуждениях содержится какая-то доля истины, попробуем все же взглянуть на вещи поглубже. Во многих городах талоны на автобус, троллейбус и трамвай — разные. Человек должен постоянно иметь при себе три вида талонов и не перепутать их; он должен помнить, какие из них кончаются и что их надо возобновлять; в тесноте вагона в «час пик» он должен исхитриться найти талоны именно этого вида транспорта и именно в своем, а не в чужом кармане и, совершив гимнастический трюк, пробить на них соответствующую дырку.

Неужели не ясно, что смысл подобных абсурдов — а ими переполнен наш быт — заключается только и именно в том, чтобы до предела занять, заполнить наше сознание бессмысленными заботами, не дать ему освободиться, раскрепоститься. Для этого и справки, и прописка, и очереди, и всеобщий дефицит, и полная невозможность решить хотя бы какой-нибудь вопрос честным путем при полной открытости путей нечестных. Принцип нашей жизни «разрешено только то, что запрещено» достоин находиться в одном ряду с известными «любовь — это ненависть», «мир — это война», ибо центральный средн всех них — «свобода — это рабство». Смысл всего этого в духовном порабощении. Мы создаем себе жизнь, в которой мы вечно в долгу и вечно в рабстве у власти, нами же созданной, и вечно виноваты перед силами, которые коренятся в нас самих.

Таков трагический парадокс внутренне несвободного человека. Не имея достаточного внешнего оправдания своей несвободы, мы вынуждены на ходу изобретать одну беду за другой, создавать себе трудности, чтобы героически преодолевать их. Откуда наша любовь к «чрезвычайкам», к «отечеству в опасности»? Экстремальная ситуация, где есть только один выход, освобождает нас от ответственности, снимает с нас бремя выбора.

Мы боимся свободы, потому что она сопряжена с ответственностью. Мы боимся индивидуализации, потому что боимся утратить комфорт стадного существования. Нам легче жить в обществе абсурдов, идолов и всеобщих табу, чем в мире, где нам каждый день придется делать выбор, принимать решение, совершать самостоятельные поступки, вину за последствия которых нам не на кого будет свалить. В этом и есть единственная подлинная проблема, решение которой автоматически ведет к решению всех остальных.

Я был бы очень признателен тому, кто указал бы мне хоть один специфический для нашего общества феномен, не объяснимый с точки зрения психологии «бегства от свободы». Мне такого явления пока найти не удалось. Однако здесь нужно дать ответ на одно напрашивающееся замечание.

История, вообще говоря, не баловала Россию свободой. И все же между «традиционной» российской несвободой и нынешней имеется колоссальная качественная — не только в степени — разница. Старинное русское рабство было гораздо более внешним, и не только в том смысле, что власти мало интересовались внутренней жизнью человека, оставляя массу мелких вопросов на его усмотрение. Внешний характер несвободы подчеркивался ее объективной детерминацией: географическими условиями страны, ее климатом, исторической ситуацией и т. д. Конечно, всегда можно найти как внешние, так и внутренние факторы. Но, пожалуй, наиболее точно будет сказать, что раньше от россиянина требовались специальные усилия, чтобы освободиться, распрямиться, стать человеком. Сейчас, напротив, требуются специальные усилия, чтобы не освобождаться, не превращаться в индивидуальность, и таких усилий мы не жалеем.

Особенность нашего времени в том, что оно лишает внутреннюю несвободу человека внешнего оправдания. Когда-то таким оправданием служила необходимость для большинства людей бороться за выживание. Но технологический прогресс покончил с, так сказать, естественной бедностью, с ситуацией, когда материальных богатств, обеспечивающих существование свободного и ответственного человека, попросту может не хватить на всех. В современном обществе бедность может быть только искусственной, то есть созданной за счет специально для этой цели существующих механизмов разрушения общественного богатства. Столь же искусственны и все наши «неразрешимые» проблемы, над которыми собираются еще тысячи лет ломать головы говоруны из Верховного Совета,— жилищная (царская Россия не знала, что это такое), продовольственная (в стране, где сосредоточено более половины мирового чернозема) и другие.

Первым, кто понял, что в современном обществе несвобода — это не следствие бедности, а, напротив, цель, во имя и ради которой бедность должна во что бы то ни стало специально создаваться, был, конечно, Оруэлл. В его фантастическом мире средство непрерывного разрушения материальных благ,— как известно, перманентная война. Нам удалось достичь тех же результатов другим путем, создав саморазрушающуюся экономическую систему, которая успешно поглощает все, что создается народом, и неминуемо поглотит все, что будет брошено в эту адскую топку какими-нибудь неосторожными бизнесменами. Не из любви к парадоксам и без малейшей тени иронии я утверждаю: наша экономика — самая эффективная в мире. Она абсолютно эффективно выполняет свою функцию, только эта функция — не экономическая, а социально-психологическая.

Случайно ли революция произошла именно в тот момент, когда впервые в истории страны появились твердые объективные предпосылки человеческого, свободного, личностного существования для всех ее граждан? Не была ли она средством защиты человека неиндивидуализированного, единственно возможным для него способом все-таки избежать ужасов свободы, страха индивидуализированного существования? Не знаю. Во всяком случае, сейчас нет шансов выжить, не решив проблему свободы. Разрешение же ее приводит к мгновенным результатам, хорошо известным в новейшей истории, где они получили название «чуда» — германского, японского, теперь корейского и других.

Сбылось предсказание Энгельса: свобода действительно стала необходимостью, хотя и совсем в ином смысле. Скоро ли эта необходимость будет осознана?

Заключение

Мы все имели честь
Мир посетить в минуты роковые
И стать мудрей и зорче,
чем мы есть.

М. Волошин

Мы живем в счастливое время.

На наших глазах заканчивается многовековой эксперимент, поставленный человечеством на самом себе. Веками люди были бессильны ответить на проклятые вопросы типа: что лучше — общество независимых людей, каждый из которых имеет свою волю, преследует свою, отдельную ото всех цель, или монолитное единство воль и стремлений всех к единой цели? Что первично — человек или род человеческий? Как должно быть устроено общество: как муравейник или машина, где каждый знает и точно выполняет свою функцию, или как результат компромисса в непрекращающейся борьбе индивидуальных и групповых желаний? И как, вообще, говоря, должна строиться человеческая жизнь: можно ли доверять человеку его судьбу, «отпустить» его, надеясь, что он сам как-то наладит контакты с другими людьми, полюбовно уладит ссоры, будет творить вокруг себя гармонию и порядок? Или

же, брошенный на произвол, он окажется способен лишь к разрушению, и поэтому его сразу же необходимо ограничить рамками запретов, единственно способных спасти общество от хаоса взаимоуничтожения?

Сейчас, когда полное крушение империи — вопрос нескольких лет, когда чуть не каждый день узнаешь, что, оказывается, еще одна страна из числа нищих, отсталых и забытых обошла нас по уровню жизни, когда крах партийной власти произойдет, возможно, раньше, чем эта статья будет опубликована, когда зарубежные компартии, кажется, устроили соревнование, кто раньше откажется от своего одиозного имени, от обрыдлых догм,— сейчас нам легко ответить на все эти вопросы.

Эксперимент окончен. Попытка построить мир без частного человека, без личности, без свободы выбора добра и зла; попытка основать общество на неличном начале, будь то соборность или коллективизм, преданность Партии или Родине — закончилась полным провалом. Народы мира могут быть благодарны России за окончательное доказательство этого положения, хотя, наверное, можно было бы принять его за аксиому, без доказательства. В ином мире все те же самые силы (включая и национальный, и групповой эгоизм) поставлены в служебное положение относительно единичной, свободной и сознательной, высоко индивидуализированной личности; все они включаются в игру и каждая вносит свой вклад в развитие человека. Там же, где от него прежде всего требуют смириться (а то, дескать, слишком гордый!), там он ничему другому и не научается, как смиряться — перед родиной, партией, принципами, традициями, вождями, неважно, перед чем,— идол всегда найдется, пока осталась потребность в поклонении ему.

Многие «вечные вопросы», над которыми мы привыкли ломать головы, сокрушаясь о невозможности их окончательного решения, потеряли смысл и стали псевдовопросами. Антиномии, казавшиеся неразрешимыми, оказались попросту бессмысленными. Что лучше, материальное или духовное богатство? Так ведь одно обуславливает другое, и если нищему в силу его «закомплексованности» никогда не откроются богатства духа, то и человек духовно бедный, внутренне скованный, лишенный глубокой личностной основы, не станет на рубеже XXI века миллионером. Христос или истина, наука или нравственность? Нет ответов, ибо нет и вопросов: не может быть нравственным общество, лишенное каркаса рациональной культуры, создаваемого фундаментальной наукой, как и не может быть безнравственной науки, потому что она означает просто всеобщую гибель, и некому будет выдумывать бессмысленные проблемы. Мы, конечно, можем еще несколько лет в своей обширной резервации развлекаться противопоставлениями «народ — интеллигенция», «город — деревня», «Восток — Запад», вызывая у других народов, оставивших схоластику в далеком средневековье и научившихся ежедневно находить практическое решение «неразрешимых» вопросов, лишь улыбку сострадания.

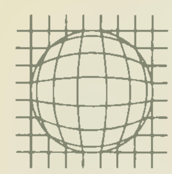
Главное же, чем радует конец XX века,— рухнул «кошмар Оруэлла», идея о том, что основанное на тоталитарном порабощении общество может оказаться стабильным и существовать длительное время (авторы анти- и просто утопий считали, что вечно). Эта идея была трагедией Оруэлла и свела его преждевременно в могилу. «Есть ли хоть один пример,— спрашивал он историю в 1943 году,— когда современное промышленно развитое государство рушилось, если по нему не наносился удар военной мощью противника?» Сейчас мы можем, в духе наших лучших традиций, ответить: «Такое государство есть!»

Свободная активность и ответственность человеческой личности — единственная надежная основа общественной жизни. Выдернув этот стержень, мы получаем не подлинное общество, а русло пересохшей реки. Материальный, грубый, зримый распад, который мы сейчас ежедневно видим своими глазами,— неизбежное следствие обезличивания, обесчеловечивания. Сначала из общества исчез человек, потом вещи. Тотальный дефицит подтверждает гениальность пророчества М. Булгакова: «Что это у вас, чего ни хватишься, ничего нет». Речь шла «всего лишь» о Боге и Дьяволе, а коснулась колбасы, мыла и носовых платков. Обнаружив отсутствие духовного стержня общества, можно смело предсказывать исчезновение вещественного мира; сейчас он действительно распадается, тает на наших глазах. Дефицит, с философской точки зрения, есть не что иное, как **исчезновение социальной материи**,— неизбежное следствие исчезновения социального духа. Крошатся стены домов, рвутся нити газопроводов, расползается асфальт на улицах Москвы. Но прочный асфальт в отсутствие прав человека невозможен. Ибо это только кажется, что есть дома, и товары, и дороги. На самом деле есть только человек.

Исследователи, изучающие механизмы выживания в немецких концлагерях, давно обратили внимание на то, что существует некий предел рабства, который человек как биологический организм в принципе не способен перейти. Из заключенного не может получиться абсолютно послушный робот, действующий строго по приказанию,— полный отказ от всех остатков «самости», от всего личного, от собственной активности равносилен смерти и действительно к ней ведет. Выживание возможно исключительно за счет сохранения элементов человеческого существования, поисков индивидуального смысла жизни. Комментируя недавно эти данные на страницах «Психологического журнала», доктор медицинских наук В. С. Ротенберг пишет, что знаменитая дилемма «умирать стоя или жить на коленях» оказалась ложной — жить можно только стоя.

Можно сомневаться, сохранится ли в будущем человеческое общество, но нет сомнений в том, что, если сохранится, оно будет обществом свободных, индивидуализированных, ответственных людей, обществом личностей. В нем будут несчастья и преступления, но тоталитаризм, но отупелое сознание толпы в нем невозможны.

Найдется ли нам с вами место в этом мире? Вот почему я повторю в заключение: в мире есть только человек. И только от человека можно строить мир.●

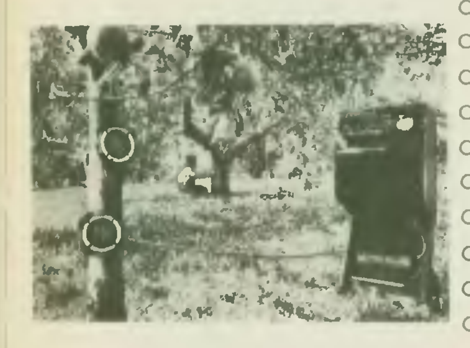

Идея-то проста...

Идея, осенившая несколько лет назад братьев Отаиби из Саудовской Аравии, была проста. Чтобы неплохо заработать, они решили предложить покупателям продукт, которого прежде не было на прилавках магазинов,— верблюжье молоко. Создали ферму для верблюдов и не ошиблись. Сейчас предприятие процветает. Почти в каждом большом магазине страны можно увидеть оранжевые пластмассовые пакеты Отаиби с ценным верблюжьим молоком, богатым железом и витамином С.

Но путь к этому был непростым. Много усилий потребовалось, например, чтобы преодолеть неписаный «закон пустыни», согласно которому бедуины могут пить молоко, но не продавать его, ибо это грех. Не так легко было и собрать достаточное количество верблюдиц, так как даже в Саудовской Аравии «кораблей пустыни» все чаще заменяют автомобили.

Сейчас на ферме Отаиби 120 верблюдиц и каждая из них дает 25 литров молока ежедневно.

Соната для апельсина

Любят ли овощи музыку? Оказывается, да. И овощи, и фрукты. Это установили ученые Японии. По их мнению, вибрация от звучания музыкальных инструментов стимулирует расширение пор на оборотной стороне листьев, что позволяет им поглощать больше кислорода; улучшается и поглощение питательных веществ из воды, а также усиливается процесс фотосинтеза.

Вот уже четыре года, как сотрудники одной из фирм, выпускающих аудиоэлектронную технику в городе Ямага, проводят оригинальные эксперименты в этой области.

«Слушая» музыку, овощи и фрукты быстрее растут. В дополнение к музыке проводится и намагничивание гидропонического раствора при выращивании овощей без почвы, что тоже способствует ускорению их роста. Как уже доказано экспериментально, время созревания сокращается, а урожай увеличивается на 30 процентов! И вот что любопытно — овощи и фрукты любят классическую музыку, особенно сонаты Бетховена и сюиты Чайковского.

На снимке: представители фирмы проводят опыты, прикрепляя динамики к фруктовым деревьям для проигрывания вальсов. Результаты этого эксперимента пока неизвестны.

Внимание: пища!

На лапках и около рта насекомых есть особые чувствительные волоски, названные хеморецепторами. У гусениц, например, в маленьких отверстиях на этих волосках расположены четыре вкусовых нейрона. Когда нейроны входят в контакт с различными веществами из окружающей среды, возникает уникальная последовательность электрических импульсов. Мозг интерпретирует сигналы и решает, годится ли это вещество в пищу.

Английские ученые нашли способ засекать эти «пищевые» импульсы. Исследователи научились встраивать в биосеть насекомых датчики, чтобы усиливать сигналы и дешифровать код с помощью компьютера. Когда исследователи подносили насекомым специальные капиллярные трубочки с различными натуральными и синтетическими веществами, они установили, какие из веществ привлекают насекомых и какие отталкивают. Ученые предполагают, что подобные исследования приведут к новым, более эффективным методам борьбы с сельскохозяйственными вредителями.

Бессолевая диета — для больных дорог

Английская фирма «Би Пи кемиклз» создала новое средство против оледенения дорожного покрытия. Правда, оно в двадцать раз дороже используемой сейчас всюду каменной соли, но зато не так пагубно влияет на дороги и природу.

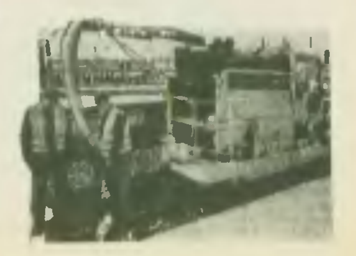
Соль проникает в железобетонные конструкции и разъедает армировку. Так же воздействует она и на стальные мосты и другие сооружения, на кузов автомобиля. На основе этих данных специалисты подсчитали, что хотя новое средство и дороже каменной соли, оно все же приведет к значительной экономии средств. Гранулированный кальциево-магниевый ацетат безвреден и с экологической точки зрения.

Конгресс США поставил перед Федеральной дорожной администрацией задачу сравнить в течение полутора лет все плюсы и минусы каменной соли и нового продукта. Подобные исследования будут проведены и в Англии.

«Пылесос» на рельсах

Скоро в Германии по железнодорожным путям начнет двигаться «пылесос» со скоростью 25 километров в час. Он должен всасывать до четырехсот тонн мусора, ежедневно скапливающегося на рельсах. Пока в мире нет эффективного средства для решения этой проблемы. Инженер Гельмут Дайхвайн нашел простой выход — поставил машинку для очистки улиц на платформу, движущуюся по рельсам и удлинил приспособление для сбора мусора.

«Пылесос» может также чистить перроны, собирать снег и даже рассыпать зимой песок.

«Я очень не люблю бояться...»

В августе исполнился год существования первой в Союзе независимой радиостанции «Эхо Москвы». Эта радиостанция не финансируется, а следовательно, и не контролируется никакими правительственными или партийными структурами, живет на доходы от рекламы. В мире таких станций множество, и все они проходят многолетний путь до известности и признания. Для нас это явление новое и отражает принципиальные изменения в жизни общества. Об «Эхе Москвы» заговорили спустя четыре месяца после первого выхода в эфир. 11 января 1991 года в 19 часов радиостанция первой в Союзе сообщила, что в Вильнюсе погибли люди.

Потом был выходной, газеты не выходили, по ЦТ пели и плясали, и казалось, что спектакль под названием «Перестройка и гласность» окончен, занавес опускается. «— Сеанс окончен! Маэстро! Урежьте марш! Полоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл и даже не грянул, а именно... урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш» (М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»).

И в эти дни, несмотря на шум и помехи — средние волны, часто плохая слышимость,— почти в каждой московской квартире слушали репортажи «Эха Москвы». Их записывали на магнитофон, давали послушать знакомым, и я знаю людей, которые и сейчас хранят эти кассеты. С тех пор популярность радиостанции растет с каждым днем.

Дадим слово самим радиожурналистам. Конечно, невозможно поговорить со всеми — за кадром осталась и работа радиоинженеров, делающих чудеса на советском оборудовании, и труд референта Ольги Соколовой, и многое другое.

Сергей Корзун, главный редактор «Радио М»: — Я двенадцать лет проработал на иновещании, во французской редакции, и в какой-то момент почувствовал, что больше не могу, захотелось даже не свободы, а воли. Если бы существовали какие-нибудь другие независимые радиостанции, я бы ни за что не взвалил на себя груз по организации «Эха Москвы». Вообще-то хотелось сделать радиостанцию прежде всего для журналистов, потому что мне казалось, что практически каждый из них может работать намного интереснее, честнее, лучше, не испытывая постоянного давления сверху. Хотелось дать людям глоток свободы... Эту идею поддержал мой коллега Сергей Бунтман, и мы начали ходить по инстанциям.

Сергей Бунтман, заведующий отделом культуры: — Последние годы я работал на иновещании с огромным трудом. Мне казалось, что сам французский язык уже не выдерживает того текста, который мы на нем произносим, не приспособлен он для советских языковых оборотов. Я все чаще думал о том, чтобы уйти в театр, набрать свою труппу (тем более, что за спиной был опыт многих удачных студийных постановок.— *И. Г.*), и тут мне Сергей рассказал о своем замысле. Сразу же возникла идея попытаться организовать некий радиотеатр, попробовать по-другому подавать культурную информацию...

Сергей Фонтон, заместитель главного редактора, служба информации: — Я десять лет отработал на «Маяке», теперь веду службу информации здесь, потому что мне стало казаться, что «Маяк» уже исчерпал себя. Сейчас мы сотрудничаем с «Франс пресс», РИА, «Интерфаксом», добываем информацию сами... Меня очень удивляют восторги по поводу нашей работы, отработали, я считаю, «удовлетворительно» в январе 1991 года. Не дай Бог, чтобы такие ситуации повторялись, но работать, если это произойдет, надо будет лучше.

С. Корзун: — Литва — не итог и не поворотный пункт, как иногда пишут, это нормальная журналистская работа.

С. Бунтман: — Мне бы очень хотелось, чтобы таких событий больше не было, а мы бы делали музыкальные и культурные программы. Общество настолько политизировано, что когда все, надеюсь, утрясется, людей придется учить жить «в мирных условиях», и надо уже начинать это делать.

Павел Широв, служба информации: — Я пришел на «Эхо Москвы» во время литовских событий. Первый раз был в эфире с отрывками из книги Юозаса Уршбиса «Литва в годы суровых испытаний. 1939—1940», активно работать начал с Латвии. Вообще-то до «Эха» я работал научным сотрудником на кафедре химической кинетики, на химфаке МГУ. Мама всегда хотела, чтобы я был историком, я сам мечтал быть журналистом. Но к моменту поступления на журфак оказалось, что нужно иметь публикации в газетах типа «Пионерской правды», а история представлялась такой выхолощенной — торжество колхозного строя, нерушимое единство партии и народа, братская дружба и т.д. На радио меня привел мой бывший учитель истории, теперь один из ведущих «Эха» Алексей Венедиктов (Алексей — постоянный читатель и друг нашего журнала.— *И. Г.*), и уже с латвийских событий я работаю в службе информации. Конечно, это можно оценить как какое-то «неонародничество», это, может быть, наивно, но хотелось бы хоть чем-то приблизить приход нормальной жизни в Россию. И в своей работе я вижу этот шанс.

С. Корзун: — Меня просто поражает, что к нам приходят непрофессиональные журналисты и начинают работать очень интересно, а в то же время многие профессионалы старой закалки, садясь перед микрофоном, говорят очень плоские и банальные вещи. Люди раскрываются исключительно, но я очень боюсь того, что искренность уйдет, а профессионализма не появится. Конечно, я постараюсь сделать все, чтобы этого не произошло.

С. Бунтман: — С людьми надо работать так, как режиссер работает с актерами, надо дать им возможность раскрыться. Человек никогда не должен думать, то или не то он говорит, понравится или нет это начальству. Вообще, когда человек начинает, его ни в коем случае нельзя ругать, замечания можно делать только после того, как он почувствовал себя достаточно уверенно. Сейчас очень модно использовать термины естественных наук, так вот нам очень хочется быть открытой системой, которая способна эволюционировать, включать в себя новые компоненты, оставаясь при этом собой.

На радио стоят контактные телефоны, слушатели звонят постоянно, и звонки бывают самые разные. Кто-то благодарит за «гражданское мужество», кто-то просто хочет поговорить о своих делах с понравившимся ведущим, но бывает, что в трубке раздается: «Сволочи, сволочи, сволочи! Жиды, жиды, жиды!» Всем своим собеседникам я задавал один и тот же вопрос: какие чувства они испытывают, бывает ли хоть на мгновение жалко таких своих абонентов? Ведь у тех жизнь прошла, а им, кроме этих двух слов, и сказать нечего?

С. Корзун: — Прежде всего я думаю о сотрудниках. Я как-то стараюсь принять этот удар на себя, никогда не показываю людям грубых писем, потому что знаю, как тяжело в таких случаях работать. Естественно, желания вступить в диалог в таком случае у меня не возникает, все-таки для диалога нужно общее культурное поле. Мне несравнимо более интересны другие письма или звонки. Идет стандартный текст: «От своего имени и от имени супруги...», «Позвольте выразить вам...», а в конце вдруг стихи, хорошие, не затасканные, не растащенные на цитаты, которые человек выписал для нас у Пастернака, Бориса Чичибабина или какого-то старого-престарого поэта. И сразу видно, как человека всю жизнь заставляли говорить, а как он говорить хочет. Мне кажется, что мы можем помочь этим людям заговорить на нормальном языке.

П. Широв: — Ну, конечно, когда бывают откровенно грубые звонки, особой радости нет, чувства сложные, пожалуй, брезгливость пополам с жалостью. Эти всплески истерии обычно совпадают с какими-то сложными моментами в нашей жизни, так что есть надежда, что чем нормальнее будет жизнь, тем доброжелательнее станут и слушатели.

С. Бунтман: — Ты знаешь, на «Эхо» я стал гораздо спокойнее относиться к подобным вещам, я стал меньше бояться таких всплесков экстремизма, может быть, потому, что теперь я гораздо лучше представляю свою аудиторию и понимаю, что за этими всплесками стоит.

С. Фонтон: — У информационников судьба такая, их всегда ругают. А нам все равно надо делать свою работу. Вот ты спрашиваешь, что важнее — способности или честность. С одной стороны, способности. Но с другой... Невзорова не назовешь бесталанным человеком, он почти художественные фильмы снимает — своя система образов, свой художественный ряд. Почему их показывают как документальные, а не знаю, по-моему, это другой жанр. Информационник не имеет права на выражение своих эмоций, что бы ему не говорили, он должен талантливо разыскивать информацию и честно ее подавать.

Может быть, именно в стремлении сочетать объективную, компетентную информацию с сугубо личностным взглядом на события — одна из причин популярности «Эха Москвы». Передачи «Беседа муз», «Ойкумена», «Новый Вавилон», «На пепелище» задумывались как авторские, и очень важно, что авторам есть что сказать, их взгляды интересны многим. Конечно, немосквичам трудно судить о передачах, которых они никогда не слышали, но, я думаю, и они согласятся с тем, что эти названия звучат более заманчиво, чем «Актуальное интервью» или «Прямой разговор». Кстати, названия передач отражают и общий культурный уровень работающих на «Эхо».

Интересно, что передачи из цикла «Ойкумена — обитаемая Вселенная» — о японской культуре, России XVIII века или чертах утопического сознания — слушают люди самого разного образовательного уровня. Кто-то вникает в диалоги, а кому-то — и это видно по письмам — просто нравится, что «люди так уважительно разговаривают друг с другом». Этому же учит и передача «Без посредников», на которую слушателей просят звонить и высказываться по волнующим их вопросам.

Надо сказать, что речь ведущих вполне может стать в XXI веке предметом исследований типа «Роль радиостанции «Эхо Москвы» в искоренении социалистического «новояза» на первом этапе российского парламентаризма». Но это — в будущем, а пока я задаю своим собеседникам еще один вопрос: «Чего ты боишься?»

П. Широв: — Я боюсь, что в какой-то момент мне не станет хватать профессионализма. Я сейчас снова оказался в том положении, когда надо «учиться, учиться и учиться». Но это в моих руках. Боюсь, что мы, как «шестидесятники», останемся символом лишь благих порывов, которым не суждено будет сбыться.

С. Бунтман: — Я боюсь исчезновения той творческой атмосферы, которая сложилась; боюсь того, что наши отношения выродятся в то, что бывает почти во всех коллективах, возникнут ссоры, дрязги. Спасти от этого может только работа. Пока она у нас есть, я ничего не боюсь.

С. Фонтон: — Я боюсь не успеть... Мне очень странно бывает читать, как о нас пишут «молодые ребята». Средний возраст работающих — около тридцати, по-моему, в этом возрасте человек уже осознает себя личностью и свое место в мире, и свои возможности. Мы взрослые люди, это только у нас в стране молодость — такое широкое понятие. Раньше мы сидели в своих клеточках, смотрели, как другие летают, и думали, что мы могли бы делать это лучше. А теперь, когда клетка открылась, оказалось, что летать-то трудно. Наверное, каждый из нас думал о том, что будет, если радиостанцию закроют. Этого я не боюсь. Я боюсь, что поздно начал, что не хватит душевных сил, нравственного опыта для того, чтобы делать свою работу достойно.

С. Корзун: — Боюсь выговориться, мечтаю о том, что когда все будет налажено, вещание станет круглосуточным, на коротких волнах (чтобы могла слушать вся страна), я на этой же радиостанции или на другой уйду на договор и начну все сначала. Но пока мне это не грозит, надо работать, новые рубрики делать. У нас очень много вопросов, на которые нет готовых ответов, их надо искать. Но, если быть кратким, я очень не люблю бояться.

И. Глебов

У каждого из нас есть не один интеллект, а два — так можно выразить основную мысль этой статьи. И оба эти интеллекта решают сходные задачи, но действуют они поодиночке и общаются между собой редко и неумело. Задачи педагога — помочь этим интеллектам найти общий язык.

А. Звонкин,
кандидат физико-математических наук

Язык и два интеллекта

Но сначала хочется сказать несколько слов в свое оправдание. И в психологии, и в психолингвистике я дилетант и тем не менее рискую не только строить какие-то теории, но и предлагать их читателю. Если бы в математике какой-нибудь непрофессионал стал развивать свои широковещательные концепции, специалисты, пожалуй, отнеслись к нему иронически, и я в том числе. И вот я задаю сам себе вопрос: что же я-то лезу не в свою область? И сам себе отвечаю примерно так: нет такого человека, для которого психология была бы «не своей» областью. Ее предмет — человек — интересен всем. Просто все изучают его по-разному. Ученые — ставя эксперименты и оттачивая понятия. Писатели — наблюдая жизнь или движения собственной души. Педагоги — ежедневно и в больших количествах сталкиваясь с разнообразным «человеческим материалом». Да и просто люди в обыденной жизни, общаясь друг с другом. Эти разные психологии — научная, художественная, педагогическая, бытовая — должны обмениваться знаниями и идеями, оплодотворяя друг друга, открывая

Иллюстрация А. Эстрина

друг перед другом новые горизонты.

В течение нескольких лет я вел математический кружок для дошкольников — я уже рассказывал о нем в журнале*. Занятия с детьми подтолкнули меня к чтению научной литературы по детской психологии, и это чтение оказалось бесконечно увлекательным и очень полезным. Благодаря ему я стал гораздо более наблюдательным, стал больше замечать, общаясь с детьми. Может быть, теперь мои наблюдения тоже окажутся кому-нибудь полезными. То, что я здесь излагаю,— это еще не теория. Теория должна иметь экспериментальное подтверждение. Пожалуй, даже и на гипотезу не тянет: гипотеза должна быть сформулирована более отчетливо. Это лишь попытка связно изложить некоторые свои наблюдения, а также кое-какие размышления по их поводу, находящиеся явно на «донаучной» стадии развития.

А теперь — к делу.

Одно из важнейших математических понятий, с которым нужно познакомить маленького ребенка,— это понятие множества. Конечно, делается это не путем чтения лекций, а с помощью игровых упражнений со специально разработанными наборами предметов. Один из таких наборов — это хорошо известные педагогам всех стран «логические кубики», или «логические блоки Дьенеша». Набор состоит из 48 плашек, которые окрашены в четыре разных цвета, имеют три разные формы (скажем, квадраты, круги и треугольники), два размера (большие и маленькие) и различаются еще одним каким-нибудь признаком, например, половина из них имеет в центре дырку, а половина — нет. Таким образом, если мы захотим, например, найти плашку красную, круглую, маленькую и без дырки, то как раз одна такая плашка и найдется. И так же будет для любого другого сочетания признаков. Подмножества выделяются из этого набора предметов с помощью указанных признаков, а также с помощью их логических комбинаций. Для того чтобы решать разного рода логические и классификационные задачи с блоками Дьенеша, нужны какие-нибудь обозначения для признаков. Эти обозначения должны быть простыми и понятными детям. Например, буквы Б и М обозначают большие и малые предметы; фигурки □, △, ○ отвечают классам предметов соответствующей формы; признак «зеленый» обозначается бесформенным пятном зеленого цвета и т. п. Каждый знак не только обозначает какой-то признак, но также и выделяет класс (множество) предметов, обладающих этим признаком.

Вот так или примерно так это было описано в методической литературе, например в книге М. Фидлер «Математика уже в детском саду». Так же пытался поступать и я. Но только у меня почему-то ничего не получалось.

Как это ни покажется странным, дети моих значков не понимали, несмотря на все объяснения. Отношения к тому времени у нас сложились очень дружеские и неформальные, и они искренне пытались мне помочь. Поэтому взамен моих они придумывали свои, «более простые», с их точки зрения, значки. Все их предложения носили, так сказать, «комплексный» характер; это означает, что один их значок совмещал в себе несколько моих и фактически служил для обозначения одного конкретного предмета, а вовсе не класса предметов. Так, это могло быть красное пятно с прилепленными к нему с разных сторон буквой Б, квадратиком и знаком для дырки. На мой вопрос, что это все означает, мне показывали большой красный квадрат с дыркой. Пытаясь навести их на ошибку, я спрашивал: «Ну а почему бы тогда просто не нарисовать этот квадратик?» Но дети в отличие от меня не видели в этом предложении ничего абсурдного. Тогда, чтобы объяснить смысл красного пятна, я выложил все красные предметы вместе и сказал, что нужен один общий знак для них всех. Ответом было уже совсем полное недоумение: как же это можно такую кучу нарисовать?

Все это в общем вполне согласуется с наблюдениями психологов, утверждающих, что детям в этом возрасте крайне трудно построить абстрактное понятие, «оторвать признак от предмета». Видя конкретный предмет, они, конечно, могут сказать, что он красный, но само по себе понятие «красный», без красных предметов, лишено для них определенного смысла и потому ни в каком знаке не нуждается. Знак должен заменять собой нечто «весомое», реально существующее.

Так мы и вертелись на одном месте, и дети уже начинали скучать.

И тут меня выручил один из моих учеников. На минуту он отключился от общего разговора, а потом вдруг как-то очень философски заявил: «Я, кажется, все понял. Вы хотите, чтобы мы придумали значки для слов».

С этого мгновения все пошло как по маслу. В самом деле, возьмем слово «красный» — подчеркиваю, не понятие, скрывающееся за словом, не значение признака, не класс красных предметов, а именно слово как таковое. Это слово почти конкретная вещь, почти предмет. В том, чтобы слову сопоставлять знак, также нет ничего удивительного; например, его можно записать буквами, как обычно. Но писать буквы долго и трудно. Поэтому, если слово очень нужное и часто встречается, то почему бы не придумать для него более простой значок (своего рода иероглиф)? И такие значки мгновенно были придуманы. Более того, их конкретный вид стал уже как бы и безразличен: дети очень быстро научились смотреть сквозь них.

Казалось бы, ничего особенного не произошло: дети просто научились сопоставлять словам знаки. Однако, с педагогической точки зрения, это был буквально скачок через пропасть. Ибо когда мы возвращаемся в реальный мир и пытаемся теперь сопоставить полученному знаку некий объект, то таким объектом оказывается уже не тот единичный предмет, от которого мы отталкивались, а целый класс предметов, выделяемый значением соответствующего признака. Вместо цепочки «признак — знак — класс предметов» возникает цепочка «предмет — слово — знак — класс предметов». Появление в этой цепочке лингвистического объекта «слово» позволяет разорвать порочный круг, когда знаки вводятся как средство усвоения понятия класса, но смысл самих знаков остается непонятным до тех пор, пока понятие класса не усвоено.

Что же делает возможным такой скачок? Почему слово оказывается такой волшебной палочкой-выручалочкой, без которой не получается вообще ничего, а с ее помощью все проходит на удивление легко? Что есть слово?

Если мы задумаемся над этим вопросом, то придем к весьма удивительным выводам. Мы обнаружим, что слово — это тот самый знак, который мы столь упорно и безуспешно пытались построить,— знак, отвечающий значению признака и уже оторвавшийся от предмета. Та работа по абстрагированию, которая оказывается не под силу ребенку шести-семи лет, уже была проделана им же бессознательно в возрасте полутора-двух лет, когда он учился говорить. Вводя слово в качестве промежуточного этапа, мы как бы пользуемся готовыми результатами проделанной ранее работы. В этом случае будем говорить, что процесс абстрагирования имеет языковую поддержку.

А бывают ли задачи, требующие абстрагирования и не имеющие языковой поддержки? Да, бывают. Взрослому человеку, в особенности научному работнику, они могут показаться даже более легкими. Но для ребенка они оказываются гораздо более трудными, часто непреодолимыми. Педагог здесь может очень легко попасть в ловушку. Давайте рассмотрим один пример. Чтобы научиться читать, ребенок должен построить так называемое фонемно-морфемное соответствие, то есть попросту понять, как звуки и буквы соответствуют друг другу. Звуков много, букв тоже, да и соответствие между ними далеко не однозначно; одним словом, задача трудная. Сам собой напрашивается вывод: давайте «упростим» задачу, разобьем ее на несколько более простых этапов.

Заглянем в букварь; там мы увидим, каковы эти этапы. Вначале на короткий период вводятся специальные обозначения для предложений и слов. Затем возникают обозначения для слогов — разные для ударных и безударных слогов. После этого появляются значки для отдельных звуков, но не для конкретных звуков типа «а» или «у», а для абстрактных «звуков вообще». Постепенно значки становятся все более и более разнообразными: квадратик — для «звука вообще»; прямоугольник, разделенный диагональю,— для двух соседних «звуков слияния»; красный кружочек — для гласного звука и черный либо синий — для согласного (в зависимости от его мягкости или твердости). Здесь же на фонетической схеме слова присутствуют и некоторые дополнительные элементы: ударение, специальный знак, выделяющий изучаемую в данный момент букву, и т. д., и т. п. Постепенно, когда разнообразить значки уже дальше становится некуда, их начинают заменять буквами.

Такая методика, на мой взгляд, обладает фундаментальным дефектом.

При желании можно придумать и предложить детям специальный значок для слова «кошка», другой значок — для слова «самолет», третий — для слова «чайник». Понимание смысла таких значков вряд ли вызовет у детей какие-либо трудности. При последовательном проведении подобной методики мы пришли бы к какой-то разновидности иероглифической системы письма. Она нагрузочна для памяти, но, с психологической точки зрения, выглядит совершенно естественно: каждый знак здесь имеет языковую поддержку. Но как только мы пытаемся ввести знак для «слова вообще», для какого-то неизвестного заранее слова, то есть своего рода алгебраическую переменную со значениями во множестве слов, как тут же мы потерпим полный провал. Требуемый уровень абстракции оказывается весьма высок, а языковая поддержка отсутствует.

Аналогичная картина имеет место на уровне слогов. Легко понять смысл значков, которые обозначают слог «ба» или слог «му» и т. п. С их помощью можно прийти к какой-то разновидности слогового письма (примеры чему тоже в истории имеются). Но невозможно перво-

* «Знание — сила», 1985 год, № 8 и 1986 год, № 2.

классику понять смысл знака «некий абстрактный вообще-слог». И далее, уже на уровне буквы-звука, — понять, что буква «а» отвечает соответствующему звуку, безусловно, гораздо проще, чем понять, что синий кружок отвечает какому-то элементу из множества гласных звуков. Звук «а» — это нечто несравненно более конкретное и вещественное, нежели множество всех гласных звуков.

Помню свое первое родительское собрание, когда сын пошел в школу. Учителя уже по опыту знают, что дети — даже те, кто не умеет читать,— все эти «схемы фонетического разбора» понять без помощи родителей не могут. Значит, первая задача — обучить родителей; этому и посвящена была наша первая встреча. Однако и родители воспринимают эту науку с большим трудом. когда учительница дошла до звуков слияния и звуков примыкания, среди родителей началась паника. И тогда учительница сказала одну замечательную фразу, по существу — приговор всей системе. Она сказала: «Вы только не волнуйтесь, вот кончится букварь, и тогда все будет гораздо проще». Потом, подумав, добавила: «Только, пожалуйста, побольше читайте с ними дома. А то программа у нас трудная, и мы их не успеваем учить читать». Вот так-то.

О том, что сама методика придумана как раз для обучения чтению, никто уже и не вспоминает. На уровне здравого смысла все это довольно-таки очевидно. А между тем привести какой-нибудь «научный» аргумент против указанной методики не так уж легко. Ведь формально говоря, предлагаемые обозначения в самом деле проще, чем обычная система письма. Вместо тридцати трех знаков (букв) нам предлагают всего четыре-пять; при этом само соответствие между знаками и тем, что они обозначают, тоже более простое — взаимно однозначное. Беда заключается как раз в самих обозначаемых объектах. Это абстракции, лишенные языковой поддержки. Во внутреннем мире ребенка таких объектов просто не существует.

(Впрочем, следует оговориться: некоторые интеллектуально развитые и уже умеющие читать дети с удовольствием разгадывают упомянутые схемы фонетического разбора, воспринимая их как своего рода забавные головоломки.)

Теперь, оставив в стороне школу, вернемся к процессу освоения языка и поразмыслим еще раз этому загадочному явлению — тому, что задача сопоставления знаков классам объектов, непосильная для семилетнего, с необычайной легкостью и вовсе незаметно решается малышом от года до двух. Когда начинаешь вдумываться в это явление, оно не становится более понятным; напротив, масштабы удивительности все разрастаются при виде не разницы даже, не разрыва в способностях, а той гигантской пропасти, которая разделяет возможности одного и того же человека в решении весьма сходных задач, но с помощью разных подсистем своего интеллекта.

Мы многие вещи делаем бессознательно, не умея объяснить того, как именно мы это делаем: ходим, едим или, скажем, сворачиваем кулек из листа бумаги. Одно из таких неосознанных умений — и умение говорить. Оно, однако, выделяется среди всех прочих умений тем, что процесс порождения речи требует постоянного решения интеллектуально-логических задач.

Когда-то на меня произвела очень сильное впечатление случайно попавшая в руки статья по лингвистике. Вся статья, более десяти страниц, была посвящена объяснению смысла слова «даже». Оказывается, смысл этого слова можно описать в виде четырех логических утверждений, достаточно сложных самих по себе и к тому же взаимосвязанных. В работе показывалось также, что любое неправильное, «режущее слух» употребление этого слова (типа «ложка даже лежит на столе») связано с нарушением по крайней мере одного из четырех условий. Таким образом, каждый раз, когда мы употребляем в речи слово «даже», мы в доли секунды решаем сложную логическую задачу «в четыре действия». И это только для одного слова! А ведь есть еще другие слова, и есть смысловые связи между ними, и грамматическое построение фразы, и связь с контекстом, и, возможно, много чего еще. Все эти задачи решаются одновременно и с молниеносной скоростью.

Пожалуй, наиболее удивительно, что с этим столь же легко справляются умственно отсталые дети. Попробуйте дать такому ребенку какой-нибудь тривиальный силлогизм, и он с ним не справится. А вот слово «даже» употребляет свободно и вполне грамотно. У дефектологов есть даже такой термин — «вербализм». Его относят к умственно отсталым детям с хорошо развитой и свободно льющейся речью. При поверхностном знакомстве они могут произвести впечатление вполне развитых. И лишь большие трудности, испытываемые таким ребенком при решении логико-математических задач, демонстрируют задержку в развитии. (С подобным, хотя и менее ярко выраженным явлением хорошо знакомы школьные учителя: не так уж редко им попадаются дети, умеющие красиво говорить и ничего более.) Известны случаи олигофрении, причем в сравнительно тяжелой форме, у детей, родившихся в двуязычной семье. Как правило, заболевание не мешает такому ребенку без труда освоить два языка.

Мы поневоле вынуждены прийти к выводу, что в нашем мозгу сосуществуют два отдельных и независимо функционирующих интеллекта. Один — сознательный, или, лучше сказать, осознающий. С его помощью мы решаем математические задачи, пишем программы, классифицируем, разбираемся в инструкции по пользованию пылесосом. Второй — бессознательный. С его помощью мы решаем очень похожие задачи, но в другой области — языковой. Не следует считать, что эти два интеллекта совсем никак не связаны друг с другом. Напротив, концепция «языковой поддержки» для развития абстрактного мышления — не что иное, как призыв эксплуатировать связь между ними в той степени, в какой это возможно. Тем не менее эти две системы существуют и действуют раздельно, и чтобы эксплуатировать связь, эту их раздельность следует четко осознавать.

Подход, состоящий в том, чтобы разделить некую ментальную структуру на две независимые подструктуры,— это не что-то совершенно новое. Человеческую психику уже давно делят на части. Еще классический психоанализ делил человека на три компоненты: ***я***, ***оно*** и ***сверх-я***. Его последователи, создатели трансакционального анализа поделили человеческую личность тоже на три, но уже другие компоненты; они называются Родитель, Взрослый и Ребенок (в книге Э. Берна «Игры, в которые играют люди»). Идею многосоставности психики последовательно разрабатывает американский психолог Роберт Орнстейн.

Разумеется, все такие модели — это всегда огрубление реальности. Даже разделение мышления на лево- и правополушарное — лишь весьма грубое приближение, хотя уж оно-то имеет под собой даже физиологическую основу. Стандартная претензия, что «в жизни все сложнее», может с достаточными основаниями быть отнесена к любой из перечисленных теорий. Но этому не следует придавать слишком большое значение. Критерием для оценки теории должно служить не ее абсолютное соответствие истине, а продуктивность принятых в ней метафор, их объяснительная сила, а также способность порождать новые точки зрения и новые постановки задач.

Вот, например, проблема овладения языком. Ей была посвящена знаменитая дискуссия между великим психологом Пиаже и великим лингвистом Хомским. Трудность вот в чем. С одной стороны, согласно Пиаже, ребенок до определенного возраста не умеет делать выводы и приходить к умозаключениям. С другой — такого рода деятельность абсолютно неизбежна при овладении языком, что и подчеркивает концепция Хомского. Не то чтобы наша «теория двух интеллектов» как-то решала указанное противоречие; она, скорее, его иначе называет. И все же это какое-то направление для поисков выхода.

Или совсем другая проблема — о природе математических способностей. Представление о том, что математика — это язык, уже стало почти общим местом, хотя математика, конечно, далеко не только язык. Все же очень важная языковая компонента в ней, безусловно, присутствует. Так, может быть, те редкие счастливцы, которые могут говорить на этом языке, как на родном, просто каким-то образом умеют подключить к работе свой первый, бессознательный (языковый) интеллект?

А теперь зададим себе вопрос совсем другого рода.

Мы уже приводили примеры того, как одна интеллектуальная подсистема — бессознательная — работает хорошо, а другая — сознательная — плохо (вербализм у умственно отсталых детей). А бывает ли наоборот, чтобы бессознательный интеллект работал плохо, а сознательный хорошо? После долгих поисков я, как мне кажется, нашел ответ, и это ответ положительный.

Есть такая очень странная душевная болезнь — ранний детский аутизм. Ее происхождение во многом загадочно, а методы лечения напоминают скорее искусство, нежели следование каким-то рецептурным схемам. Основная особенность аутичных детей состоит в том, что они испытывают очень большие трудности в общении с другими людьми. С этим связаны и многие другие отклонения в развитии. Очень большие споры вызывает вопрос о том, являются ли аутичные дети умственно отсталыми. С одной стороны, характерный признак аутизма — нарушение речевого развития. Дети, страдающие аутизмом, как правило, научаются говорить поздно и с большим трудом. С другой — очень многие из них отличаются высочайшими способностями к решению задач логико-математического плана и вообще повышенным интересом к интеллектуальным сферам деятельности. Клара Парк, мать аутичной девочки, в своей книге «Осада» вспоминает, как она привела дочь в школу для умственно отсталых детей. Девочка на три — пять лет опережала своих одноклассников по умению решать математические задачи, но столь же сильно отставала от них в умении составить простейшую фразу типа «А что сегодня на завтрак?». Создавалось впечат-

ление, что она обращается с родным языком как с иностранным (причем плохо знакомым),— каждую фразу ей приходилось конструировать с помощью сознательного процесса построения предложений по определенным правилам. Очень характерна также и разница в трудности освоения слов разного типа: такие слова, как «семиугольник» или «сумма», не вызывали никаких проблем; а вот смысл слов «я» или «да» девочка не могла усвоить в течение нескольких лет.

Мои собственные небольшие наблюдения за аутичными детьми свидетельствуют о том же. При общей развитости, любви к чтению и т. п. такой ребенок иногда говорит с мучительным трудом, с какими-то запинками и заторами. В этот момент он очень похож на своего сверстника, решающего задачу по арифметике. По крайней мере, это никак не похоже на речевой фонтан вербалиста.

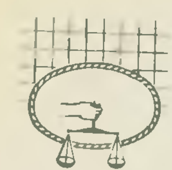
Выше я бегло упомянул о том, что разделение мышления на лево- и правополушарное имеет под собой физиологическую основу (две по-разному функционирующие половинки мозга). Судя по всему, разделение интеллекта на две части тоже имеет биологический базис, хотя и другого рода. На мой взгляд, огромную роль в процессе овладения языком, да и во всем дальнейшем развитии человека, играет так называемая «невербальная», то есть попросту животная, коммуникация. Язык мимики и жестов, взглядов и интонаций, которым мы владеем инстинктивно, как биологические существа, подобно кошкам и обезьянам, именно этот язык лежит в основе развития нашего первого, бессознательного интеллекта и в основе процесса овладения языком. Явление это в большой мере недооценивается. Я мог бы приводить примеры, обосновывая свой тезис, выписывать цитаты, всячески убеждать читателя. Но на это у нас, пожалуй, нет места — тема очень увлекательная, для отдельной статьи. Ограничусь лишь двумя замечаниями. Первое: именно на этом пути некоторые последователи Пиаже ищут выход из противоречия с воззрениями Хомского. Второе: одна из точек зрения на происхождение аутизма состоит в том, что корень проблем у аутичных детей лежит в сфере «животной» коммуникации. Эту точку зрения развивает и отстаивает Нико Тинберген, лауреат Нобелевской премии по биологии, один из создателей этологии — науки о поведении животных, уже более двадцати лет занимающийся изучением аутизма. Впрочем, если, читая предыдущий абзац, вы задумались о том, как же обычные дети научаются понимать смысл слов «я» или «да», то, пожалуй, и вы сами пришли к каким-то сходным выводам. Без жестов тут явно не обойтись.

Несколько слов в заключение. У программистов есть такие термины: функции, «реализованные аппаратно», и функции, «реализованные программно». Аппаратная реализация тоже предполагает наличие некоторой программы. Однако эта программа, как говорят, «впаяна в железо», то есть существует не в виде текста, а в виде электрических соединений, отвечающих определенной схеме, или в виде структуры кристалла. Программная же реализация какой-либо функции предполагает написание текста, сводящего эту функцию к последовательному выполнению аппаратно реализованных примитивов.

Функции, реализованные аппаратно, обладают несравнимо более высоким быстродействием, чем те, которые реализованы программно. Если в старинных компьютерах аппаратно были реализованы лишь простейшие булевы операции над единичными битами, то в современных компьютерах, особенно специализированных, таковыми могут оказаться весьма сложные операции, например операции над матрицами. А выполнение на том же компьютере гораздо более простой операции,— скажем, деления целых чисел с остатком — может потребовать составления специальной программы и будет выполняться заметно медленнее.

Возникает парадоксальная ситуация: чтобы создать эффективную программу, программисту порой необходимо свести свою простую задачу не к еще более простой (что было бы только естественно), а, напротив, к более сложной, но зато аппаратно реализованной. Про задачи, легко сводимые к аппаратно реализованным функциям, говорят, что они имеют аппаратную поддержку. Отсюда и мой термин «языковая поддержка», ибо в ситуации такого вот программиста часто оказывается педагог, пытающийся учить детей решать интеллектуальные задачи. Успех порой приходит к нему не тогда, когда он сумел разбить задачу на логически более простые шаги, или элементы, а в том случае, когда он сумел найти опору в более сложных интеллектуальных функциях, но зато уже «аппаратно реализованных» в нашем естественном языке. Наверное, всем нам — математикам, педагогам, программистам — надо внимательней приглядеться к этому чуду природы — обыкновенному человеческому языку.

«Виновны» ли метеориты?

В начале семидесятых годов возникла гипотеза, согласно которой «переполюсовка» — периодически происходящая смена ориентации магнитного поля Земли на обратную — происходит в результате столкновения нашей планеты с очередным метеоритом. Было замечено, что подобная перестройка земного магнита, случившаяся около 730 тысяч лет назад, совпадает со временем появления в геологических слоях микротектитов — крошечных стеклянных шариков, возникающих при плавлении пород, вызванном падением небесного тела.

Впоследствии специалисты назвали еще два таких события — одно, отстоящее от нас на 15 миллионов лет, а другое — на 900 тысяч лет, которые также, как они считали, были прямо связаны со столкновениями Земли с метеоритами.

Теперь же с опровержением подобной широко принятой уже гипотезы выступают научные сотрудники геологической обсерватории имени Ламонта и Доэрти при Колумбийском университете, что в штате Нью-Йорк, Дэйвид А. Шайдер и Деннис В. Кент, проанализировавшие ряд колонок осадочных пород, взятых в различных глубоководных районах океана.

Обстоятельства тех событий, которые произошли 900 тысяч лет назад, показывают, что столкновение с небесным телом произошло в Западной Африке, у побережья Республики Кот д'Ивуар (бывший Берег Слоновой Кости) не до переполюсовки магнитного поля Земли, как полагали до сих пор, а спустя 30 тысяч лет. Об этом говорит достаточно точное определение времени, когда возник слой микротектитов, содержащихся в здешних осадочных породах и залегающих поверх того слоя, в котором сохранились свидетельства смены направленности магнитного поля.

Авторы работы признают, что та переполюсовка, которая случилась 730 тысяч лет назад, действительно, по времени следует за падением метеорита и может быть с ним связана. Однако ни те события на границе мелового и третичного периодов (65 миллионов лет назад), за которыми последовало вымирание динозавров, ни те, что случились 15 миллионов лет назад, очевидно, не могут быть «привязаны» ни к какому из случаев магнитной перестройки.

После того, как из четырех «доказывающих» гипотезу случаев неопровергнутым остался лишь один, ее можно считать серьезно поколебленной. Придется искать другие причины этих далеких катастроф.

В коллекциях — мусорные ящики

Все началось десять лет назад, с разрисовки одного из мусорных ящиков в городе Фэрбанксе на Аляске. Какой-то художник разрисовал его, и обычный мусорный ящик превратился чуть ли не в произведение искусства. Впрочем, почему «чуть ли»? Когда позже по инициативе директора Ассоциации деловой части Фэрбанкса Карин Менефи и местного школьного учителя рисования Лавелла Фуза в одной из средних школ города был объявлен конкурс на лучший мусорный ящик, мероприятие имело столь шумный успех, что многие из этих своеобразных произведений искусства стали вдруг исчезать. И куда бы вы думали? В частные коллекции! А оставшиеся на месте, действительно, в какой-то степени украсили деловую часть города. Вдохновленные успехом, художники решили украсить гигантскими фресками и стены зданий. Постепенно центр города стал превращаться в большую картинную галерею. А какой же настоящий художник не захочет оставить о себе на память картину, доступную для всеобщего обозрения? В результате совместных усилий в городе было создано двадцать фресок на тему «Виды Аляски — прошлое, настоящее и будущее». Все лето трудились художники, уделяя внимание не только качеству картин, но и вопросам прочности специальных красок. Фрески выдержали испытание суровой зимы. Разумеется, время возьмет свое, и они разрушатся. Но ведь можно создать и новые, радующие взоры жителей и посетителей центральной части города.

Позднее почин жителей Фэрбанкса подхватили художники и других населенных пунктов Аляски. На снимках: почтовая марка с изображением барана Далла украшает одно из старейших зданий Фэрбанкса. Своеобразный зверинец радует взор пешеходов в многолюдном переходе. Гигантская фреска на стене нового самолетного ангара в фактории Биттлз на Аляске, где художники Крис и Кэти Звалинские изобразили осень, зиму и весну. Когда же один из местных жителей спросил у Криса: «А где же лето?» Он ответил: «Вот это-то я и хотел бы знать». Дело в том, что в то время, когда рисовалась эта картина, лета практически не было. Вернее, оно было, но уж очень холодное.

И. Смирнов

Рок-н-ролл мертв...

...А я еще нет.
Рок-н-ролл мертв — а я?
Те, что нас любят, смотрят нам вслед
Рок-н-ролл мертв, а я —
Еще нет.

В. Гребенщиков

История, рассказанная в «Знание — сила» (№ 3 за 1987 год, «Фольклор новый и старый»), прервалась в той самой точке, которую специалисты по теории катастроф называют бифуркацией. Бифуркация прерывает плавное течение событий и задает игре новые правила.

Я никогда не понимал социологов и политиков, датирующих начало перестройки апрелем 1985 года. (Члены СП, ныне ярые антикоммунисты, даже назвали свое объединение в честь одного из партийных пленумов.) Между тем нельзя не видеть, что основные мероприятия 1985—1986 годов — анекдотическое «трезвенничество» и «борьба с нетрудовыми доходами» — не имеют ничего общего с европейской цивилизацией XX века и полностью принадлежат старой, брежневской традиции.

В нашей истории также не отмечается никаких признаков серьезных реформ до января 1987 года. Последний из музыкантов — узников совести (А. Новиков) был осужден в Свердловске в ноябре 1985 года. В 1986 году сажать за «независимую» музыку перестали, но это знаменовало не новое к ней отношение, а всего лишь поиск более гибких методов борьбы.

Заповедник свободы

К 1986 году рок-движение оказалось единственным самообеспечивающимся заповедником свободы в тоталитарной стране (может быть, наряду с «системой» баптистов-инициативников).

Его можно изобразить в виде концентрических кругов. Внешний — круг «потребителей» рок-культуры — непрерывно расширялся по мере того, как отдельные молодежные компании получали через какого-нибудь «продвинутого» приятеля доступ к записям Майка или Шевчука. Второй, промежуточный круг, сегодняшние журналисты назвали бы «тусовкой», но в подпольные времена слово «тусовщик» не значило ничего хорошего (дешевый, пустой человек, «халява» — в противоположность тем, кто что-то делал, рисковал, брал на себя ответственность). Так что скажем лучше «помощники». Люди, для которых рок-н-ролл стал уже не просто развлечением, но образом жизни — по мере сил они поддерживали его существование и, если хватало фанатизма (авантюризма), пополняли ядро движения. Ядро составляли собственно создатели рок-культуры: музыканты, «писатели» (не члены СП, а те, кто записывал фонограммы на квартирных или незаконно оккупируемых казенных студиях звукозаписи), менеджеры, редакторы независимой прессы.

Аналогии рок-движения с авангардной живописью, литературным «андерграундом» того времени беспочвенны уже хотя бы потому, что рок был не просто жанром искусства. Он выполнял еще множество функций, искусству вообще не свойственных,— тех, которые в нормальном обществе относятся к сферам политики или религии.

— Это тундра, но в ней надо, надо, надо жить! — пел А. Яхимович.

Действительно, живя в социальной тундре, советский человек вынужден был становиться сам себе сапожником, врачом, адвокатом... Ничего хорошего в таком «совместительстве» не было, и то, что предлагал рок, как правило, не дотягивало ни до настоящей политики, ни до настоящей религии. Хотя, говоря словами Гребенщикова, для того времени это был «не выход, но все-таки лучший ответ». Сильные люди, составившие ядро рок-культуры, весьма мало похожи на вдохновенных романтиков хиппи.

Как уже известно читателю «Знание — сила», рок-движение восьмидесятых интегрировало собственную ро́ковую и бардовскую традицию — отсюда его необъятный музыкальный плюрализм: от забойного харда до частушек в одной программе «ДДТ»,— и некоторые общие идейные установки: антибюрократизм, пацифизм, антитоталитаризм. Пожалуй, не припомнить ни одной группы, которая исповедовала бы националистические, шовинистические, человеконенавистнические идеи.

В общем, мировоззрение рокеров предвосхитило первую расплывчатую программу демократического движения в 1987—1989 годах. До поры до времени на одних сэйшенах мирно уживались христианский пафос «ДДТ» с беспартийной любовью Иванны Жанны Агузаровой, (только что вышедшей из тюрьмы) к «желтым ботинкам», и анархическим материализмом «Зебр»,

Фотопостановка М. Меликова и О. Меликова

чей лидер, врач-психиатр Олег Ухов, интересовался земными проблемами:

На небосводе вспыхнут звезды,
как огоньки иллюминаций.
Под эти праздничные грезы
займутся люди мастурбацией.
На избирательном участке
получат нужные проценты,
Отложат в сторону бумажки
потенциальных диссидентов.

Благодаря независимым журналам в рок-движении достаточно рано сформировалось представление о том, как правильно организовать жизнь в самой рок-музыке и вокруг нее. На страницах журнала «Урлайт» эти простые предложения оформились окончательно: разрешить петь все, кроме того, что прямо запрещено законом, отменить «литовки», разрешительные удостоверения и прочие бюрократические извращения, ликвидировать монополии в концертном деле, дать возможность музыкантам получать за свой труд вознаграждение не по «тарификациям», установленным чиновниками, а по договоренности с заказчиком, в том числе и процентные отчисления за тиражирование фонограмм. Впрочем, в 1986 году большинству было так же трудно поверить в реальность этих предложений, как в воссоединение Германии. Их рассматривали скорее как игру. И тем не менее кое-где на местах они начали воплощаться в жизнь. Вплоть до того, что накануне перестройки в ряде городов — Свердловск, Рига, Подольск — возникли действительно демократические рок-клубы, с выборным руководством.

Но дальнейшая их судьба зависела от решения более общих проблем.

«Я иес в ладонях чистую воду...»

Накануне больших перемен наш жанр оказывался в привилегированном положении, он не нуждался ни в какой перестройке, поскольку изначально явочным порядком пришел к открытию тех естественных механизмов, которые другим художникам еще предстояло искать. Более того, в первые полтора-два года новой жизни, когда на митинги «демократических сил» собирались кучки деклассированных интеллигентов и бегали по парку от двух милиционеров, чтобы на новом месте вытащить из-за пазухи плакаты и тихо скандировать: «Народ-ный фронт!», когда за снятого Ельцина заступались только десять отчаянных анархо-синдикалистов из клуба «Община», в этот важный период ведущие рок-музыканты волею судеб оказались единственными неформальными лидерами многотысячной аудитории молодежи. Я подчеркиваю возраст, это важно.

Проблема рока оставалась острой и при перестройке, так как это была проблема политического выбора — предоставлять ли неофициальным лидерам право голоса? Все хитросплетения якобы эстетической, якобы психологической — и прочей псевдонаучной демагогии как раз и призваны были затушевать остроту главного противостояния, рядом с которым даже корпоративные интересы приставленных к музыке чиновников и композиторов-«плесенников» играли второстепенную роль. В конце концов не помешали интересы Маркова, Проскурина и Анатолия Иванова миллионным тиражам Набокова, Стругацких, Искандера — настоящей литературе. Совсем иначе складывалась судьба настоящей рок-музыки. Ее выпустили на экраны ТВ только после того, как убедились, что «рок-н-ролл мертв».

Можно искать и находить внешние и объективные причины случившегося, но никуда не денешься от того, что прежде всего мы сами были не в состоянии противостоять внешним обстоятельствам. Оказались недостойны той свободы, за какую боролись, а право выбора, предоставленное нам Горбачевым в 1987 году, использовали прежде всего, чтобы променять свою «чистую воду» на тухлую копеечную похлебку. Да и ту расплескали по дороге:

Поверь, еще никто никогда
Сюда не принес никакого
вреда,
Ведь тот, кто нес,
Тот не донес.
Значит, никто ничего
не принес.

(«Наутилус»)

«Рок-революция — 87»

Начало перестройки в нашей истории мы можем датировать январем 1987 года. Тогда состоялся либеральный Пленум ЦК, а в «Юности» печатали неотредактированный список современных «звезд» советского рока, включая «ДДТ», «Облачный край» и «ДК».

Пружина, долгие годы стиснутая подпольем, выпрямилась, расплескивая эстрадное болото и вынося на свет благородные лица и неожиданные таланты.

На пороге перестройки ненависть молодежи к официальному репертуару «Любовь, комсомол и весна» была настолько сильна, что буквально смела филармоническую систему. Рынок в концертной деятельности установили явочным порядком. А к осени наиболее предусмотрительные менеджеры — С. Скрипниченко и В. Манаев в Москве, Ю. Байдак в Ленинграде и другие — уже разработали систему, по которой музыканты могли получать договорные гонорары вполне официально, без сложных нелегальных манипуляций с якобы бесплатными «пригласительными билетами».

1987 год стал годом фестивалей. Март — концерты в Ленинградском Дворце молодежи, открывшие столицам «Наутилус» и «Чай-Ф». Апрель — рок-фольклорный фестиваль в Москве с участием нового ленинградского состава «ДДТ», В. Цоя и Дм. Покровского (идея «Знание — сила» реализовалась). «Литуаника» в Вильнюсе и майский Уральский фестиваль в ДК «Уралмаша», традиционный фестиваль ленинградского рок-клуба уже не в резервации для избранных, а в огромном общедоступном зале (триумф Ю. Шевчука). Историческое состязание двух ведущих групп России, «ДДТ» и «Нау»,— в Черноголовке, завершившееся, по результатам зрительского референдума, «вничью». Июльский фестиваль в Риге. И наконец, «Советский Вудсток» в Подольске, собравший в «Зеленый театр» тысячи молодых людей и музыкантов из одиннадцати городов.

В Подольске хит-парад по зрительским анкетам подтвердил результаты черноголовского. Схожие результаты получила «Юность» по письмам читателей — «Ваша любимая группа». Первое место занял «Аквариум», второе — «Машина времени», третье — «ДДТ», далее — «Кино», «Алиса», «Нау».

Рок вытеснял советскую эстраду и из хит-парадов областных комсомольских газет, вплоть до того, что в первой половине 1988 года он мог занимать весь список, не оставляя М. Муромову даже десятого места.

Нельзя сказать, что это «триумфальное шествие» не встречало противодействия. Напротив, противодействие являло резкий контраст с общим либеральным подходом к искусству, в нем задавал тон Союз писателей, видимо, уже решивший все литературные проблемы, и так называемая «рок-лаборатория», монопольное учреждение филармонического типа, созданное в Москве для борьбы с «неконтролируемой» концертной деятельностью. Именно рокеры стали главным объектом насилия со стороны «гопнических» формирований, насаждавшихся в то время сталинистами («люберa», «Закон и порядок» в Ростове и т. п.).

Однако реальную опасность представляли ие кучки малограмотных подростков, которым «дяди» внушали ненависть к «Западу», не политические доносы деятелей рок-лаборатории (документы — в «Экран и сцена», 1990 год, № 26). Опасность заключалась в том, что механизмы, необходимые для нормального развития жанра (кроме гастрольно-концертного),— ТВ, радио и прежде всего звукозапись — оставались феодально-бюрократическими. Между тем иа Западе именно аудио- и видеозапись, а вовсе не гастроли, служат основным источником дохода для групп.

А ведь шоу-бизнес, как и любое производство, вырабатывает определенные экономические и юридические механизмы, соответствующие специфике жанра. Рок, как и кинематограф,— жанр технически сложный, следовательно, дорогой. Техническая ущербность, которая воспринималась в подполье как неизбежное зло, в условиях свободной конкуреиции становилась непростительной.

Кстати, при внимательном рассмотрении шествие рок-революции 1987 года оказывалось вовсе не таким триумфальным, как шествие советской власти в учебниках истории. Практически все группы, возглавившие хит-парады, и все творческие идеи, с помощью которых музыкаиты добивались успеха, родились в подполье, и дальиейшие события означали распространеиие, но ие развитие независимого искусства. Единственная и вполне реальная возможность обрести в иовых условиях твердую почву под ногами заключалась в том, чтобы собрать всеобщий съезд рокеров, а на нем зафиксировать экономические и правовые условия, без соблюдения которых жанр не может существовать. И создать для борьбы за свои права творческий профессиональный союз.

В 1987 и даже в 1988 году это вовсе не было утопией. Если бы тогда большинство ведущих рок-музыкантов обратились к зарубежным коллегам с просьбой бойкотировать «Мелодию» и концертные организации в СССР до тех пор, пока те не перестанут грабить советские группы, бюрократия, скорее всего, пошла бы иа значительные уступки, как это было сделано в отношении других творческих союзов, решительно заявивших о своих правах.

«Селен»

Инициативу взял на себя свердловский рок-клуб. 16 октября гостей встретили в аэропорту и на автобусе доставили в паисионат с ядовитым названием «Селен», затерянный среди сосновых лесов. Поражение было во многом предопределено самим составом конференции, она была весьма многочисленна и включала очень много лишних людей — комсомольских работников, журналистов, тусовщиков... Не хватало только представителей ведущих групп. Из их числа в «Селене» материализовалось всего трое: «наутилусовцы» Илья Кормильцев и Алексей Хоменко плюс, как ни странно, Александр Башлачев (который почти все заседания проспал и появился, протирая глаза, ближе к концу, в момент особенно невыносимой демагогии. «Что за чепуха!» — с презрением сказал он, послушав минут пять, и ушел в столовую за компотом).

Ясно было, что наши орфеи, что бы ни говорили о солидарности, на практике предпочитают полюбовное соглашение со «своим» чиновником. Но рок-клубы пока сохраняли авторитет, и в «Селене» были представлены президентами или администраторами. Может быть, тогда еще не все шансы были потеряны?

Бросив на весы весь авторитет группы,—

«Рок-н-ролл на баяне», Федор Чистяков («Ноль»).

«Взойдет звездою русский рок...», Юрий Шевчук («ДДТ»).

«Наутилус» в поселке физиков в Черноголовке.

как ни крути, а лидирующей в хит-парадах страны,— Илья Кормильцев буквально выдавил из аморфного собрания согласие обсуждать экономику и право. Многие просто не в состоянии были осмыслить важность этих сюжетов, представлявшихся «скучными», другие отлично все понимали, но сознательно избегали резкого конфликта с бюрократией, которая скорее откажется от любой идеологии, чем от монополии в доходной сфере. Поэтому периодически набегали умные речи про высокое творчество, которому вредит «коммерция», и волны эти смывали юридически грамотные и однозначные в толковании формулировки, которые удавалось построить. И тем не менее программа была принята... Оставалось проследить, насколько готовы участники конференции, разъехавшиеся по городам и весям, отстаивать то, за что проголосовали. Очень скоро выяснилось — не готовы...

И с этого времени рок-движение превращается в мельтешение бессмысленной толпы, где каждая единица удовлетворяет свои потребности по принципу, хорошо знакомому тем, кто держит рыбок в аквариуме. Но еще около года «Римская империя периода упадка соблюдала видимость полного порядка»: сейшена из клубов перемещались в спортивные ангары и даже на стадионы, росли цены на билеты, газетчики гонялись с диктофонами за теми, кого вчера оплевывали...

А группы, которым посчастливилось всплыть на волнах рок-революции, жизнерадостно вписывались в гастрольную эстрадную карусель.

Первым — «Наутилус». Принятые летом 1987 года в высшие эстрадные круги свердловчане потеряли всякое душевное равновесие при виде роскоши, окружавшей Аллу Пугачеву и ее коллег по «престижной кормушке». Впрочем, дело не в частностях, не в Пугачевой, которая заботилась о «Наутилусе», и не в Стасе Намине, который также заботился о «Бригаде С» и «Калиновом мосте», потому что судьбы других групп, не пересекаясь с Пугачевой и Наминым, складывались в похожие вензеля. «Неуверенность в себе возбуждает его силы, а успех роняет их,— писал еще В. О. Ключевский о характере русского человека.— Ему легче одолеть препятствие, опасность, неудачу, чем с тактом и достоинством выдержать успех».

Если в 1987 году афиша типа «Пресняков-младший» — «Чай-Ф» — «Мираж» или «Пресняков-старший» — НАТЕ — «Белоусов» воспринималась как оскорбление любимой рок-группы, то в 1988 это становится нормой. С крушением стены, отделявшей рок от эстрады в концертном бизнесе, рушилась и аналогичная перегородка в сознании молодой аудитории, которая не имела подпольного опыта. Согласитесь, трудно требовать от людей, чтобы они относились к вам лучше, чем вы сами относитесь к себе. На оправдания музыкантов — «В нашей программе, за которую мы отвечаем, не меняется ни одно слово и ни одна нота» — «Урлайт» грубо, но резонно отвечал, что если часто подавать даже самое изысканное блюдо с гарниром из дерьма, в конце концов на него все-таки выработается (по академику Павлову) классический условный рефлекс.

Одновременно разрушались все те несокрушимые снаружи и очень хрупкие изнутри конструкции, которые поддерживали внутреннюю структуру рок-движения,— традиции, ритуалы, взаимное доверие и солидарность, причем на смену им приходили и утверждались нравы не «буржуазного Запада», а провинциального райкома.

Человек всегда ориентирован на референтную группу. И по мере того как круг общения музыкантов все более замыкался на филармонических администраторах, соседях по программе «сборных» концертов, гостиничных проститутках и того же сорта журналистах, с рокерами происходили те самые перемены, о которых пишет детский поэт Олег Григорьев, автор «Электрика Петрова с проводом на шее»:

Попал я в стадо свиней,
Залез на одну, сижу.
И вот уже я вместе с ней
Хрюкаю и визжу.

Мы уже отмечали, что рок — искусство прямого личного самовыражения. Поэтому лучшее, что оставалось человеку в такой ситуации, это исполнять свои старые хиты раз от раза все менее выразительно.

Кроме того, спокойная, вдумчивая студийная работа, без которой не возможно ни рождение новых идей, ни их воплощение в достойную форму, тоже осталась в нищем прошлом, теперь на нее не хватало времени даже у тех, кто не пропивал концертные гонорары, сберегая деньги на запись. Потому что в любую минуту мог зазвонить телефон и предложить такие условия, от которых только больной откажется.

Вот почему наши группы в 1988 году продолжали переживать творческие озарения 1985. Те же, кто пришел по их стопам в 1988, брали пример со старших и подбирали с пола старую чужую жвачку. Так расплодилось по городам и весям великое стадо «автоудовлетворителей»*, немногим уступающее поголовью настоящих свиней: «Путти», «Инструкция по выживанию», «АНЧ», вплоть до широко разрекламированного «Ника Рок-н-ролла», не лишенного актерского таланта, но не внесшего в наследие «Панова-83» ни единой новой ноты; покатили за рубеж «Ва-банк» (катастрофически поглупевший «Чай-Ф») и «Лолита», которая была бы отличной пародией на Кинчева: представляете себе Кинчева, раздувшимся до Винни-Пуха? Если бы только сама «Лолита» знала, что она не всерьез! Наконец, штампованные, как ВИА семидесятых годов, герои, сообразившие, что в амбразуре нет пулемета, и мастера «стеб-рока», бесконечно хихикающие над КПСС, милицией и военными примерно так, как шакал Табаки мог бы провожать в последний путь своего покровителя Шерхана.

Между тем в 1987 году формируется новая популяция советской эстрады, по сути ничем не отличающаяся от предыдущей, но молодая, не успевшая разжиреть и полная юношеского задора, желания догнать и перегнать Серафима Туликова и Юрия Антонова по сумме на сберкнижке. Ее в рок-журналах часто обозначают как «Ласковый май», имея в виду не конкретную организацию, а явление в целом.

* Первая панк-группа СССР основана в Ленинграде Андреем Пановым по кличке Свинья.

Это явление теснит рокеров в хит-парадах и особенно в студиях звукозаписи, а бюрократия, у которой в руках по-прежнему все рычаги, не уступает своим старым врагам ни пяди, тем более что никто всерьез и не настаивает на уступках. По-прежнему запрещают концерты за пять минут до начала («Зоопарк» в МАИ, «Телевизор» в ДК имени Горбунова) и целые фестивали (ростовский). По-прежнему телевидение отводит на «молодежные ритмы» передачу «Музыкальный ринг», где рок-музыканты унижаются при всем честном народе, дергаясь под фонограмму и отвечая с почтением на вопросы подсадных идиотов. Кое-что со скрипом появляется в политических передачах, прежде всего во «Взгляде» (не станешь же иллюстрировать трагический репортаж «Девочкой моей»), но качество видео- и звукозаписи советских рок-групп настолько низкое, особенно на фоне зарубежных клипов, что трудно сказать, работает это на рекламу или на дискредитацию. «Мелодия», правда, выпустила несколько дисков на основе старых фонограмм работы подпольных «писателей». Лучше всего их отрецензировал один из тех, кого таким образом осчастливили,— В. Цой: «...Я в газете прочитал, что выходит наш альбом. Я не знаю, почему в нашей стране государственная фирма может выпускать пластинки без разрешения и без всякого ведома автора, оформлять, как они хотят, писать на них что угодно*.

Александр Башлачев

Он покончил с собой в Ленинграде 17 февраля 1988 года. Не хотелось бы углубляться в причины и мотивы того, что случилось, тем более, что смерть его была много раз им самим пропета:

Рука на плече, печать на крыле,
В казарме проблем банный день,
промокла тетрадь.
Я знаю, зачем иду по земле,
Мне будет легко улетать.

Как и те, кто до него уходил рано и добровольно, он был поэт, этим и интересен.

Сразу после похорон в не слишком ясном рассудке я написал в некрологе: «Он ушел именно тогда, когда, казалось бы, распахнуты все двери: пиши, пой, живи». Именно «казалось бы». Только для меня это был речевой оборот, а Саша уже больше года как не писал новых песен и из старого знаменитого «Времени колокольчиков» выбрасывал слово «рок-н-ролл».

Именно Башлачев прожил это рок-н-ролльное время так честно и последовательно, как никто другой. Удивительно спокойный в отношении ко всей той внешней суете, которая окружает творчество, он не был **против** (резкий протест — тоже свидетельство внимания), а скорее **вне**. Выступал не там, где больше заплатят (о ТВ, престижных тусовках, заграничных вояжах и не говорю), а там, где было приятно выступать, где собиралась симпатичная аудитория.

Я с ужасом осознаю, насколько меньше стало таких мест с Сашиным уходом.

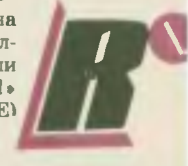
Последнее лето

На Пушкинской площади, у «Известий», происходил один из первых, робкий и жалкий политический митинг. В Лужниках тем временем тысячи крепких парней мощным ревом приветствовали каждую чеканную формулировку новой прокурорской речи Михаила Борзыкина («Телевизор») — «Надо спешить!», где он расставил по местам всех, кого боялась назвать своими именами пресса и митинговые ораторы,— от «гопников» и «Памяти» до седовласого Кузьмича, пребывавшего той весной не на пороге пенсии, а на вершине власти.

Спи, Сталин.
Эта машина всех нас раздавит.
Нет никаких гарантий.
Зверь все еще жив.
Нам надо спешить,
спешить, спешить!

Если бы Миша показал, куда надо спешить, тысячи пошли бы не раздумывая. Так и случилось в Ленинграде, когда накануне VI фестиваля у рок-клуба отняли арендованное помещение Зимнего стадиона,— Борзыкин собрал толпу и повел ее на Смольный. Революционеры прошли полдороги, когда появились представители власти: «Все в порядке! Помещение ваше!»

Вечный смутьян Слава Задерий (НАТЕ)

* Цой В. «Музыка должна охватывать все», «Комсомолец Татарии», 5 ноября 1988 года.

«Москва колбасная» в колхозном клубе», Евгений Морозов («ДК»).

Два поколения: Андрей Макаревич и Константин Кинчев.

прочел со сцены письмо к партконференции. Его приняли, как на казачьем кругу. «Любо ли, атаманы-молодцы?» — «Любо!» На всякий случай заметим, что документ был и серьезнее, и радикальнее подготовленных к конференции речей — он начинался с благодарности Горбачеву за все, что тот сделал, и предлагал, среди прочего, рыночную экономику, отмену сухого закона, полное и немедленное уничтожение «стратегического ядерного оружия, поскольку оно представляет собой средство не самообороны, а самоубийства», и роспуск комсомола, «окончательно исчерпавшего доверие молодежи». Поскольку при отправке этого письма на конверте поставили мой обратный адрес, через некоторое время после окончания конференции я получил бумажку из райкома партии. Меня вежливо поблагодарили за предложения, которые «будут учтены». Что ж, так оно в конечном итоге и получилось.

Только пока Задерий читал манифест, Зимний стадион штурмовали желающие попасть на «Алису» без билетов. Обидевшись на тех, кто их не пускал, «новые рокеры» забрасывали вход в зал камнями, нанося увечья ни в чем не повинным людям. Это были те самые «гопники», от которых мы защищали свой храм. Только вошли они совсем в другие двери.

Летом из разных городов поступают новости: на концертах звезд залы иногда оказываются пустыми. В Москве многие из тех, кто не пропускал ни одного сэйшена и готов был ехать за город на электричке в любую погоду ради встречи с неизвестной группой, теперь не торопятся покупать билеты на известные — «скучно».

«Пустите Дуньку в Европу»

Впрочем, музыкантов и рок-клубовских администраторов эти новости не настораживают, как и то, что «ласковые маи» выходят в хит-парадах на первые места. Они нашли себя — за границей. Оказывается, одна поездка, даже если на концерт придут пять человек, может обернуться выгоднее месяца утомительного общения с толпами «урлы», которая все равно ничего не понимает в настоящем искусстве. Лишь бы найти мецената, который оплатит дорогу.

Однако восстановление связей с метрополией вовсе не оказало на наш рок ожидаемого благотворного воздействия. Во-первых, а начальный период перестройки контакты с Западом были в значительной степени монополизированы. В столице, например, ими ведали рок-лаборатория и центр Стаса Намина.

Славные подпольные времена «Аквариума».

Другая причина печальнее. В страны, где не знают русского языка, наши ребята с их музыкальным и сценическим уровнем приезжали отнюдь не в качестве музыкантов. За немногим исключением они появлялись там в унизительной роли поющих матрешек с этикетками «Мэйд ин перестройка». То же относится и к большей части наших авангардистов разных жанров, профессиональных демократов и прочих завсегдатаев Шереметьева-2, которые по справедливости должны были бы переводить Горбачеву не менее 50 процентов своей валютной выручки. Ложное положение скорее развращает их, нежели образовывает. Можно вспомнить характерную для американской литературы фигуру индейца-забулдыги, который уже оторвался от своей традиционной культуры, но так и не приобщился к культуре «бледнолицых братьев».

Кода

Эпохи, даже героические, часто завершаются фарсом. К счастью, в данном случае этого не произошло, и кода «Времени колокольчиков» — мемориал Александра Башлачева в Лужниках 20 ноября 1988 года — оказалась величественной, достойной самого времени. Все произошло именно так, как и должно было произойти, и каждый честно сыграл свою роль.

Чиновники делали то, что они делали для нас все прошедшие восемь лет, и умудрились-таки наложить на мемориал печать своей навязчивой заботы, вырубив электричество группе «Кино» на последней песне («Почему я всегда оказываюсь крайним?» — с горечью спрашивал Цой.) Охрана так называемого «порядка», представленная в основном комсомольским опер-отрядом, компенсировала недостаток профессионализма хамством и откровенной провокацией, чтобы обеспечить материал на тему «разнузданной молодежи» своим партайгеноссен для очередной публикации. Впрочем, и отсутствие материала не помешало московской молодежной газете живописать «бутылки, порванное нижнее белье и презервативы», якобы раскиданные по залу «неформальными группировками»*. Никаких других слов о шестичасовом концерте с участием «ДДТ», «Кино», «Алисы», «НАТЕ», «Чай-Ф», «Зоопарка», «Телевизора», Ю. Наумова, С. Рыженко, А. Градского, «Аукциона», А. Макаревича у нее не нашлось. И об этом не стоит жалеть. Мы сохранили свою традицию, они — свою. Если бы они нас похвалили, то нарушили бы чистоту жанра.

А потом герои рок-н-ролла отправились на «Интершанс» — выставлять свое искусство на прилавок рядом с продукцией Михаила Муромова...

С амплитудой всего в два года судьбу героев нашей истории повторило демократическое движение в политике. Правда, академик Сахаров не дожил ни до расстрела в Дубоссарах, ни до Гамсахурдиа у власти, ни до программы апартеида в Латвии и Эстонии. Хотелось бы разобраться в той тягостной закономерности, по которой благородное дело самоуничтожается самим фактом своего торжества, а у рыцаря, одолевающего дракона, немедленно вырастают хвост, чешуя и прочее, отнюдь не из рыцарской экипировки.

Здесь нам придется с порога отвергнуть многие расхожие объяснения, как то: «советский рок погубила коммерция». То, что у нас называют «коммерцией», так же похоже на коммерцию, как наш портвейн на славное вино из Порту. Система, уничтожившая рок, не имела ничего общего с западным шоу-бизнесом: плоть от плоти сталинской феодально-крепостнической экономики, она должна рассматриваться в ряду таких явлений, как «плодоовощторг» или «общепит». Тот, кого не убедило в этом прочитанное, может поставить простой эксперимент, посмотрев на видео сначала «All that jazz» Боба Фосса, а затем по выбору — «Как стать звездой», «Наш человек в Сан-Ремо» или любое подобное произведение. Если, конечно, хватит сил досмотреть второй фильм до конца.

Другой миф — советская эстрада победила демократическим путем, поскольку соответствовала уровню развития нашего народа. Забавно, но этот тезис с наибольшим энтузиазмом отстаивают как раз те, кто сделал все возможное, чтобы помочь народу сделать именно такой «выбор». Это напоминает не к столу рассказанный анекдот про пьяного, которого тошнило в переполненном метро: «Я — свинья?! А на себя-то посмотрите!» Безусловно, есть определенный процент населения, который предпочитает потреблять суррогаты. В результате массового алкоголизма и плохой работы медико-генетических консультаций у нас этот процент выше, чем в других странах. И тем не менее в литературе в те же 1987—1990 годы «Космическая проститутка» не истребила начисто ни Искандера, ни Солженицына, ни Стругацких.

Рок уступил «ласковому маю» прежде всего потому, что добровольно отказался от своих природных преимуществ и принял бой на чужой территории, где власть имущие были безусловно на стороне «социально близких» мальчиков, открывающих рот под фонограмму, а не Кинчева или Шевчука. Художнику, расписывающему стену фреской, трудно работать наперегонки с маляром, который закрашивает ее из пульверизатора. «Честная демократическая конкуренция» для рокеров выразилась в том, что их как художников не только приравняли, но поставили в худшее, по сравнению с маляром, положение. Впрочем, их никто не заставлял на такие условия соглашаться.

Важно учитывать и то, что при перестройке рок быстро утратил уникальность положения «заповедника свободы» — началась массовая эмиграция в «чистую» религию, политику, литературу многих деятельных участников рок-движения, причем как раз лучших в интеллектуальном и нравственном отношении. Вакантные места немедленно занимали тусовщики, привлекаемые модой и большими деньгами.

Но все эти объяснения скользят по поверхности явлений. Они слишком лестны для нашего самолюбия, чтобы объяснить нелестную реальность. Мы так и не поняли нашей любимой песни: «Здесь первые на последних похожи» («Наутилус», «Скованные одной цепью»).

Подобно афганским моджахедам, рокеры были непобедимыми партизанами, и они оказались точно так же не способны извлечь из завоеванной свободы ничего доброго ни для себя, ни для окружающих. До тех пор, пока на общество давил один исполинский пресс, ситуация была проста, как диод,— играешь ты на «да» или на «нет», и в той ситуации мы знали, что делать. Многовариантный выбор привел нас в растерянность:

Но если все открыть пути,
Куда идти и с кем идти?
И как теперь найти свой путь?

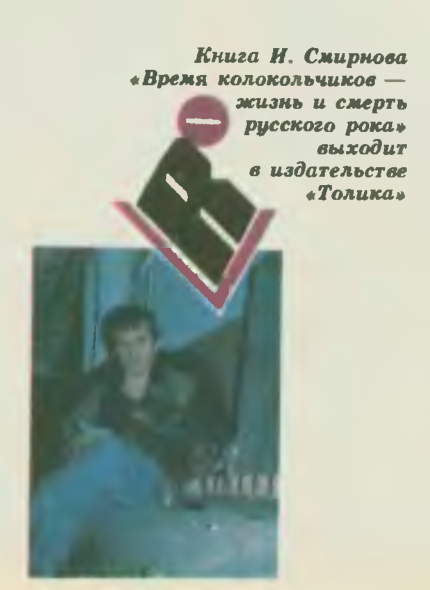
(То, что Макаревич из семидесятых годов разглядел саму возможность такого сюжета, достойно удивления не меньше, чем подводная лодка, предсказанная Жюлем Верном.)

Главный враг оказался не вовне, а внутри каждого. Ведь общество — целостный организм, в котором подпольная часть пусть не так явно, как официальная, но все равно несет на себе отпечаток системы. А то, что мы называем «хомо советикус», в действительности уходит корнями куда глубже 1917 года. Еще античные авторы писали об особенностях психологии, отличающих раба от свободного гражданина — хозяина отцовской земли, наследника славы предков, участника народного собрания в родном и любимом городе. Они же отмечали, что в обществах тотального рабства несимпатичные «рабские» качества свойственны всем: от пролетария до вельмож и интеллектуальной элиты. Поэтому революции рабов ведут к новой диктатуре новых рабовладельцев.

Замкнутый круг не разорвать ленинским усилием мышц. Путь к настоящей свободе труден и долог. Но не безнадежен.

Герои нашей истории сделали на этом пути только самые первые, но, может быть, самые важные шаги.

Книга И. Смирнова «Время колокольчиков — жизнь и смерть русского рока» выходит в издательстве «Толика»

* В. Кравченко. «Хроника происшествий», «Московский комсомолец», 26 ноября 1988 года.

В оформлении статьи использованы фото В. Иванова, К. Пылаева и В. Чанышева.

А. Мещеряков

Читая старые

Покорение пространства и времени

Как-то раз я зашел к своему старинному другу поболтать о том о сем. И всегда я захожу к нему без спроса — «на огонек», а тут оказалось, что это милое слуху выражение приобрело и иной, почти осязаемый смысл: годовые книжки журнала, собранные с 1947 года, занимали изрядную площадь его жилья.

Родился я в пятьдесят первом, и читателю будет, вероятно, понятна овладевшая мной тоска по тем далеким уже временам. Захотелось — без всякой задней мысли — заглянуть в сундук, освежить память. Увы, меня ждал провал. Ибо в журналах этих я не нашел ничего, что было бы дорого сердцу: ни коммуналки, пропахшей щами, ни утренней очереди в туалет, ни своих сбитых вратарских коленок, ни чердака, откуда был виден Гоголевский бульвар.

Зато было то, что прошло мимо меня,— смерть Сталина, планы строительства Пантеона, служебные передвижки никому не известных и нелюбимых функционеров.

Но не только разочарования ждали меня: «Огонек» оказался замечательным историческим первоисточником. Не по событиям, о которых он сообщал,— о большинстве проблем, действительно волновавших людей, журнал молчал. А по тому, как он сообщал то, о чем считал нужным сообщить. Ибо в организации информации была система и логика.

Прочитав «Огоньки» своего друга, я зачастил в Ленинку, к номерам 1923 года — к истокам популярнейшего журнала «для народа».

В последние годы ученых-гуманитариев, занимающихся древностью и средневековьем, увлекает проблема восприятия пространства и времени. Оказалось, что разные общества имеют различные модели пространственно-временных отношений (хронотоп), которые, в свою очередь, отражают важнейшие ценностные установки не только отдельных обществ, но и социальных групп. Поскольку хронотоп — универсальная, свойственная любому человеческому сообществу категория, то он оказался чрезвычайно удобным признаком при сопоставлении культур.

Так, скажем, воинственный Рим представляет собой прекрасный пример конструирования модели агрессивного, бесконечно расширяющегося пространства, а изнеженная хэйанская Япония мыслила пространство сузившимся до пределов столицы и даже императорского дворца, так как вся остальная территория осмыслялась как *недо*пространство, *не*пространство, в котором не могло происходить ничего существенного. Многие общества традиционного уклада ищут идеал в прошедшем «золотом веке» мифа и эпоса, а христиане живут, напряженно ожидая второго пришествия. Хронотоп образует ту питательную среду, которая генерирует лишь определенные поступки людей, оценивает их соответствие идеалу и придает им высший, надбытовой смысл.

Ценность исторического понятия хронотопа заключается, помимо прочего, и в том, что представления о пространстве и времени существуют в подсознании и потому не могут являться предметом намеренной фальсификации. Можно уничтожить свидетелей, подсудимых и их дела, но нельзя уничтожить свидетельства собственного миропонимания, тиражированные в сотнях тысяч экземпляров.

Первые «Огоньки» демонстрируют если и не первоклассный уровень журналистики, то уж, во всяком случае, вполне серьезное внимание к насущным проблемам. Здесь и жилищный кризис, и беспризорные, и безработица. Нет и тени упоения достижениями — реальными или мнимыми. Страна живет напряженным и немного наивным ожиданием прихода мировой революции, а государственные границы доживают последние дни, служа досадным препятствием на пути ко всеобщему братству. Страна Советов не окапывается в страхе на рубежах, утверждая: «Коммунизм сметет все границы!».

И хотя границы все-таки существуют, они легко проницаемы в обе стороны: устраиваются торжественные встречи репатриируемых врангельцев, Нижегородская ярмарка осуществляет «торговую смычку с Европой», журнал с благодарностью пишет о помощи со стороны АРА и столь печально известного впоследствии Джойнта. В 1923 году «Огонек» с удовлетворением констатировал, что выезд за границу очень прост, а также «чрезвычайно усилился въезд в СССР».

Но уже в это время кое-что настораживает, особенно — с высоты нашего исторического опыта. Например, спорадические взрывы метафоры «борьбы» применительно к мирным областям жизни. Я. Сущевский в репортаже «День Троцкого» боевито отмечал: «Военных фронтов нет — это верно. Но есть фронты — промышленный, художественный, алкогольный, вшивый, пуговичный, авиационный, морской, церковный, французский фронт в Коминтерне...»

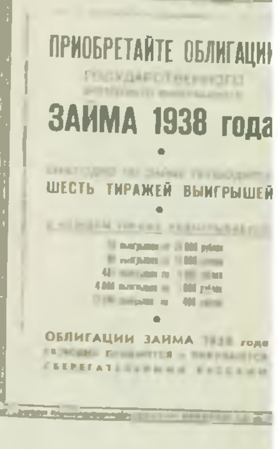
Или вот еще: «Чтобы новое наступление оказалось успешным и последним на столь важном для республики фронте, требуется раньше всего: точно оценить силы врага и наметить стратегические шаги будущего наступления». Автор этих строк, А. С. Курская, наступала не на германца или Деникина, а на неграмотность...

Последствия применения того или иного метафорического ряда более серьезны, чем это может показаться на первый взгляд. Американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что «метафоры могут творить для нас реалии, в особенности социальные реалии. Следовательно, метафора может стать ориентиром для будущего действия. Такие действия будут, конечно, соответствовать метафоре... В этом смысле метафоры могут быть самоисполняющимися пророчествами».

Давняя и всеми забытая статья А. С. Курской полностью подтверждает вывод современных исследователей: по-кавалерийски лихо она продолжает метафору: «Вот, что говорят цифры о силах врага: около половины всего трудового населения (486 на 1000) у нас неграмотно — этим красноречиво определяется величина «неграмотного» фронта (обратите внимание — закавычен не «фронт», а «неграмотность»! — *А. М.*). Женские полчища неграмотных в 2 ½ раза больше мужских».

Что же, вполне естественное продолжение: если есть фронт, то есть и враг. И враг должен быть повержен. Инерция, заданная почти десятилетием войн, поощряла страну жить по-военному и искать врагов.

Социалистический социум ощущал свое существование как борьбу нового со старым. Общество энергично отрекалось от старого мира, давая пространству новые имена. Создавалась новая координатная сетка, призванная служить напоминанием о новой жизни. Советская площадь, площадь Революции, Ленинская слободка, улица Кропоткина, улица Герцена, площадь Свердлова...

Каждая биологическая популяция тем или иным способом метит границы своего обитания, оберегая их от вторжения непрошеных гостей. Теоретическая мысль европейской цивилизации склонна в целом переоценивать специфичность поведения человека по отношению к животному миру. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что очень часто специфическим оказывается форма поведения человека (слово), а не суть этого поведения. Так что само переименование есть действие, вполне вписывающееся в общебиологическую закономерность.

По мысли вождей революции, стратегическая задача состояла в воспитании нового человека (или «новой породы советских людей», как формулировал эту мысль журнал в 1930 году). Этому и должны были послужить новые географические названия, призванные отразить ориентиры новой эпохи.

Переименовывались площади и улицы, горы и города. Прямо утверждалось, что «мы строим в наши дни не только новую историю, но и новую географию СССР».

Создание новых топонимов было призвано обновить пространство, перевести его в новый социальный ста-

Старейший русский борец Иван Поддубный

тус. Новые имена как бы сообщали пространству ту магическую силу, которой обладали для полуфольклорного сознания обитателей страны (не будем забывать — страна-то была крестьянской, и еще в этом веке жили сказители былин) новые социальные и политические реалии, персонифицировавшиеся по законам фольклорного сознания в вождях, их именах. Новые топонимы, таким образом, предохраняли пространство от идеологической и физической порчи.

Первая половина двадцатых — транзит советской истории. Гражданская война, разруха, военный коммунизм, нэп... Время было «резиновое» — оно вместило столько событий, что его нельзя мерить обычным хронометром. О 1916 годе писатель С. Гехт говорил в 1923 году: «Речь идет о временах доисторических (для России, по крайней мере) ...Последний год доисторической эпохи». Люди ощущали себя участниками яростного движения истории. То было время людей действия. Только они имели шанс быть услышанными. Тип самоуглубленной личности окружался презрением. Н. А. Семашко вспоминал: «Некоторые большевики... говорили как-то мне, что меньшевики и большевики различаются по темпераменту... Рефлексия (в худшем случае трусость) лежит в основе меньшевика как психологического типа. Боевой темперамент — основа психологии большевика». Смена типа героя вполне осознавалась руководителями средств массовой информации. Заведующий Государственным издательством О. Ю. Шмидт отмечал: «У читателя новые потребности во всех областях. Для занимательного чтения ему нужны не нудные психологические романы, основанные на настроении, а полные действия рассказы...» Такие всплески исторической энергии не проходят даром и сменяются (рано или поздно) спячкой, отчуждением.

Каждая победоносная революция чрезвычайно быстро сталкивается с тем, что большая часть населения отнюдь не желает расставаться со своими вредными привычками, привязанностями и укладом. В двадцатые годы это противоречие приняло форму безудержного культа молодости и официального воспитания ненависти по отношению к старости. Этнограф профессор В. Тан-Богораз с темпераментом, отнюдь не приличествующим ученому, без обиняков утверждал: «Россия — не для старых. Старым уже нечего учиться, Россия — для молодых».

Созидательный труд означал не продолжение дела, начатого отцами, а похороны старого мира. Как всегда был непреклонен В. Маяковский: «Здравствуй — и прощай седая бабушка. Уходи с пути! Скорее! Ну-ка! Умирай, старуха, спекулянтка, набожка! Мы идем — ватага юных внуков!»

Опыт тренировки бегуна с [illegible] Бегун — студент института Н[illegible]олай П[illegible]номарев. Пр[illegible]водит [illegible] преподаватель института А. Л. Фруктов

Можно, конечно, обвинять поэтов, писателей и ученых в забвении и попрании гуманистических заповедей. И упрек этот в отношении каждого из них в отдельности будет, безусловно, справедлив. Не будем забывать, однако, что они были выразителями настроений достаточно широких слоев населения, стремительно вовлеченных в силовое поле истории. Оторванные политикой от сохи или станка (к которому большинство из них также пришло от сохи и притом совсем недавно), эти люди, с одной стороны, были связаны с деревней воспитанием и мощным пластом крестьянского сознания, а с другой — были отлучены от привычного уклада ходом истории. В условиях длительной войны, голода, болезней, отчаянной борьбы за выживание тонкий покров объединяющей идеи христианства был сдернут...

Обращали ли вы внимание, сколь кровавы и жестоки истинно народные сказки? Современное общество предпочитает скрывать их от детей, предлагая им окультуренные варианты в переложении братьев Гримм и Шарля Перро. Сказки, записанные Афанасьевым,— не для современных детей. И отнюдь не случайно, что фашистская Германия вспомнила свой эпос, а Япония — миф. Разделываясь со стариками и старухами, Маяковский и Тан-Богораз обращались (бессознательно, разумеется) к жестокости и беспощадности сказочно-фольклорного сознания, которое дает право на жизнь юности, отрицая немощь и дряхлость. Стариков обличали в их неспособности вписаться в новые реалии, и под «стариками» понимался не только возраст, но и приверженность к ценностям «старого мира». Понятия «старый», «традиционный» теряют привлекательность, ассоциируясь с «отжившим».

Еще не прозвучал призыв к прямому доносительству, еще не вырос Павлик Морозов. Но его уже растят. В 1930 году «Огонек» поместит фото пионеров, держащих плакат: «Пионеры, бейте тревогу, ваши родители молятся богу».

Подпись редакции: «Маленькие безбожники против верующих отцов».

Было бы опрометчиво взваливать все проблемы исключительно на революционные «перегибы». В русской культуре всегда существовал чрезвычайно живучий микроб насилия и беспамятства, который при благоприятных обстоятельствах позволял этой культуре отрицать саму себя.

Вот мы отпраздновали тысячелетие крещения Руси. Вспомним же Владимира, при котором языческих идолов побросали в Днепр. Или же Великий Брадобрей — Петр I, решивший, что для европеизации Руси совершенно необходимо извести бороды и кафтан. Я не говорю уже про старообрядцев.

Насильственные перемены «сверху» и высокомерие по отношению к традиционному укладу и его носителям — вот что объединяет эти реформаторские движения. Народ же предстает в идеях таких реформаторов, как малый неразумный ребенок, не ведающий своей выгоды. Оттого-то христианство на Руси всегда было достаточно поверхностно, а европейские одежды отнюдь не смогли обеспечить благоденствия.

Официальные представления о пространстве и времени в двадцатых годах еще не успели сложиться в последовательную систему. Ее формирование относится к тридцатым годам. К концу сороковых она принимает почти карикатурный вид. В своих основных параметрах эта система работала на протяжении приблизительно четверти века, стала распадаться со второй половины пятидесятых годов, но отдельные ценностные установки дожили и до сегодняшнего дня.

Ее становление впрямую связано с усилением культа Сталина и внеэкономических методов принуждения. Социум и экономика в таких условиях могли существовать только при военизации всех социально-экономических отношений. Сам Сталин на февральско-мартовском Пленуме ВКП(б) 1937 года откровенно провозгласил партию «орденом меченосцев», соотнеся ее иерархию с армейской: в партии 3—4 тысячи руководителей (генералитет), 30—40 тысяч руководителей среднего звена (офицерство) и 100—150 тысяч низовых работников районного звена (унтер-офицерство). Остальному населению страны предназначалась роль рядовых.

Самая обычная работа крестьянина превращается для колхозников в грандиозное мероприятие: «Организацией массовых колхозных маневров колхозы доказали свою полную готовность к весеннему севу». Созидательная сторона человеческой деятельности перерастает в свою противоположность и характеризуется как военный подвиг в сражении с неприятелем: «На прополку ходили словно в атаку против сорняков. Уборка, молотьба в настоящее сражение вылились».

Вместе с разорением деревни, голодом, началом крупномасштабных репрессий мирного времени наступает ухудшение жизни, компенсируемое нарастающим потоком лжи. Помните этот старый анекдот? «Чтобы заполнить ваш холодильник продуктами, подключите его к радиоточке».

Холодильников тогда, конечно, не было. Была пятилетка в четыре года и план экспортировать «тряпки, кости, конский волос, перо, тыквенные семечки и пр.», которые «дадут нам в будущем миллионы рублей». Но планы эти — лишь курьезная деталь. «Средства информации» (сколь ни издевательски звучит этот термин применительно к этому времени), включая «Огонек», со дня основания возглавляемый М. Кольцовым, были озабочены совсем другим. Полностью утратив остатки независимости (тоже, впрочем, довольно призрачной), они превратились в рупор партийно-бюрократического аппарата. Метафора борьбы приобретает законченную форму: усиливается подозрительность,

появляются бесчисленные враги (внутренние и внешние), подлежащие уничтожению.

Пространственная модель перестает быть открытой и приобретает жесткость фольклорной схемы. Ее можно представить себе как центр, опоясанный рядом концентрических окружностей, каждая из которых обладает определенной степенью сакральности, убывающей по мере удаления от центра. Центр — это Кремль, расположенный в сердце столицы, далее располагается остальная часть терри-

тории Советского Союза, а на самой периферии, за краем ойкумены,— заграничье.

Сакральность Центра определяется двумя обстоятельствами: тем, что Москва — столица единственного в мире социалистического государства, и тем, что там постоянно находится «вождь всех времен и народов». Как почти всякий властитель древности, Сталин наделен солярными эпитетами и способностями, которыми может обладать только Бог. Он — и владелец верхнего мира («Лётом солнечным, орлиным вождь указывает нам путь» — М. Рыльский), ему же принадлежит прерогатива и на общение с миром предков («Наш Сталин, когда намечает пути / Для новых путей и побед, / Как в грозные дни наступлений былых, / Он с Лениным держит совет». — Л. Ошанин). Людовик XIV сказал: «Государство — это я». Сталин мог бы заявить: «Вселенная — это я», и, думается, такое утверждение было бы воспринято с должным энтузиазмом — слишком много людей было готово к этому. Абсолютистская форма правления нашла в России чрезвычайно долговременную основу, и даже большевики, с такой решительностью разделавшиеся с царизмом, оказались невольными пленниками этой идеи.

В декларациях авторов «Огонька» Сталин предстает как благодетель, с именем которого связываются все действительные и мнимые достижения: строительство заводов, сбор урожая, победа в войне, составление законов. В образе вождя прозрачно проглядывает мифологический «культурный герой», научающий людей сеять и жать, дающий им огонь (Прометей) и железо (Гефест).

Для создания сакрального образа Сталина особенно активно эксплуатировались возможности нерусскоязычных поэтов, еще не выпавших окончательно из мифа фольклорной образности. Перечислю «божественные» определения Сталина, встречающиеся всего лишь в пяти песнях азербайджанских ашугов: маяк, светоносный, согревающий, путеводитель, мудрый, сокрушающий, могучий, садовник, возрождающий, стальной, испепеляющий, приносящий радость, избавитель от гнета, бушующий, как прибой, направляющий, вдохнувший жизнь, совесть народов, знающий дорогу, орел, зоркий, не знающий усталости. Нетрудно заметить, что подавляющее большинство эпитетов взято из традиционного фольклорного репертуара и может быть применено к любому эпическому герою.

В исследованиях по мифологии приписывание свойств и деяний различных божеств одному определяется термином «циклизация». И разве не тот же самый процесс мы наблюдаем в случае со Сталиным?

Триада Сталин — Кремль — Москва нерасторжима, образует мощный источник светоносной энергии.

Москва — это Ленин,
Москва — это Сталин,
Кремлевские звезды —
всемирный маяк.

(С. Алымов)

Активное эксплуатирование мифологемы Москвы привело к далеко идущим социальным последствиям: была выработана «столично-центристская» модель управления и распределения, которая сохраняется и сегодня. Итогом ее явилось колоссальное сосредоточение власти, материальных благ, культуры и информации при открытой дискриминации периферии.

Отношение периферии к центру моделировалось по типу жертвоприношения, совершаемого коллективно:

Москве свои песни, любовь и заботы
Приносит советский народ,
Там — партии воля, там сердце народа,
Там Сталин великий живет.

(В. Лебедев-Кумач)

Народ почитает Центр, а Центр, постоянно питаемый первичной грубой энергией, взамен этого вырабатывает высокий духовный свет. Каждый занят своим делом. Примерно так же обстояло и во вполне земных делах: государство («Москва») присваивало максимально возможную долю производимого продукта, а затем преподносило его народу в виде

Николай ОЗЕРОВ, многократный чемпион СССР по теннису

Это самый молодой из заслуженных мастеров спорта и тем не менее вполне заслуженный. Мало того, что он за сравнительно недолгую спортивную деятельность не менее трех десятков раз выигрывал чемпионские звания во всех разрядах, он положил начало агрессивного стиля в [illegible]

«бесплатного» здравоохранения, образования и иных удовольствий, за которые его следовало усердно благодарить. «Всякий сам ему приносит и спасибо говорит». Так поэзия смыкалась с прозой, образуя замкнутый цикл самовоспроизводства.

В силу магических свойств вождя и социального строя, который он олицетворяет, территория страны надежно защищена от вторжения злых сил. Вы не встретите в газетах и журналах тех лет сообщении о социальных конфликтах, наводнениях или голоде. И хотя темные силы продолжают строить злокозненные замыслы, их планы всегда бывают победоносно сорваны. Само существование врагов является гарантом стабильности системы — без них ее военизация потеряла бы оправдание. Разгром же врагов — сродни поимке преступников в детективе. Торжество добра предопределено, а идеологическая роль бандитов сводится к подтверждению непревзойденных качеств сыщика. Это касается и мирового империализма, и внутренних «врагов народа». Враги — это выродки, принадлежащие к иной породе, рожденной другим, темным пространством и другим, прошлым временем. Поэтому-то им и не дает покоя чудесная самость, заключенная в границах СССР. Если же самости не противостоять, а подчиниться ей, то уже само нахождение в СССР будет служить гарантией процветания: «Дивен воздух советской земли! Он делает человека во много раз сильней, решительней, пытливей, упорней. Всего может добиться человек на этой земле».

Главное же обязательство человека по отношению к земле состоит прежде всего в покорении ее, ибо окончательно окультуренным на ней является только Центр. Метафора борьбы в полной мере была распространена и на окружающую среду.

Мы, как и наши предки, воспитаны необъятными просторами. Подробная проработка пространства, его детальное обустроение — не в нашем характере. Легшая в такую благодатную почву метафора глобального противостояния человека и природы принесла катастрофический урожай.

А ведь как бодро и убедительно пели «Веселые ребята»:

Шагай вперед, комсомольское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки цвели!
Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли.

Человек, отказавшийся от прошлого «ради светлого будущего», на самом деле не может и не хочет это будущее себе представить в сколько-нибудь четких линиях — свет его слепит. Дети его, презирающие «старье», думают только о сиюминутной пользе и удовольствии: здесь и сейчас.

Такой «силовой подход» к природе не может, разумеется, остаться безнаказанным — материя сопротивляется.

И ее обвиняют: «Да, великий поход против жестокой природы, возвещенный обнародованным в 1948 году эпическим планом закладки лесозащитных полос и развертывания грандиозных работ в области ирригации и всенародных агромероприятий, будет завершен победой над засухой, над коварными, опустошительными планами природы».

С содроганием читаешь сегодня такие строки: «Нам стоит только приналечь / по-большевистски, дружно, / и мы заставим Волгу течь / туда, куда нам нужно» (Н. Васильев).

Одной из основных задач Центра было освоение цивилизация огромной периферии. Для характеристики этой территории и обитающих там народов стандартным становится использование схемы «прежде и теперь». «Отсталой окраиной царской России была в прошлом Башкирия» (обратим внимание на это двойное отрицание: не время и не пространство — окраина, хотя географически причислить Башкирию к окраине довольно трудно — *А. М.*). Однако «под руководством партии Ленина — Сталина, при помощи русского народа Башкирия превратилась в индустриальную республику...»

«Прежнее» пространство характеризуется как незаполненная пустота, как своего рода ноль. После постройки завода старого рабочего спросили: «А что здесь было раньше? До советской власти?» И тот отвечает предельно кратко и ясно: «Ничего». Но вместе с наступлением истинного времени пустыни превращаются в цветущие сады, а общим свойством жизни становится «чудодейственная

У МАТЕРИ ПАВЛИКА МОРОЗОВА

Пятнадцать лет назад, 3 сентября [illegible] года, в селе Герасимовке, на Урале, враги народа убили героя-пионера Павлика Морозова. Павлик бесстрашно разоблачал кулаков, мешавших организации колхоза. В этом году в Москве по решению советского правительства Павлику Морозову будет воздвигнут памятник.

Мать героя-пионера Татьяна Семеновна Морозова живет сейчас в Крыму, в Алупке. Советское правительство назначило ей пожизненную персональную пенсию.

На снимке: Т. С. Морозова и автор повести для детей «Павлик Морозов» Виталий Губарев.

Фото В. Тюккеля.

быстрота» преобразований, которые нужны для приближения будущего. Советские люди обладают пророческим даром предвидения — они «ясно видят будущее». Инструментом же приближения будущего стал труд.

Задача по окультуриванию пространства решалась как практически — новыми стройками, так и символически. Одним из способов цивилизации пространства была организация различного рода пробегов, лишенных какого бы то ни было практического смысла. Здесь и «героические лыжные переходы» Нерчинск — Москва, Улан-Удэ — Москва, и заплыв курсантов школы береговой обороны Черноморского флота, толкающих перед собой плотик с портретами Сталина и Ворошилова, и серия перелетов: Москва — Комсомольск-на-Амуре, Москва — Северная Америка и т. д.

Общественный резонанс, вызванный этими событиями, был огромен. И дело не только в том, что страна следила за рождением новых героев, забывая или не замечая, что творится под самым носом. Посредством этих переходов, заплывов, забегов, перелетов пространство переставало быть диким — происходило его заселение людьми и одомашнивание. Так древние цари совершали символический обход своей земли, подтверждая ее принадлежность к собственным владениям.

Социальный и экономический прогресс стойко ассоциируется с продвижением по дороге. Метафора же пути является одним из основных элементов, присущих фольклорному осмыслению мира. Поскольку дорога разделяет и одновременно связует разные миры, то прохождение ее всегда связано с угрозой нападения злых духов из «того» мира, то есть с повышенной опасностью путешествия. «Спору нет, не бывает борьбы без жертв. И кому-кому, как не советским людям, знать это: они первые прокладывают человечеству пути — нехоженые, непроторенные, никому доселе неведомые».

— Я отказываюсь от твоего наследства, Ральф,— сказал Бенни

Итак, территория, подвластная Сталину, обладала совершенно особыми благодатными свойствами: «Смейся и веселись! Мы занимаем с тобой, сынок, самую светлую часть земли» (С. Васильев).

«Светлой» части земли противостоит «темная», которая начинается сразу за пограничной заставой. Это — настоящая окраина, периферия, не-земля. И если светлая часть заселена людьми в полном смысле слова, то «люди» зарубежья (не все, разумеется, а только «реакционеры», число которых в реальности свободно варьировалось в зависимости от конъюнктуры) моделируются по сказочной схеме, описывающей существ, не принадлежащих к данному роду или социуму, как недочеловеков со звериными чертами. Это не люди, а волки, псы, шавки, крысы, куницы, лисы, гидры, спруты, стервятники, гады, вороны и т. д. Естественно, что эти зооморфные существа лишены одного из главных родовых признаков человека — речи. Они не говорят, а «воют», «тявкают», «шипят» и «каркают». Как тут не вспомнить этимологию слова «немец» (восходящую к «немой»), передающую фольклорное восприятие иностранца, как не умеющего говорить.

А если «там» поют песни, то они лишены энтузиазма и бодрости, и даже цветы напоминают только о смерти: «Я песни там слышал — они поневоле унылы, я видел цветы — их там любят носить на могилы» (Н. Грибачев).

Мотив защиты границ от всякого рода нечисти (мод, болезней, музыки, фильмов и т. д., всего не перечислишь) — один из основных в пространственной модели того времени. Граница должна быть на замке и проницаема только в одном направлении — из СССР (здесь я имею в виду метафизический аспект, а не практическую возможность передвижения людей). Государственная граница отделяет день от ночи, благоденствие от нищеты. «По нашу сторону — Молдавская автономная республика, где крестьяне успешно коллективизируются, по другую сторону — небывалая нищета бессарабского крестьянства» (обратим внимание, что сравниваются категории несопоставимые — так «коллективизация» становится синонимом «благосостояния»).

В фольклоре присоединение, собирание воедино означает жизнь, а отсоединение символизирует смерть. Характеристика вошедших в состав СССР территорий происходит согласно именно этой парадигме. Вслед за описанием «агонизирующей» Риги, «оторванной от великой Советской страны», «Огонек» 1947 года утверждал, что теперь «вы не увидите ни одного омертвевшего завода или фабрики. Все ожило! Нет, не только ожило, все поднялось ввысь, раздалось вширь, все расцвело, наполнилось новыми жизненными соками».

Внутри страны и в странах народной демократии триада времени (прошлое — настоящее — будущее) выявлена полностью, в то время как время капиталистического зарубежья лишено последней составляющей — оно одряхлело и будущего лишено: «В странах капитализма каждый день — убийца какой-нибудь мечты».

Выпускать свет и задерживать тьму — только при выполнении пограничной мембраной этого условия возможно осуществление исторической миссии по окультуриванию хаоса, своего рода магическое оплодотворение, в результате которого обновляется земля. В условиях послевоенного антикосмополитического угара и культа псевдорусского эти идеи находят поистине сказочное отражение на страницах «Огонька»: «Где при немцах был центр Кенигсберга, там теперь мертвый город... Центр Калининграда естественно складывается вокруг наших областных учреждений — обкома партии, облисполкома, горсовета. Центральная площадь названа именем Трех маршалов. От нее расходятся или к ней примыкают Сталинградский проспект, проспект Победы, улица Карла Маркса, Советский проспект... Я много ездил и ходил по этим улицам. И всюду уже был стойкий ясный дух русских...»

ХОСЕ МАНСИСИДОР

Итак, обозрев пространство, освещаемое «Огоньком», читатель может сделать вывод о фольклорном смысле этой категории. Собственно говоря, официальная идеология стремилась произвести именно такое впечатление: всеми силами она пыталась обосновать «народность» предлагаемых социальных ориентиров, для чего активно использовались подходящие к данному моменту идеи из привычного словаря народной образности. Однако это вовсе не означает, что фольклорным было мировидение в целом. Будучи включены в общую систему ценностей, представления о пространстве могут быть охарактеризованы только как псевдофольклорные.

В самом деле, носителем «настоящего» фольклорного мировидения является прежде всего народ. Но, начиная с тридцатых годов, в нашей стране происходил процесс насаждения «народной» культуры в народ.

С упадком интеллектуального уровня руководства попытки разговаривать с «народом» на несуществующем народном языке приняли более жесткий и определенный характер. Но понижение образовательного ценза отнюдь не гарантирует приближения к народу, а главным условием существования фольклора является его самовырабатываемость внутри коллектива. «Фольклор», навязываемый сверху и распространяемый журналистами, фольклором быть не может. Он может быть только пародией на фольклор. Настоящий же фольклор тех лет — анекдот и частушка — подвергался упорным, но безуспешным гонениям.

Внутренний смысл целостного фольклорного мировидения заключается прежде всего в обеспечении стабильности коллектива и его жизненного уклада. Всякое общество, безусловно, развивается, но «традиционное общество» изменяется вопреки собственным ценностным ориентирам, всегда находящимся сзади. Инерция покоя, запрограммированная в описанной выше модели пространства, безусловно, вступала в острейшее противоречие с провозглашенными целями по созданию нового, стремительного развития.

Зритель слышит канонаду тысяч орудий — это под сценой работает шумовая бригада, создающая иллюзию артиллерийской стрельбы. Руководит бригадой В. Попов. Он заслуженный артист РСФСР, около 40 лет играет на сцене. Но театралы знают еще в нем мастера звукового оформления спектаклей. Серия барабанов, в которые бьют участники шумовой бригады, создает впечатление далекой артиллерийской стрельбы.

Фольклорные же представления о времени характеризуются прежде всего цикличностью, повторяемостью, бесконечным круговоротом времен года, воспроизведением: настоя-

щим — прошлого, будущим — настоящего. Такая модель времени принята, конечно, быть не могла.

Наиболее мощным носителем линейной концепции времени было, разумеется, христианство, и в двадцатые годы можно говорить о следовании христианской парадигме времени, когда ценность настоящего определяется тем, что оно является следствием сакрализуемых событий Начала и, одновременно, предуготовлением к жизни иной (революция и построение коммунизма). В период сталинской диктатуры акцент переносится на настоящее. Нет, история революции («17-й год пролетарской революции») и ее будущее не отменяются, но они отходят на второй план под прессингом настоящего. Современность начинают называть «сталинской эпохой». Это не был термин, придуманный для краткости («при Хрущеве», «при Брежневе»). Нет, словоупотребление это отражало действительно главное содержание времени, как оно трактовалось официальной идеологией. Сталин, таким образом, представал не только как «хозяин пространства», но и как «хозяин времени», что свойственно для всех царей древности.

Время, объявленное сталинским, плохим быть не могло. Не могло оно быть и просто «хорошим». Оно обязано было быть лучшим — определение освящало определяемое. «Это сталинский век! Небывалый расцвет. Он пришел — золотой справедливости час» (С. Вургун).

Все официальные характеристики официального времени однозначно свидетельствовали в пользу наступления «золотого века», который не имеет аналогов. И это уже было совсем не по-фольклорному и не по-христиански. Каждый новый год приказным порядком объявлялся лучшим, чем предыдущий.

Любая временная модель представляет собой сочетание линейных и циклических элементов. Линейная перспектива представляла собой поступательное движение от нуля к сияющим высотам. Что же касается циклического времени, то естественный, принятый еще доисторическим человеком счет по годам, был дополнен и в значительной степени вытеснен пятилетними циклами. Введение такой единицы измерения было не просто техническим актом. Оно означало введение нового жизненного ритма. Даже к потомкам обращались как к «людям будущих пятилетий».

Пропагандистская машина нацеливала не столько на то, чтобы идти в ногу со временем, сколько на его опережение. Горизонты будущего, однако, определялись исключительно начальством. Перевыполнение плана — вот что определяло пафос общественного производства и жизни.

Будущее предстает как запланированная, полностью управляемая реальность: «Так сказал Сталин. Значит, так будет».

Сегодня мы стали свидетелями активных процессов разрушения системы пространственно-временных координат, сформировавшихся при Сталине. Пространство перестает быть моноцентричным. Наконец-то оно предстает как качественно неоднородный континуум, каждая точка которого обладает спецификой, заключенной не в ее словесной произвольной оценке, а в ней самой. В своих бедах мы больше обвиняем себя, а не других. Мы больше задумываемся над связью поколений и отдаем себе отчет, что естество не прощает насилия над собой. Трезвее мы смотрим на прошлое и, кажется, понимаем, что заставлять реки течь вспять — безумие.

Но многому мы еще не научились. Заграничье по-прежнему остается для нас пространством особым (хотя и приобретшим для очень многих исключительно положительные коннотации), вновь мы пытаемся отречься от собственной истории и переименовать улицы. А недавно раздался даже призыв перечеканить фронтовые награды с изображением Сталина...

Играя белыми или черными, ты все равно играешь в шахматы. Надобно же менять не цвет фигур, а игру или, по крайней мере, правила этой игры. Все-таки пора отказаться от очень архаического убеждения, что посредством определенных ритуальных манипуляций возможно установить контроль над прошлым. Наше сознание еще не освободилось от негодных ориентиров, а с ними мы рискуем попасть совсем не туда, куда намечаем. Они еще находятся в подсознании, и потому так трудно идет их преодоление. Преодолеть же можно только видимое, и работа мозга нации заключается, в частности, в переведении бессознательного в осознанное. Без создания нового семиотического поля (а это означает одновременное разрушение старого) дело наших жизней обернется пустоделием. «В начале было Слово...» Ему же принадлежит и будущее. А каким это Слово будет, зависит от нас самих.

Статья оформлена фотографиями и рисунками из журнала «Огонек» за 1947 год.

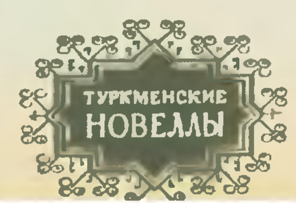

Рисунок Е. Силиной

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

Лестер дель Рей

Тайная миссия

Как же мало они понимали в лечении болезней, хотя и трудились не покладая рук! В сознании Гейнса сложилась полная картина развития медицины со всеми ее поразительными взлетами и падениями, и он видел, что даже его случай неподвластен здешним медикам. И это новое его открытие, так же как неожиданное обретение им речи, оставалось для него загадкой. Оно вломилось в его мозг, как бы преодолев колоссальное сопротивление, и обескураживающее чувство поражения сопутствовало этому приобретению. И как ни странно, к онкологическим проблемам его открытие не имело никакого отношения, оно касалось только методов терапии.

Напрашивалось одно объяснение, но оно было настолько фантастичным, что трудно было в него поверить. Предположим, что эти двое — шофер и врач — были телепатами, но не из тех, кто, глядя в глаза другому, крадут его мысли. Нет, это было что-то гораздо более сложное и необъяснимое, нежели простое пробуждение каких-то заклинившихся разделов памяти, вызванное появлением этих двоих.

Он остановился за углом, изнемогая от напрасных попыток что-то понять, тупо раздумывая над свалившейся на него проблемой.

— Пожалте, «Тайм» и «Ньюс», «Скуп» и «Джорнел»! Читайте о громаднейшем крушении на железке! Газету, мистер?

Гейнс в ответ хмуро отвернулся.

— Не надо.

— В ванне утопили балидинку! — приставал мальчуган со своими новостями.— Есть и про ракету на Марс.

Ну должна же быть у этого человека своя ахиллесова пята!

Но смысл жаргонных словечек разносчика газет едва доходил до Гейнса. Он уже направился к переходу через улицу, потирая руками виски, когда почувствовал все тот же импульс, заставивший его броситься назад, к мальчишке-газетчику. Он нащупал какую-то мелочь у себя в кармане, бросил монету на стопку газет, избегая прикосновения руки мальчугана, и схватил газету «Скуп».

— Чокнутый,— громко резюмировал паренек и сунул монету в карман.

На первой полосе газеты снимка не было, и Гейнс не без труда обнаружил статью. «Ракета на Марс отправляется в среду!» —

* *Окончание.* Начало — в № 7.

гласил заголовок, набранный мелким шрифтом, а дальше шла статья на три четверти колонки. «Первый полет на Марс состоится в назначенное время»,— заявил сегодня журналистам Джеймс Оглсорп. Крупного финансиста не отпугивает скептицизм ученых, и он готов осуществить свои планы. Он полагает, что его люди стартуют на Марс 8 июня, как и было задумано. Строительство ракеты совершенно, ее двигатели проходят последние испытания».

Гейнс еще раз внимательно проглядел газетную полосу. Автор явно держал язык за зубами, но из намеков и из пустых как будто слов Гейнс почерпнул необходимую ему информацию. Ракета дееспособна, человек вышел наконец на путь завоевания иных планет. Никаких упоминаний о других подобных ракетах статья не содержала. Однако вполне возможно, что попытки превзойти Оглсорпа в создании подобной ракеты где-то втайне и предпринимались.

Но не это важно! Важно не допустить полета! Самое главное — человек не должен лететь на Марс! Гейнс не знал, в чем смысл этого его решения, с точки зрения здравого смысла оно никуда не годилось. Он воспринимал это как свой долг: не допустить полета на Марс — это долг, и все тут!

Он быстро вернулся к разносчику газет и уже протянул руку, чтобы тронуть его за плечо, но тут же отдернул ее — никаких прикосновений! Казалось, мальчик почувствовал его присутствие и быстро повернулся.

— Газетку?..— радостно произнес он, но узнал незнакомца.— А, это вы! Чего вам?

— Как мне попасть на поезд в Нью-Йорк? — Он достал двадцать пять центов и кинул их на газеты.

Мальчик весело посмотрел на него.

— Протопаете четыре квартала, свернете направо, топайте дальше, пока не упретесь в здание вокзала. Не заплутаете. Спасибо, мистер.

Открытие телефонной книги как источника информации стало величайшим триумфом Гейнса, хотя первый Оглсорп, к которому он пришел по указанному адресу, и оказался чернокожим дворником. Он продолжал свой путь по городу, рассматривая ничего не говорящие ему числа на домах. Видимо, их расположили по закону арифметической прогрессии, не принимая в расчет расположения улиц.

Он сгорбился, его лицо было искажено от боли, брови сведены в одну линию. Несколько минут его бил кашель, буквально разрывая на части легкие, потом он прошел. Такого с ним еще никогда не бывало. Вот и на сердце стало давить — тоже впервые. Со всех сторон его обступили и душили запахи человека, бензина, табака — тяжкая смесь, от которой некуда было укрыться. Он поглубже засунул руки в карманы, чтобы, не дай бог, не коснуться кого-нибудь, и, увидев на доме напротив номер, который он искал, пересек улицу.

Какой-то человек вошел в лифт, и Гейнс последовал за ним, с облегчением подумав, что ему не придется подниматься по лестнице.

— Оглсорп? — спросил он у лифтера.

— Четвертый этаж, комната 405,— ответил бой и открыл перед ним дверь лифта. Гейнс вышел и вскоре оказался в приемной, отделанной хромом.

— Вас ждут, сэр? — преградила ему путь девица, глядя на него снизу вверх. Ее лицо носило следы глубокого уныния, этим, быть может, и объяснялся резкий тон обращения к нему. Совсем как Гораций к тени отца Гамлета: — Мистер Оглсорп занят!

— Я приглашен на завтрак,— вежливо ответил Гейнс. Он уже заметил, что о еде люди говорят охотнее всего.

— Тут нет ничего о приглашении на завтрак сегодня, мистер...

— Гейнс. Доктор Лертон Гейнс.

Он ухмыльнулся, помахивая как бы в задумчивости двадцатидолларовой банкнотой. Очевидно, к болезни под названием «деньги» иммунитета здесь никто не имел. Она бросила взгляд на банкноту, и в голосе ее появилось сомнение, когда она снова занялась рассматриванием своего блокнота.

— Да, конечно, мистер Оглсорп мог пригласить вас раньше и не предупредить меня об этом,— она заметила, как незнакомец слегка наклонил голову и положил деньги на краешек стола.— Присядьте, пожалуйста, я сейчас скажу мистеру Оглсорпу.

Из кабинета она вышла очень скоро и мельком подмигнула посетителю.

— Он забыл,— сказала она Гейнсу,— но все улажено, он сейчас выйдет, мистер Гейнс. Вам повезло — он сегодня завтракает позднее.

Джеймс Оглсорп оказался гораздо моложе, чем предполагал Гейнс, хотя, возможно, именно этим и объяснялся его интерес к ракетам. Он вышел из кабинета, нахлобучивая шляпу на кудрявую черноволосую голову, и ощупал взглядом незнакомца.

— Доктор Гейнс? — спросил он, протягивая крупную руку.— Оказывается, у нас с вами деловая встреча во время ленча.

Гейнс быстро поднялся и поклонился, избегая рукопожатия. По-видимому, Оглсорп не заметил этой неловкости, во всяком случае он продолжал как ни в чем не бывало:

— Знаете ли, эти телефонные договоренности легко забываются. Вы специалист по раковым заболеваниям, не так ли? С месяц назад один из ваших друзей был здесь, хлопотал о содействии.

Пока они спускались в лифте, Гейнс молчал, ждал, когда они спустятся в буфет, находившийся в этом же здании.

— На этот раз я не ищу финансовой поддержки. Я хочу говорить с вами о ракете, в которую вы вложили свой капитал. Она, кажется, уже готова к полету?

— Да. Хотя вы — один из немногих, кто верит в эту возможность,— на лице Оглсорпа поочередно сменялись выражения то сомнения, то подозрительности, а в конечном счете — заинтересованности. Прежде чем снова обратиться к Гейнсу, он заказал еду.— Уж не хотите ли и вы полететь? В команде еще есть вакантное место врача.

— Нет, я не о том... Пожалуйста, только гренку и молока.

Гейнс понятия не имел, как подойти к интересующему его вопросу, как конкретно обосновать свою идею. Тяжелая челюсть и бульдожий облик собеседника не внушали надежды на взаимопонимание, и он готов был оставить свое намерение, но опять это побуждение заставляло его продолжить начатое. И он мобилизовал все свое воображение, сам сомневаясь в истинности того, что собирался сказать.

— Мистер Оглсорп, не ваша, другая ракета уже проделала этот путь и вернулась назад, на Землю. Но еще до приземления пилот умер. Я могу показать вам разбитую машину, хотя огонь уничтожил почти все; возможно, в том, что осталось, вы и не сумеете опознать ракету. Там, на Марсе, есть нечто, с чем человеку нельзя сталкиваться. Это...

— Привидения? — грубо прервал его Оглсорп.

— Нет. Смерть! Умоляю вас...

— Нет,— снова прервал его Оглсорп.— Вчера зашел ко мне один тип, уговаривал пойти с ним посмотреть блоки его корабля, утверждал, что был на Марсе. А сегодня я получил письмо, автор которого сообщает, что его навестили марсиане и чем только не угрожали! Я не считаю вас лжецом, доктор Гейнс, но я по горло сыт этими россказнями; ваш осведомитель был либо кретином, либо паникером. Могу показать вам кучу писем, и все — о том, почему следует отменить этот полет. Тут и астрология, и зомби... даже фотографии есть.

— Но предположим, что на той ракете прилетел я. О том, что я Гейнс, свидетельствует только визитная карточка, которая вместе с портмоне оказалась в кармане моего пиджака, но в нем же я обнаружил и сигареты, и очки, хотя никогда в жизни не пользовался ни тем, ни другим,— признался Гейнс.

У Оглсорпа только скособочился рот — то ли в улыбке, то ли от отвращения.

— Вы интеллигентный человек, доктор Гейнс, предположим, что и я тоже. Может быть, это покажется вам смешным, но единственно, ради чего я сколачивал свое состояние, убухав на это столько времени и трудов, что ни один дурак не поверит, так вот, я делал все это только ради того, чтобы построить этот корабль. И пусть хоть зеленый в шесть футов ростом муравей придет и при розит мне Армагеддоном, я все равно полечу.

Нашла, что называется, коса на камень — Оглсорп относился к тому типу людей, которые сначала действуют, а уж потом хватаются за голову от ужаса, и на сей раз он ничего ужасного не предчувствовал. Поэтому разговор пошел о предметах обыденных, и Гейнс не мешал ему говорить, постепенно погружаясь в молчание.

Однако осведомленности у него прибавилось, теперь он знал, где находится ракетодром, как располагается охрана,— словом, все то, что не сумел выведать корреспондент «Скупа». Все эти картинки и информацию он почерпнул непосредственно из головы Оглсорпа. Теперь у него самого уже не оставалось сомнений в собственных непонятных телепатических способностях получать любую информацию. Был ли он сам по себе феноменом или такое непредвиденное случилось с ним в результате кораблекрушения, неизвестно.

В аэропорту Гейнс взял такси — у шофера глаза полезли на лоб, когда он узнал место назначения,— но и здесь деньги оказались всесильными. И вот они уже ехали по местности, еще более пустынной и безлюдной, чем окружавшие дом Гейнса леса; скоро шоссе кончилось, а дальше шла грязная, вся в колеях дорога, которую проложили грузовики Оглсорпа, доставляющие грузы к ракете. Такси остановилось.

— Вам сюда? — неуверенно спросил шофер.

— Да.

Гейнс дал шоферу сверх положенного еще банкноту и отпустил его. А сам поплелся к грязной, разбитой дороге и пошел по ней, изредка останавливаясь отдохнуть. В ушах стучало, каждый шаг отдавался невыносимой болью в позвоночнике, будто приказывая: «Остановись!» Но нечего было и думать об остановке или о возвращении: еще в аэропорту у него возникло желание бросить все это, но он тут же ощутил сильнейшее понуждение справиться со своей ослабевшей волей.

«Чуть-чуть отдохнуть!» — мысленно взмолился он, но та же неумолимая сила передвигала его свинцом налитые ноги и заставляла идти вперед, к ракетной базе. Он взглянул на небо, на Марс. Тяжелые тучи скользили над ним, скрывая луну. Самые скверные из ругательств, которые он услышал от своего первого шофера, так и просились на язык, но даже во имя Красной планеты произнести их у него не было сил. И он пробивал свой путь в полном молчании.

Марс уже переместился на несколько градусов к тому времени, когда он в первый раз увидел базу, расположенную в продолговатой, узкой долине. С одной ее стороны были дома для обслуживающего персонала, с другой — большое строение, скрывавшее ракету от посторонних глаз. Гейнс остановился, чтобы буквально выкашлять часть своих легких, оставшийся путь он дышал тяжело, с хрипом.

Цепочка охранников должна была окружать долину. Оглсорп мог рисковать, имея перед собой всех этих безумцев, что засыпали его письмами, в которых называли его не иначе, как безбожником, дураком, ведущим свою команду на верную смерть. Ракета — вещь хрупкая, как бы совершенна она ни была, и большой армии не потребуется, чтобы разрушить ее, стоит только раскрыть ее местонахождение.

Гейнс прошел посты охраны и продвигался дальше по подлеску, пользуясь мгновениями, когда луна пряталась за тучами. Один раз он чуть не попал в ловушку, но вовремя заметил ее.

Дальше подлесок кончался, но в слабом свете луны он в своей одежде почти сливался с землей и, тихо отлеживаясь в светлые минуты, полз затем вперед, никем не замеченный. Он просчитал уже расстояние, отделявшее охранников от базы, и кивнул себе головой: никакой взрыв не причинит им вреда.

На пандусе возле ангара как будто бы никого не было. И вдруг в темноте у стены вспыхнул красный огонек и медленно погас — там человек курил сигарету. Присмотревшись, Гейнс разглядел винтовку, приставленную к стене. Этот охранник — подстраховка, о которой не знал сам Оглсорп.

Неожиданно все вокруг осветилось сквозь разрыв в облаках, Гейнс замер, прижав-

шись к земле, и раздумывал над непредвиденным осложнением. И опять ему захотелось уйти, но он тут же понял, что не может: ему не оставалось ничего другого, как завершить начатое. Когда тучи снова закрыли луну, он спокойно встал и направился к уже поджидавшему его человеку.

— Здравствуйте,— сказал он тихо, так, чтобы его мог слышать только этот охранник.— Позвольте пройти. Я специальный инспектор от Оглсорпа.

Луч света ударил ему прямо в лицо, ослепил, и он поспешил навстречу ему; другие охранники могли увидеть его, хоть это было и маловероятно, все их внимание было сосредоточено вовне, на внутренние постройки они не смотрели.

— Подойдите,— ответил наконец охранник.— Как вы прошли охрану?

Естественно, в вопросе прозвучало подозрение. Ружье, как заметил Гейнс, было направлено ему в живот, и он встал так, чтобы противник мог видеть его.

— Джимми Дархем знал о моем визите,— сказал он охраннику. Сведения о том, что Дархем — начальник караула, Гейнс выудил у Оглсорпа.— Он сказал, что у него нет времени извещать вас обо мне, ну я и пришел, как видите, сам.

— Хм-м... Раз они вас пропустили, значит, все в порядке, но теперь уж, пока кто-нибудь не удостоверит вашу личность, вы отсюда не уйдете. Руки! — охранник осторожно подошел и обыскал Гейнса, нет ли у него оружия. Гейнс изо всех сил тянул руки вверх, только бы охранник не коснулся его обнаженных кистей.— О'кей. А что за дело у вас?

— Общий контроль. Хозяина предупредили, что здесь готовятся беспорядки, и он послал меня проверить, как осуществляется охрана, и предупредить вас. Тут все заперто?

— Да нет. Какой толк от замка на этой халупе! Вот я здесь и торчу вместо замка. Может, посигналить Джимми, пусть придет, подтвердит вашу личность, и отпустить вас?

— Не беспокойтесь.

Все обстояло как нельзя лучше. Мешало только одно: он не хотел убивать охранника. Можно обойтись без этого, ни к чему вмешивать убийство в то дело, которое он вынужден выполнять.

— Теперь, когда я все осмотрел, мне особенно спешить некуда. Закурим?

— Да, вот только что накурился. Что, спичек нет? На.

Гейнс чиркнул спичкой и робко прикурил. Дым обжег и так огнем пылающее горло, но он справился с кашлем и сделал еще одну затяжку. В темноте охранник не мог видеть льющихся из его глаз слез и исказившееся в гримасе лицо. Вопреки неотвязному побуждению к действию Гейнс всеми силами, даже с помощью сигареты, пытался отвлечь внимание охранника, но напрасно.

— Спасибо,— сказал он, протягивая коробок.

Когда охранник хотел взять его, он случайно коснулся руки Гейнса. И тут же горло охранника было стиснуто, он отпрянул, пытаясь вырваться и позвать на помощь. От неожиданности он промедлил какую-то секунду, этого оказалось достаточно, чтобы Гейнс свободной рукой нанес страшный удар ребром ладони по шее охранника. Тот застонал и свалился замертво.

Импульс одержал над ним победу и на этот раз! Охранник был мертв — ударом руки Гейнс сломал ему шею. Гейнс оперся спиной о стену, справился с приступом удушья и рвотой. Придя в себя, он взял фонарь охранника и повернулся к ангару. В темноте с трудом просматривался корпус огромного космического корабля.

Дрожащими руками Гейнс нащупывал путь к кораблю, затем зажег спичку и держал ее в ладонях, пока осматривал внутренности ангара через открытые ворота. Он опасался, как бы свет в ангаре не привлек постороннего внимания.

Проникнув внутрь ракеты, он зажег фонарь — дал самый слабый свет — и по мосткам двинулся в заднюю часть ракеты, туда, где обычно располагается двигатель. Двигатель оказался простейший, и на его разрушение не требовалось ни больших усилий, ни продолжительного времени.

Он легко обнаружил контрольные гайки, пробежал глазами ничем не покрытые стенки двигателя, обследовал трубки, выведенные на них. Судя по результатам осмотра этого небольшого аппарата, корабль в значительной степени уступал тому, который потерпел крушение там, в лесу. И тем не менее на его создание ушло много лет и практически все состояние Оглсорпа. Если этот корабль уничтожить, на постройку нового людям потребуется много времени, лет десять или, по меньшей мере, два года... Он утерял нить мысли, но чувствовал, что память понемногу начинает восстанавливаться. Он вдруг увидел себя в тесном металлическом помещении, судорожно, но тщетно пытающимся приостановить утечку горючего. Затем услышал последний, прикончивший ракету взрыв, и началось беспомощное падение корабля сквозь атмосферу Земли. Он едва успел перебраться в переходной отсек корабля, и тот грохнулся о землю. Корабль упал прямо на дом, а его самого чудесным образом выбросило из корабля, и прежде чем упасть на землю, он повис на нижних ветках дерева.

Человеку, который находился в доме, повезло меньше: он вылетел оттуда вместе с рухнувшей стеной уже мертвым. Пришелец смутно помнил, с каким отвращением снимал он с убитого одежду, облачался в нее. Потом на него свалилась балка, он потерял сознание, наступила тьма... И значит, он не Гейнс, а тот, из ракеты, и то, что он рассказывал Оглсорпу, было чистейшей правдой.

У Гейнса — мысленно он продолжал называть себя так — подогнулись колени, и он смог устоять, только ухватившись обеими руками за прут, высовывавшийся из стены, и продолжал он свой путь с огромным усилием. Но ему еще предстояла работа, а что до его болячек — тут дело терпит. Теперь ему казалось, что с самого первого момента осознания себя на Земле, там, у дома в лесу, он знал, что смерть не промедлит и настигнет его раньше наступления следующего дня, но это его не пугало.

Он снова осмотрелся вокруг и заметил сумку с инструментами, которая лежала открытой на полу, и из нее торчал гаечный ключ. Как раз подойдет отвинтить контрольные гайки. Фонарь лежал на полу, там, где он оставил его, он пнул его ногой, чтобы направить свет на стенку двигателя, нащупал гаечный ключ, и пальцы плотно охватили его ручку.

И тут в свете фонаря он впервые увидел свою руку. Высоко вились синие вены на светло-голубой, как ему показалось, коже руки. Он тупо отметил это про себя, поднес к глазам другую руку и оглядел ее, она была синей, и ладони, повернутые вверх, тоже оказались синими. Синий!

Он вспомнил все — яркой вспышкой вернулвсь память, и потом понеслись перед его внутренним взглядом многочисленные картины. Занятый откручиванием гаек, он в то же время прослеживал картины, которые вернула ему память. Он видел почти опустевшие улицы прелестного сказочного городка, и вот будто рядом, здесь открылась перед ним дверь одного из домов, показался мужчина, хватавшийся за горло синими руками, и в корчах свалился на землю. Мимо проходили люди, осторожно обходя труп, они боялись коснуться друг друга.

По всей планете, всюду людей настигала смерть. Вся планета была захвачена ею. Она ложилась на кожу пораженного болезнью человека и при малейшем прикосновении передавалась другому и отправлялась дальше, поражая все новые и новые жертвы. Микробы погибали на воздухе за несколько секунд, но множество новорожденных тут же выбиралось из пор кожи, и среди населения планеты все меньше оставалось способных сопротивляться болезни. При малейшем контакте болезнь начинала свое коварное завоевание организма, а через несколько месяцев неожиданно атаковала тело, окрашивала его в синий цвет, и человек погибал через несколько часов в страшных мучениях.

Некоторые считали, что болезнь — результат вышедшего из-под контроля научного эксперимента, другие — что ее споры попали на планету из космоса. Причины могли быть разные, но факт оставался фактом: на Марсе справиться с болезнью не могли. Слабые надежды на выживание оставляли легенды о том, что на планете Земля, прародительнице марсианской цивилизации, существуют люди, и ничего другого не оставалось, как обратиться к ним за помощью.

Он увидел себя перед экзаменаторами. В результате сдачи этих экзаменов выбор пал на него, он должен был лететь на космическом корабле, который они лихорадочно строили. Его избрали потому, что он обладал исключительными способностями к телепатии, даже среди высокоинтеллектуально развитых марсиан он оказался вне конкуренции. В последние несколько недель перед полетом эти его способности активно развивали и одновременно внушали ему обязанности, его миссию, которую он должен был выполнить хотя бы ценой собственной жизни.

Гейнс заметил, как из контрольных трубок брызнули первые капли горючей смеси, и отбросил гаечный ключ. Старик Леан Дагх сомневался, что он сможет телепатически считывать у людей иной расы, иной культуры информацию, припомнил Гейнс. Очень жаль, что старик умер, так и не узнав, что его методы оправдали себя, пусть даже сама миссия окончилась неудачей, так как земляне оказались очень слабы в искусстве врачевания. И ему теперь оставалось выполнить последний долг — не допустить, чтобы обитатели этого мира погибли так же, как погибли марсиане.

С большим трудом он заставил себя подняться и, спотыкаясь и бормоча под нос что-то невнятное, прошел обратно по мосткам. Синева его кожи потемнела, и он, буквально приказывая своим мускулам не расслабляться, заставил себя преодолеть расстояние до дверей, до охранника, тело которого оставалось лежать там же, на месте схватки.

Он был почти без сил; оставшиеся он употреблял на то, чтобы преодолевать большее, чем на его планете, притяжение, каждое его движение превращалось в пытку. Он попытался волочить труп по земле, но сам упал, и на четвереньках, а то и ползком, вцепившись одной рукой и зубами в воротник куртки охранника, тащился к двигателю корабля. Кружилась голова, он был на грани бесчувствия, и один раз тьма совсем было поглотила его, но придя в сознание, он обнаружил себя внутри корабля, ползущим со своей ношей под воздействием все тех же импульсов, которые были сильнее его, сильнее его воли.

Мало-помалу он одолел мостки, заполз в машинное отделение и сбросил труп в небольшую лужицу горючего, натекшего за это время на пол. Помещение было наполнено парами бензина, в нем похолодало, но едва ли он что-либо чувствовал. Ему оставалось выполнить свой последний долг, для этого достаточно было одной искры.

На Марсе останутся непогребенными некоторые из умерших, это неизбежно, а в трупах останутся живые микробы, и с этим могли бы встретиться там земляне. Нельзя допустить этой встречи. Пока последний марсианин не превратится в пыль, пока микробы, оказавшись на открытом воздухе, все не погибнут, земляне должны оставаться на Земле, в собственной атмосфере, только это гарантирует им жизнь.

Теперь носителями инфекции на Земле были только он сам и тело человека, которого он коснулся; оставался еще и корабль, способный доставить людей на Марс, к непосредственным источникам заболевания. Все это теперь легко исправить.

Пришелец с Марса, тихо улыбаясь, достал из кармана своего пиджака коробок со спичками, полученный от охранника. И за мгновение до того, как смертельная тьма сомкнулась над ним, он успел достать спичку и чиркнуть ею по коробку. Появился язычок пламени, и тут же ярким светом осветилось все вокруг.

Перевод с английского
Б. КЛЮЕВОЙ

Читатели о фантастике вообще и о той, что печатается в журнале.

Д. Поляшенко *(Москва)*: «Страна Фантазия» журнала действительно лидирует среди подобных «стран» других изданий. Но сейчас лидерство это есть лишь инерция хорошего вкуса. За пределами журнала царит картина разорения и вырождения. Наша фантастика, начав умирать в семидесятые, в расцвет застоя, не способная принципиально в отличие от «обычной» литературы на служение чему бы то ни было — партии-правительству, воле трудящихся, историческому моменту, но и не в силах даже эзоповым языком противостоять вычеркивающему карандашу, перешла в обреченное пикирование. Уход в космос отвлеченного фантазирования неизбежно привел НФ к эскапизму и мутациям. Фантастика перестала быть литературой, а стала странным явлением, которое можно классифицировать и собирать как некачественные снимки НЛО. Неловкие приключения, тщетные ужасы, изумительные размышления, страдания на темы разнообразного бессилия...

Фантастика — это реальность плюс реальность. Первая — литературный язык, вторая реальность — мысль, идея. Множество людей до сих пор убеждены, что фантастика это когда покруче, поотвлеченнее, вывернуто наизнанку, поставлено на голову... простите, этим занимается сюрреализм. Мы имеем странную ситуацию. Поклоняясь в большинстве своем Стругацким, молодые писатели упорно не замечают их слов, что фантастика это прежде всего литература, а законы литературы всегда и везде были одинаковы для всех. Начинающий энергично берется за ручку... и попадает в сложнейшую ситуацию — как без мировоззрения, без собственной философии, на одних так называемых «законах жанра», написать хотя бы хороший рассказ. И оказывается, что не можешь создавать миры, оторвавшись от истории и культуры. Все сильные произведения имеют корни в прошлом. О мысли и об идее говорить не будем — здесь нет рецептов. Каждый прекрасно знает, что можно взять избитый сюжет и получить великолепную вещь.

Новое поколение отнюдь не требует новую фантастику. Да, оно почитывает современных авторов, но любит, выборочно конечно, то, что написано двадцать, тридцать лет назад. Дело не в новизне. Если отвлечься от современного антуража, предмет у литературы всегда был один — человек. Горе, радость, жизнь, смерть. «Главное — на Земле, главное — человек». Знаете, кто сказал? Стругацкие. Так что ресурсы НФ не в шестидесятых, они вечны и всегда рядом. НФ — не орудие будущего и не оружие, а то старое зеркало, и сейчас это зеркало только отражает души своих творцов... Человечество можно любить, можно не любить, но писатель обязательно должен к нему относиться. За строкой ли философского романа или новых звездных войн должны стоять люди. Посмотрите на земную цивилизацию как на историю духа, которая никогда не прерывалась; может быть, тогда ваша книга будет излучать тепло.

Не надо бояться того, чего нет. Нет сейчас нашествия мутного развлекательного чтива. Вилликонны были и раньше. «Чтиво» тоже боролось с цензурой за существование. В те же шестидесятые появились великолепные типажи сжатых кулаков, устремленных глаз, стиснутых зубов. Это было что-то вроде электрификации всей Вселенной. И космическая проститутка тогда была, только под видом суровых трудяг звездопроходцев, этакого ракетного гегемона красного космоса.

Научно-техническая фантастика и так называемая фантастика ближнего прицела... Что о них говорить? Одна была обречена по причине отсутствия в ней человека, другая — по причине отсутствия свободы. Да и термин «научная фантастика» сам я терплю только потому, что есть наука социология.

«Другая» фантастика. Или это НФ-сюр, или... Обычные люди избегают крайней новизны, а коль скоро новое явится — относятся к нему осторожно. Фантаст же, особенно сейчас, когда у всех накипело, когда есть возможность распотрошить тихий НФ-застой, опять призывает старые беды на свою голову. Да что же может быть «другого» в фантастике? Что нового случилось в человеке? Слава богу, он все тот же. Стругацкие вернули в фантастику обычного живого человека, поставив все «другое» на положенное место. С тех пор так и пишут, не эпатируя общественность футуристскими манифестами. Да и был ли он, взлет шестидесятых? Кроме немногих, по сей день из тогдашних авторов никто больше творчески не выжил. Не взлет тогда был, а лихорадочное состояние развивающейся фантастики. А вот то, что за двадцать лет после этого не появилось вообще никого,— это факт. Но не так все плохо. История дает нам полезный урок на тему, что такое фантастика, которую читают и двадцать лет спустя, и тридцать лет спустя!

О чем бы мы ни говорили, а бедственные времена всегда обращаешь взор на тех, кто начинает свой путь. И вот Виктор Пелевин, отмеченный в «Знание — сила», вроде бы подтверждает версию о преемственности. Мне показалось, он не смог разъять свой рассказ и стихи Блока. Не важно, кто был первым — Блок или Пелевин, важно, что оба чувствуют нечто, располагающееся вне времени и всегда рядом, в обычных вещах.

Если рассматривать «Страну Фантазию» в свете поиска и создания новых имен, то у меня есть предложение создать на страницах «Знание — сила» школу НФ, цель и тема работы которой будет Человек в Литературе. Хотя сомнения в вероятности ее осуществления у меня уже появились. Это не относится к возможностям журнала, а касается только состояния фантастики и отношения к ней в наше время у большинства людей.

А. Брысина *(г. Нижний Новгород)*: Ваше беспокойство по поводу нового поколения читателей, «рынка», «шестидесятников» совершенно не то. И новому читателю нужна не «новая», а «качественная» фантастика, и рынок тут ни при чем (если есть высокое мастерство!), и «шестидесятники» себя не изжили, они все еще на высоте: повторите их рассказы — не ошибетесь.

Е. Волкова *(Московская обл.)*: Глубоко возмущена публикацией В. Пелевина «Хрустальный мир»! Дело не в том, можно ли критиковать Ленина. Роль Ленина заслуживает серьезного и объективного исторического разбора. Но непозволительно для уважающего себя и своих читателей журнала под прикрытием художественного вымысла помещать оголтелую заведомую клевету на Ленина, как и на любого другого исторического деятеля. Свободная печать не только не менее тенденциозна, чем бывшая партийная, но и превзошла ее в разнузданном хамстве. Я заявляю редакции протест и с будущего года прекращаю подписку на журнал.

С. Соболев *(г. Липецк)*: Всегда мне нравился неуловимый дух журнала: любопытные статьи по экологии и истории, коллажи, рисунки. Очень интересна «Страна Фантазия». Фантастика на страницах «Знание — сила» всегда высокой пробы — будь то начинающие авторы или маститые грандмастера Запада. Можно только приветствовать создание в рамках «Страны Фантазии» чего-то вроде «Заочного КЛФ», но до «Уральского следопыта» вам еще далеко.

Хотелось бы видеть в новом разделе и обзоры НФ-периодики, и рецензии, и библиографию.

В. Пелевин — !!! Очень понравилось: и сюжет, и мастерство. Хотелось бы видеть его среди постоянных ваших авторов.

Б. Лав *(Ленинград)*: По-прежнему ваш журнал интересен. Но пасквиль (другого слова не подберу) на Ленина не делает чести вашему журналу. Даже если идеей автора являлась, так сказать, «персонификация» идей и методов, применявшихся большевиками в политике и не отличавшихся, мягко говоря, скрупулезностью, все равно это «дурно пахнет». В таком случае автор уподобляется махинаторам знаменитых процессов тридцатых годов, когда людям приписывались как совершенные поступки, которые в принципе не отвергались политическими группами, к которым эти люди принадлежали. Надеюсь, понятно, что я имею в виду рассказ В. Пелевина «Хрустальный мир» из рубрики «Страна Фантазия».

Е. Бондаренко *(г. Губкин)*: Я категорически не согласна с утверждениями Р. Арбитмана (в номере 3 «Знание — сила» за 1991 год) о том, что если появится НФ-журнал, то это произойдет лишь на фоне общего кризиса жанра НФ, и будто это уже происходит.

НФ я увлекаюсь с детства, знаю о ней довольно много. То, что сейчас появляется много как отечественного, так и переводного «кича» в этом жанре, я отношу не за счет кризиса самого жанра, а за счет, так сказать, сплошной «блатизации» в литературных, издательских и переводческих кругах. Вот говорится, что круг переводчиков ограничивается полутора десятками, скучившимися в трех-четырех столицах... Да ведь эти полтора десятка, видимо, и держат круговую оборону, не пропуская «чужаков» в свои ряды.

Лично я для себя эту проблему давно решила. Я знаю немецкий и английский языки, пишущая машинка у меня есть. Я перевожу для себя все самое интересное, что мне попадается на этих языках, отдаю в переплет — и вот у меня приличная библиотека еще нигде не переведенной фантастики, которую не стыдно и друзьям давать читать.

О. Якушев *(Москва)*: Советская фантастика вступила в период депрессии, как очень правильно заметил уважаемый товарищ Р. Арбитман в третьем номере; и как нельзя более убедительно этот факт доказала «Страна Фантазия» в «Знание — сила». Я начал это замечать с публикации повести «ТП» Виталия Бабенко.

Вообще все наши центральные и периферийные журналы, словно сговорившись, принялись печатать вместо фантастики огромное количество авангардной литературы, которую нельзя назвать даже ширпотребом,— это какая-то новая массовая мутация журнальной литературы, мало кого заинтересовавшая, кроме редакций.

Что? «Семинары, встречи, конференции, новые издательские плацдармы...» Бурные события... Но странным образом все это проходит какой-то общий отбор, и до массового читателя доплывает все тот же замечательный совковый авангард.

Рассказ «Хрустальный мир» ничем не выделяется из потока «Страны Фантазии» последних двух лет. Чем оригинален сюжет (а он действительно оригинален), так это своей одиозностью. Точнее, мелкой одиозностью, хулиганской. Я вовсе не против дедушки Ленина — гиперболоида, я говорю об общих впечатлениях.

Конъюнктурщина все это, конъюнктурщина. Читайте «Знание — сила», дорогой Виктор Пелевин, может, придумаете сюжет получше. Только не «Страну Фантазию», нет, а вот, пожалуйста,— «Природа, общество, человек», «Проблема: исследования и раздумья», «Институт человека»; вот где прорва умных и интеллигентных статей — в этих рубриках. А «Страна Фантазия» стоит в руинах.

P.S. Когда этот текст уже был отправлен в типографию, мы получили от О. Якушева следующее письмо: «Недели две назад я накатал вам письмо, которого теперь стыжусь. Я не раскаиваюсь в общем содержании письма. Некоторые наиболее абстрактные мои высказывания я считаю правильными до сих пор. Но вот с конкретными примерами — бес попутал. Я, доказывая упадочность журнальной фантастики, морально ущипнул писателя Виктора Пелевина. Мне ужасно не понравился его «Хрустальный мир» в номере 3 за этот год, и я поспешил обвинить его чуть ли не в бездарности.

Прочитав его рассказ «Правитель» в номере 5, я признаю, что он писатель добросовестный и не лишенный творческой жилки. Если он, не дай Бог, каким-нибудь случаем прочитал мои скоропалительные выводы, то, будьте добры, передайте ему, что я его простил и что пусть теперь и он меня простит».

СЮЖЕТЫ ИСТОРИИ

И. Андреев

Страсти по д'Артаньяну

Семнадцатому веку в нашей истории, несмотря на звонкие определения «смутного» и «бунташного», не повезло — его политическая история изучена недостаточно. Исключения, конечно, есть, в остальном же это карта с неточностями и белыми пятнами, очень похожая на ту, которая в XVII столетии обозначала для европейцев Московию. Возможно, именно из-за этого незнания в нашем обыденном представлении ни самозванцы, ни первые Романовы с их окружением вовсе не воспринимаются как, скажем... современники д'Артаньяна и других, реальных и вымышленных, героев А. Дюма.

Предвижу читательское недоумение и даже возмущение! Как, обращаться к Дюма! Да разве такое можно позволить?!

Но ведь массовое историческое сознание таково, что большинство судит о истории Франции XVII века не по сочинениям историков, а по историческим романам. И главным образом Дюма. Так что с оговорками подобные параллели вполне имеют право на существование. Хотя бы для того, чтобы читатель заинтересовался подлинной историей.

Итак, заглянем в Москву времен д'Артаньяна и зададимся вопросом: могла ли и здесь закручиваться столь же головокружительная интрига, как в Париже? Были ли здесь свои Мазарини и свои фрондеры типа неукротимого парижского коадъютера Поля де Гонди?

Не спешите сказать «нет». И в Кремле, оказывается, кипели страсти, а интрига, пускай не столь виртуозная в сравнении с Лувром, была захватывающа и опасна. Да-да, вы убедитесь в этом. Но сначала одно замечание: мы говорили о политической истории России XVII века, которая-де плохо изучена, а свели все к интриге. Однако здесь нет противоречия. Придворная борьба неминуемо становилась в те времена частью политической истории и оставляла в ней след, иногда не меньший, чем кровопролитные войны и народные восстания.

События, о которых пойдет речь, в исторической науке скучно названы «городские восстания середины XVII века». Начало им положило июньское восстание в Москве в 1648 году. Если мы вспомним (будем последовательны!) «Двадцать лет спустя» Дюма, то в это время постаревший д'Артаньян, все так же легко впутывающийся в авантюры, как его шпага — в схватки, испытывал серьезные затруднения: кардинал Мазарини не спешил дать ему патент на вакантное место капитана мушкетеров. В оправдание кардинала, который в жизни действовал совсем «не по Дюма», заметим, что голова его была занята куда более важными проблемами. В мае 1648 года началась так называемая парламентская фронда, заставившая Мазарини спасать себя и свою политику.

Далекая Московия про фронду не ведала. Но в том же мае в Москве посадские люди вели речи, не менее жаркие, чем в Париже. Чтобы понять причины, их вызвавшие, надо отступить по крайней мере на три года назад.

В 1645 году на престол вступает шестнадцатилетний Алексей Михайлович, для которого царский венец — слишком тяжелая ноша. Власть в руках царского воспитателя, боярина Бориса Ивановича Морозова, «мужа крепкодушного и строителя дел царских прилежного». Прижимистый и крепкий хозяин, Морозов и страной управляет, как собственной вотчиной. Отощавшую казну он «лечит» нещадными правежами недоимок, экономит на жалованье служилых и приказных людей. Последние, восполняя убытки, с легкой руки Бориса Ивановича, устроили такую вакханалию мздоимства, вымогательства и прочих черных делишек, что население буквально взвыло. И главы приказов — центральных правительственных органов — и приказная мелкота, «молодшие» подьячие требуют «посулы» и «почести», проявляя при этом не одну только жадность, но и завидную изобретательность. Один не желает сразу брать деньги — возьму позднее «по делу», другой заставляет таскать к нему домой в ведрах чрезвычайно поправившихся «рыжиков» с Вологды; третий капризничал — прислали-де ему сижков кубенских, а он любит только сицкие.

Без мощной и сильной руки правду сыскать стало совершенно невозможно. «Кому заступы больше, тому и дела чинятца»,— признавались многочисленные стряпчие, категория отнюдь не обездоленная и знающая свою выгоду.

Особую ненависть вызывал глава Земского приказа Леонтий Плещеев, главный утеснитель посадского населения столицы. Его имя скоро стало нарицательным. Можно было сокрушенно махнуть рукой и сказать: «плещеевщина», как окружающим без разъяснений все становилось ясно. Современники копили обиды — «Всему великому мздоиманью Москва корень!» — и ждали своего часа.

Нужен был лишь толчок, чтобы общее недовольство вылилось в восстание. И, как это часто бывает в истории, он был дан самими правящими кругами. Вспомним, и в Париже так называемому «дню баррикад», когда весь город поднялся против Мазарини, предшествовала попытка арестовать нескольких членов парламента, в числе которых был Бруссель. Историки задним числом говорят тогда: «Необдуманные шаги правительства». Но надо признать, что сама необдуманность эта есть выражение узколобой, оторванной от жизни политики, свойственной всем «верхам» в кризисные периоды. Боярин Морозов и даже умный Мазарини здесь не исключение.

Первого июня возвращавшегося с богомолья в Троице-Сергиев монастырь Алексея Михайловича, умиротворенного и благолепного, окружают толпы горожан. Они пытаются бить челом «на неправды и насилия» Плещеева, но в ответ получают удары: народ рассеян, челобитчики схвачены, инцидент исчерпан. Исчерпан ли?

На следующий день — крестный ход в Сретенский монастырь. На обратном пути в Кремль москвичи, раскидав придворных, прорвались к царю. Самые бойкие схватили под узду царскую лошадь, и посыпались жалобы на «Плещеева и его несправедливости». Несмотря на «просительный тон», Алексей Михайлович ужаснулся. Но, ужаснувшись, духа не потерял и обратился к подданным

Репродукция клейма иконы XVII века «Алексей человек Божий» и французские рисунки описываемой эпохи.

с «дружелюбной речью», обещая во всем разобраться. Дружелюбие, о котором нам сообщает один из источников, было, безусловно, напускное. И дальше, в критические моменты личного общения с восставшими, царь будет унимать их от «воровства», бить по рукам в знак примирения и даже сносить покушение на пуговицы платья в 1662 году, во время «Медного бунта». Правда, едва узнав тогда о подходе войск, Алексей Михайлович тут же переменился и «закричал и велел... тех людей бити и рубити». Другой свидетель вложил в уста «тишайшего» еще более энергичное выражение: «Избавьте меня от этих собак!»

Второго июня у царя войск не оказалось, и «этих собак» пришлось терпеть. Это стало ясно, когда стрельцы отказались разгонять ворвавшийся в Кремль народ. Объявив, что «сражаться за бояр против простого народа» они не будут, стрельцы бросились выламывать ворота боярских усадеб. Стихия бунта обрела силу урагана: «Стало-де на Москве убойство боярам и думным людям».

Дальше на Красной площади появляется делегация во главе с патриархом и боярином Никитой Ивановичем Романовым, дядей царя. Романов был, что называется, по натуре фрондер. Отстраненный от власти Морозовым, с репутацией народного заступника, который «праведному государю во всем радеет и о земле болит», он интригует против Бориса Ивановича, причисляя себя к незаслуженно обиженным и забытым племянником лицам. Впрочем, до сих пор все его выпады легко парировались царским «дядькой». Восстание в корне меняет положение. По-видимому, не без тайного участия Н. И. Романова и его сторонников, а среди них — князь Я. К. Черкасский, формируются требования, на которых восставшие готовы «утолиться». Для этого на расправу надо выдать «всенародных губителей» — Морозова, Плещеева и окольничего Траханиотова. Алексей Михайлович в растерянности и готов на первую уступку — выдать Плещеева.

В Москве идут погромы усадеб. В доме Морозова восставшие топорами сплющивают драгоценные «тарели» и кубки, перетирают в пыль жемчуга и камни, с треском рвут боярские шубы и кафтаны. Всё — под крик «То наша кровь! всё — в огонь!» Иностранные очевидцы были поражены бескорыстием «гилевщиков»: уносить с собой что-то не позволялось! Справедливости ради, однако, надо сказать, что разудалая стихия народного бунта знала не только призывы «крушить!», но и «грабить!» Список пострадавших выдает режиссуру Романова и Черкасского. Имея одних холопов несколько сотен, они легко могли раскачать разгоряченную толпу. Но не удержать. Московское небо уже штрихуют дымы пожаров. Страдают все, в том числе сам боярин Романов. Как не вспомнить Поля де Гонди, под изречением которого, без сомнения, подписались бы многие его русские современники: «Те, кто думает, что вождь партии является ее господином, не понимают, что такое партия».

Пожар накаляет обстановку еще больше. По городу ползут слухи, что это поджог, совершенный по приказу Морозова. Даже выдача Плещеева, которого не доводят до плахи — его рвут, рубят и топчут, — не меняет ситуации. Восставшие появляются у дворца, требуя «невежливым обычаем» выдачи главных поджигателей. Переговоры на этот раз ни к чему не приводят. Тогда на крыльце появляется сам царь. Со слезами на глазах, с шапкой в руке. Он умоляет сохранить жизнь своему воспитателю и родственнику — в 1647 году Морозов, укрепляя свои позиции, выдал Алексея Михайловича за Марию Милославскую, а сам несколькими днями позже женился на младшей сестре царицы. Сговорилась толпа с царем на том, что Морозову «до смерти на Москве не бывать и... у государственных дел ни в каких приказах не бывать». Здесь же богобоязненный государь прикладывается к Спасу, заведомо зная, что сделает все, чтобы переступить через клятву...

Вряд ли итог переговоров кого-то устроил. Для того же боярина Романова Морозов был куда милее в Москве без головы, чем с головой — за ее пределами. Кажется, и сам Морозов не питает иллюзий относительно прочности договора. В тот же день он бежит тайным ходом из Кремля. Но, увы, в отличие от Мазарини у него нет своего д'Артаньяна. В Дорогомиловской слободе за Москвой-рекой его узнают ямщики. Картина получилась презабавная, только не для Морозова, которого «гояли до самой Москвы, и он насилу от них ушел».

Траханиотов из столицы выбирается благополучно. Он имеет грамоту о назначении воеводой Устюжны Железнопольской. Однако не ведает, что на крыльце дворца царь вступился только за своего воспитателя, а за него — нет, не вступился, и его догоняют, привозят назад, укладывают на плаху, как сказано в приговоре от 5 июня, «за измену и за московский поджог».

В эти же дни происходит смена правительственных лиц. Ключевые посты, принадлежавшие Морозову, оказываются у Черкасского. Н. И. Романов председательствует в Боярской думе. Но Морозов не из тех, кто просто складывает оружие. Минутная слабость, вызванная неудачным побегом, проходит, и он принимает вызов. Ставка — его седая голова. Прежде всего следует заручиться поддержкой стрельцов, главной вооруженной силой столицы. Стрельцам поспешно

выдают жалованье, сторонники Морозова наперебой зазывают их в свои дворы, выкатывают из подвалов и ледников винные бочки и угощают, точнее — спаивают. Даже беременная царица принимает участие в этом сомнительном мероприятии. Впрочем, мероприятие это достаточно эффективно, хотя и примитивнее по сравнению с интригами заговорщиков Дюма. Среди стрельцов и посадских людей объявляются даже морозовские заступники. Беда, что всех не насытишь — отступники побиты камнями.

Еще один шаг Бориса Ивановича Морозова — появление в думе. Это уже открытое нарушение царского обещания отстранить Морозова от дел. Романов демонстративно «заболел» и перестал ездить в думу. Черкасский стал отправлять всех челобитчиков к Морозову. Мол, он вопреки всему — власть. Недовольство не выплеснулось на этот раз на улицу. Зато начались переговоры дворян с представителями посада, так напугавшие царя, что он сразу вспомнил все свои клятвы. Об этих переговорах мы ничего не знаем. Зато располагаем документом, их завершившим. Это так называемая «Большая всенародная челобитная» с жалобами на существующие порядки и требованиями их изменить. Иначе и тут уже звучит недвусмысленная угроза — новый бунт. Тянуть далее стало невозможно. Челобитную подали десятого июня, а уже двенадцатого Морозов поспешно покидает Москву. Путь его — в Кирилло-Белозерский монастырь, пристанище для многих ссыльных. Но по официальной версии боярин вовсе не ссыльный, а паломник, о котором трогательно заботится сам Алексей Михайлович. В эти дни монастырские власти получают царские послания, в которых автор их не скупится ни на посулы, ни на угрозы: «Однолично бы вам боярина нашего оберегать от всякого дурна, а будет над ним какое дурно учинится, и вам за то быть от нас в великой опале».

В Москве между тем партия Романова — Черкасского наслаждается властью. Однако нам сегодня победа их не кажется убедительной. Во-первых, потому что, несмотря на «чистку» приказов, им приходится все же делиться властью со сторонниками Морозова, в первую очередь с царским тестем, боярином И. Д. Милославским. Во-вторых, над ними по-прежнему дамокловым мечом нависает привязанность Алексея Михайловича к своему воспитателю. Царь, как смотрел, по выражению современников, «боярину в рот», так и продолжал смотреть, нимало не смущаясь сотнями верст, их разделявшими. Впрочем, эти версты удивительно скоро тают. «Да отнюдь бы нихто не ведал, хоть и выедет куды,— пишет в Кириллов царь про Морозова,— а есть ли сведаю, и вам быть казненными, а если убережете его, так и мне добро сделаете, и я вас пожалую так, чего от зачяла света такой милости не видали».

Это таинственное «выедет куды» имело свой адрес — Троице-Сергиев монастырь, где должна была произойти встреча с Алексеем Михайловичем. Пятнадцатого сентября царь выезжает сюда якобы на богомолье в очередной государев «поход». Однако не одни стены Лувра умели подслушивать. О намерении государя узнает Черкасский. Он бросается следом, чтобы, если не помешать, то, по крайней мере, испортить встречу. На скорую руку даже слажена интрига. Боярин покидает столицу двадцать третьего сентября, а двадцать четвертого в селе Воздвиженском близ Троицы только что приехавшему Черкасскому князь Иван Юсупов доносит о «воровских речах» своих холопов, утверждавших, будто Алексей Михайлович — «не прямой государь». В глазах новой династии всякое сомнение в ее праве на Мономахов венец — преступление тягчайшее. И подобно тому, как в Париже выискивали исполнителей скабрезных песен про королеву Анну и ее «кавалера» в кардинальской мантии, так и в Москве беспощадно расправлялись с теми, кто распускал слухи о «подменном», «не прямом» Алексее Михайловиче, то есть покушался на основу порядка. Но на что же рассчитывает Черкасский, давая ход очередному делу? Источником «воровских слов», повторенных холопами Юсупова, объявлен... Морозов. Появление этого имени не оставляет сомнений в истинных целях, которые преследуют судьи,— скомпрометировать Бориса Ивановича в глазах царя. Но дело явно шито белыми нитками. Интрига не удалась. Заменивший месяц спустя Черкасского Милославский разделывается со всеми участниками, в том числе и с князем Юсуповым. Его отправляют в ссылку — зачем так долго не доносил о «воровских словах» своих холопов! Имя Морозова даже не упоминается.

В эти сентябрьские дни партия Романова — Черкасского помимо Морозова пытается свалить и Милославского. Шведский дипломат Поммерининг, черпавший свои сведения из самых близких ко двору источников, доносил правительству, что поместное войско настойчиво требует удаления Милославского и права челобитья непосредственно самому царю и боярину Черкасскому, а не «приверженцам Морозова». По-видимому, это возымело действие. Тридцатого сентября Алексей Михайлович возвращается в Москву. Один, без Морозова. Но зато вооруженный четкими инструкциями, что делать и как поступать.

«Смиренный паломник к чудотворцу Кириллу», умевший извлекать уроки из поражений, смекнул, что сила противной партии — в поддержке ее дворянством и посадом. Перехвати инициативу, пойди навстречу требованиям служилых и посадских людей — и сила эта иссякнет. Так придворная борьба накладывается на борьбу социальную, придав широкой законотворческой деятельности — по требованию «земли» и «мира» (дворянства и посада) — новое ускорение.

В начале октября, едва вернувшись из Троицы, царь торжественно обещает «сделать то, о чем просит простой народ». Мы даже можем предположить, где прозвучало это обещание. Третьего октября Алексей Михайлович, возможно, в присутствии выборных на Земский собор, стал слушать проект Соборного уложения — кодекса законов, надолго определившего физиономию русского феодализма и крепостничества. Положение антиморозовской партии осложнилось. Пугать дворян и детей боярских Морозовым если и получалось, то плохо. Посаду же были сделаны уступки куда более смелые, чем того желали Романов и Черкасский.

Весь октябрь в Москве идет настоящая «банкетная война». Обе стороны наперебой угощают стрельцов. Милославский пытается склонить их к подписанию заручной челобитной с просьбой вернуть Морозова. Те колеблются. «Чью сторону они держат, еще неизвестно»,— лаконично констатирует Поммеренинг. Тогда в ход пущены были весомые аргументы. Тот, кто подпишет прошение, получит от царя 10, от патриарха — 4 рубля. Деньги немалые — годовой оклад первостатейного провинциального дворянина. Часть стрельцов дрогнула. «Стремянные и некоторые другие стрельцы и лишь некоторые из народа согласились, чтобы Морозов опять вернулся ко двору»,— сообщает шведский дипломат. На этот раз уступивших стрельцов потчевать камнями не стали. Но угроз было предостаточно: «Да и тем у нас достанется, которые руки прикладывали».

Рождение наследника престола стало прекрасным поводом для удовлетворения челобитья. 29 октября мы уже видим Морозова в Москве, на крестильном обеде. Однако долго так продолжаться не могло. Наступает развязка — ссора Черкасского с Морозовым. Заканчивается она не в пользу князя Черкасского, который, нарушая всякий этикет, самовольно уезжает домой. Поздно вечером в ворота его усадьбы стучится думный дьяк Гавренев с известием об его отстранении от управления Стрелецким приказом и запрещением съезжать «с двора в город». Готовится и нечто худшее — ссылка, хоть и замаскированная назначением воеводой в Астрахань. Готовы даже подводы. Но Черкасский — неслыханное для прежних времен дело! — ехать отказывается. Неповиновение осталось без последствий — Морозов боится раздражать сильно своих противников, тем более, что брожение продолжается. Как тогда говорили, «весь мир качается».

И все же в этом «качании» нет силы. Романов и Черкасский, правда, исподволь пытаются подтолкнуть холопов, стрельцов, посадских людей на выступление. На жизнь Морозова готовятся покушения, причем почти во всех случаях ниточки ведут в боярские дворы Романова, Черкасского и их сторонников. Время переменилось, судьба в лице царя отвернулась от Морозова. Однако напора и накала в борьбе уже нет, принятое в самом начале 1649 года Соборное уложение уменьшило остроту социального противостояния, а значит — и возможности противников Морозова.

Итак, партия Морозова, упавши летом, поднялась осенью, а зимой уже торжествовала победу. Чего нельзя сказать о Мазарини. Именно в январе 1649 года королева и кардинал, прихватив мальчика-короля, бегут из мятежного Парижа в Сен-Жермен, где было мало постелей и постельного белья, но много соломы: обстоятельство, которое, благодаря перу Дюма, позволило д'Артаньяну и Портосу сделать эту солому поистине золотой. Фронда нарастала. Впереди у нее была еще фронда принцев, изгнание и возвращение Мазарини. Кардинал, как и его русский современник боярин Морозов, умели выигрывать. Возможно, потому, что оба делали верную ставку и умели предугадать события. «Беспорядки,— писал прозорливо Мазарини,— когда они дойдут до крайности, неизбежно ведут к утверждению абсолютной власти».

В России появление такой власти было не за горами. Однако абсолютизм вовсе не исключил из нашей (и французской!) истории придворную борьбу. Она лишь приобрела иной оттенок, одевшись в расшитый золотом и обсыпанный алмазами кафтан фаворитов и претендентов на это место.

Телефон для гигантов?

Этот странный, на первый взгляд, телефонный автомат находится возле одной автомагистрали в американском штате Массачусетс. Но предназначен он не для очень высоких людей, как можно подумать, а для водителей грузовиков, которые желают позвонить, не выходя из кабины.

Единственное преимущество

В железнодорожной катастрофе, происшедшей недалеко от Мюнхена, среди ста тридцати пострадавших была и двадцатидвухлетняя Кристина Вайс. Наряду с другими травмами, у нее был поврежден мускул слухового аппарата. Однако оказалось, что это привело не к потере слуха, а наоборот, к его обострению.

Теперь Кристина вынуждена большую часть суток ходить в специальных защитных наушниках. Но даже в них она слышит на рабочем месте все разговоры коллег и телефонные звонки в соседней комнате.

Эксперименты показали, что она улавливает ход электронных часов на расстоянии 15—20 метров и даже рост травы во дворе.

В судьбе Кристины предвидится лишь одно-единственное преимущество,— быть может, в глубокой старости она вновь будет нормально слышать.

Аэропорт — убежище для сов

При миграционном зимнем отлете на юг североамериканские полярные совы устремляются в такие места, где условия обитания были бы похожи на их родные — в пустынной открытой тундре. Очевидно, по этой причине они и оседают на аэродромах некоторых крупных городов. Так, в бостонском аэропорту Логан зимой полярных сов скапливается больше, чем в любом другом месте штата,— сообщает Норман Смит, член Общества по изучению птиц. Еженедельно он затрачивает два-три дня на отлавливание, измерение и взвешивание сов в аэропорту, а также на проведение наблюдений за ними. С 1981 года Смит окольцевал в Логане 113 сов. Этот аэропорт, окруженный с трех сторон водой, обеспечивает совам обильное питание в виде грызунов и птиц, а также относительную безопасность, так как люди их почти не тревожат. Северяне неплохо устроились на зиму, правда, за удобства приходится отрабатывать, отпугивая стаи птиц от взлетно-посадочных полос.

Автомобиль — в мусорном баке

То, что вы видите на снимке,— не результат автомобильного инцидента. Машина специально поставлена в гигантский мусорный бак. Странная авангардистская скульптура установлена в качестве рекламы в австралийском городе Квинсленде перед магазином, торгующим запасными частями для автомобиля.

Каков смысл этой композиции? По мнению владельца магазина, скульптура должна призывать клиентов поддерживать автомобили в хорошем состоянии, а не выбрасывать их в утиль.

Новый вид животного?

Если это слоненок, то почему его тело покрыто шерстью и куда делись уши? Неужели ученым удалось обнаружить еще один новый вид крупного животного?

Все объясняется очень просто. Это «умбрий» — герой одного из американских фантастических фильмов.

ВЫ ХОРОШО ЗНАЛИ ЕГО ГОЛОС — МЯГКИЙ, НЕМНОГО ЗАДУМЧИВЫЙ, ЛИШЕННЫЙ ПАФОСНЫХ ИНТОНАЦИЙ. ОН ВНОСИЛ В ДОМ ДУХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БЕСЕДЫ, КОТОРАЯ МОГЛА ПРОДОЛЖАТЬСЯ С ДРУЗЬЯМИ ПО ВЕЧЕРАМ.

ДВЕ ПОСТОЯННЫЕ ПРОГРАММЫ РАДИО "СВОБОДА" — "СОВЕТОЛОГИ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ" И "ДЕМОКРАТИЯ В ДЕЙСТВИИ" СТАЛИ ДЛЯ ФИЛОСОФА БОРИСА ШРАГИНА СОЗНАТЕЛЬНЫМ СЛУЖЕНИЕМ РОМАНТИЧЕСКИ ВОСПРИНЯТОЙ ИДЕЕ ГЕРЦЕНОВСКОГО "КОЛОКОЛА"

Смерть в Нью-Йорке

Ему было назначено жить и умереть в Москве. Всем, кто его знал, это представлялось абсолютно ясным: не было, кажется, в русской эмиграции человека, более некстати смотревшегося на нью-йоркской улице, которую он обживал по московским правилам шестидесятых годов.

У эмиграции — как, кстати, у лагеря — есть свойство культурной консервации. Сейчас, когда повсюду приходится слышать, будто горбачевская перестройка реализует идеалы «шестидесятых», порой хочется всех, кто так говорит, погрузить в гипноз и внушать: вспоминайте! Об этом ли мы мечтали, блуждая ночами по улицам или просаживая за спорами по пачке за вечер? Много ли общего между тогдашним презрением к «мещанству» и нынешним потребительским идеалом, покорившим чуть ли не всех?

Иллюстрация Э. Бажилина

В том, что сегодня осуществляется, гораздо больше идей и устремлений застойного времени. Так что если кто хочет увидеть в натуре классическую «московскую кухню», мой совет — поезжайте в Нью-Йорк.

Кухня Шрагина в Нью-Йорке, где были каким-то чудом преодолены непобедимые американские пропорции, заставила меня ощутить не его, а свою собственную ностальгию. Только там я понял, что сделала с нами школа застоя, которую он не прошел.

Уехав в начале семидесятых, он нашел в чужеземной традиции совпадения слова и дела тот воздух, которым только и может дышать социальная мысль. А я, слушая его, все яснее понимал, что и перестройку мы здесь закрутили по принципам двоемыслия, ухитрившись не знать то, что знаем, не ведать, что ведаем, а значит, опираясь на ту самую пропорцию несовпадения убеждений с реальностью, какая сложилась в застойные времена.

Пожертвовав телесной природненностью к Москве, он, думаю, на деле спасался не от КГБ (хотя так казалось), а от застойной мыслительной порчи. И там, в эмиграции, сохранился как чистый тип «русского мальчика» (здесь полагается ссылка на Достоевского), не знающего в жизни иного занятия, кроме как «мысль разрешить».

Да, именно так. Московский мальчик, сбежавший с уроков застоя, чтобы в заморской стране искать идеал воплощения социальной идеи. И дело не в том, ошибся он или нет, отождествив этот идеал с устройством западной демократии. А в том, что тем самым продлил на целое десятилетие уникальную мыслительную традицию, известную новым российским мальчикам теперь уже только из книг.

Леонид Невлер

Б. Шрагин

Противостояние духа

Глава из книги*

«Основное наше понятие, упорнейшее наше предание — то, что мы во все вносим идею произвола. Юридические формы и личные усилия для нас кажутся бессильны и даже смешны, мы ждем всего, мы хотим все сделать силою прихоти, бесконтрольного решения; на сознательное содействие, на самопроизвольную готовность и способность других мы не надеемся, мы не хотим вести дела этими способами; первое условие успеха, даже в справедливых и добрых намерениях, для каждого из нас то, чтобы другие беспрекословно и слепо повиновались ему. Каждый из нас маленький Наполеон или, лучше сказать, Батый.

Но если каждый из нас Батый... Весь этот сонм азиатских идей и фактов составляет плотную кольчугу, кольца которой очень крепки и очень крепко связаны между собою, так что Бог знает, сколько поколений пройдут на нашей земле, прежде чем кольчуга перержавеет и будут в ее прорехи достигать нашей груди чувства, приличные цивилизованным людям».

Увы, мрачные эти предчувствия не обманули Чернышевского: будущее, то есть наше сегодняшнее настоящее, оказалось хуже ожиданий. Кольца кольчуги, о которой он писал, сделаны не из железа, а из человеческих склонностей и характеров, которые не поддаются ржавению во времени, а, напротив, крепчают под воздействием традиции.

Ленинская революция, которая сама была актом исторического произвола, открыла новые возможности для бесконтрольного распоряжения жизнью и имуществом людей, породила бесчисленных больших, средних и совсем миниатюрных наполеончиков, с течением времени все больше смахивающих на батыев. Революция дала формулу, как будто простую и справедливую,— подавления меньшинства большинством,— которая на практике ставила каждую жертву в положение единицы, а каждого палача — в положение представителя интересов массы. Жертва, таким образом, должна была ощутить свое ничтожество, а палач — свое величие. И это в каждом случае, когда совершалось насилие. Униженные и оскорбленные обрели простор быть унизителями и оскорбителями, причем совершенно безнаказанно, как бы под эгидой высшей справедливости. В этой психологической тонкости, а не в марксистских теориях, следовало бы искать подлинный смысл революции и того кошмара жестокостей, который она породила. В ней же обретается объяснение и того порядка вещей, в который эта революция в конце концов вылилась,— современного порядка.

В явном противоречии с марксистскими теориями советская система с первых своих шагов утвердила безусловный примат политики над экономикой, то есть главенство начальнических фантазий над какой бы то ни было целесообразностью. Сама же политика оказалась подчиненной идеологии, которая с годами все больше расплывалась в неопределенность. Идеологические клише приняли неподвижно закостенелый вид. Слетают они с языка без напряжения, без участия мысли. История, опыт обтекают их, но не колеблют.

Зато внутри этих окаменелостей, как слизняк в раковине, утаивается сердцевина, о которой не говорят, но которая подразумевается.

С одной стороны, в Советском Союзе как будто бы утвердилось плановое начало. С другой же — уже Сталин, произвольно удвоив разработанные экономистами задания первого пятилетнего плана, дал классически совершенную формулу начальнической безответственности. Невежество, напялившее на себя тогу учености, стихийность, притворяющаяся планированием, бесконтрольность, присвоившая себе функцию контроля,— это и есть произвол, достигший высшей степени сладости, своего рода гурманства. Недаром советские начальники, которым во всех случаях гарантируется безнаказанность, называются на официальном языке не иначе как «ответственными работниками».

Знание об этой сердцевине, об этой сути советской организации жизни не передается ни печатно, ни письменно, ни устно, а разве что подмигиваниями. Но знание о ее преимущественном значении вколочено в подсознание каждого, если он успел расстаться с пионерской доверчивостью и пообтерся в жизни. Впрочем, и при пионерской доверчивости обманутых людей произвол правит их поведением — даже еще эффективней.

Эта сердцевина, эта тайна тайн, этот жертвенный алтарь, куда допускаются самые доверенные и посвященные, скрывает нескончаемый ряд издевательств — мелких и крупных,— которые совершаются не ради чего бы то ни было прагматического, а исключительно для подтверждения самого феномена бесконтрольности и безответственности.

К этому пирогу наслаждений приобщен при современном состоянии советской системы почти каждый. Почти каждый допущен до возможности над кем-нибудь покуражиться. Обычная колхозная звеньевая отличается в этом отношении от секретаря райкома или обкома только количеством выданных ей на расправу жертв. Той же цели служат, например, так называемые «народные дружины», участвуя в которых, какой-нибудь мальчишка может вас унизить, избить и после этого еще привлечь к ответственности за неповиновение властям...

То, что ныне бережно называют «нарушениями социалистической законности»,— не отклонение от нормы, а сама норма. Если жертвами этих досадных «нарушений» пали миллионы людей, то естественно спросить, где же, в чем же эта самая «законность»?

Законы — как будто бы достаточно справедливые, демократичные, но сформулированные так, чтобы оставить лазы для их расширительного толкования и обхода,— как бы нарочно созданы для придания особой рельефности беззаконию. Чтобы человек ощутил всю глубину своего бесправия, надо поманить его мнимыми правами, а затем насмеяться и над правом, и над ним самим. Надо показать, что законы писаны не для него и что попытки искать защиты под сенью законов обойдутся ему дорого, слишком дорого, чтобы вообще стоило связываться. «Ты хотел соблюдения закона, справедливости, права? Так вот, на́ тебе твое право, падло,— по морде, по морде!» О, какое наслаждение так издеваться над говорящей и разумной тварью!

Неприкрытый произвол представляется по сравнению с таким порядком вещей по-детски наивным, ибо он не оставляет места для психологических изощрений, для переливов и тонкостей переживаний как со стороны жертвы, так и — как следствие этого — со стороны насильника. Откровенное насилие подавляет, уничтожает физически, но не нравственно и духовно.

Совсем иное дело — беззаконие, облеченное в униформу педантичной

* Шрагин Б. Противостояние духа. London: Overseas publications interchange LTD., 1977.

законности. Просто заточить или убить человека — в этом мало назидательности. Но сделать то же самое, обставив бюрократической волокитой, с соблюдением въедливых правил и инструкций,— вот это и дает почувствовать жертве всю меру ее беззащитности. Зная закон, хватаясь за него как за последнюю опору, жертва на что-то надеется. И вот у нее медленно, по капельке эту надежду отнимают. Вынудить у человека нелепейшие самообвинения и записать их пункт за пунктом в составленный по всем правилам протокол — значит раздавить его, как муху, превратить в полное ничтожество и, конечно же, сделать назидание всем прочим, тем, кто все еще разгуливает на «свободе». Превратить жертву в соучастника расправы над самим собою — это ли не совершенство, абсолютное совершенство произвола? Поэтому на жертву возлагают главную роль в дьявольском спектакле, в финале которого ее ждет гибель.

Так демонстрируется безграничная сила власти, по отношению к которой даже казнимый оказывается послушным функционером. Погибая, он удобрял собою почву для будущих экзекуций над другими, над следующими. И именно присутствие «справедливого закона», именно наличие «демократических свобод», зафиксированных в Конституции, сообщает всему этому эстетическую законченность. Надо было принять «самую демократическую в мире Конституцию», чтобы тут же, сразу перейти к невиданным в истории операциям по уничтожению ничем не провинившихся перед режимом людей. Будь они хоть в чем-то виноваты, произвол лишился бы совершенства.

Своеобразная прелесть этой системы — «прелесть» не в новом, а в старом, церковном смысле этого слова, в смысле «соблазна» — заключалась еще и в том, что палачи и жертвы легко менялись местами, сегодняшние палачи завтра становились жертвами, так что и жаловаться не приходилось. Поиздевавшись, понаслаждавшись издевательствами, они беззвучно соскальзывали на положение *объекта* столь же острых удовольствий для других.

Огромное государство с чудовищными вооружениями, с аппаратом насилия, дающим занятие миллионам, с идеологией, которая тоже есть не что иное, как насилие над разумом и совестью, существует в сущности для того, чтобы составить соответствующую оправу для *самодурства*. Самодурство оно распределяет между своими гражданами как высшее благо. Обуздайте самодурство — и вся система перестанет функционировать, как если бы ее шестерни и колеса засыпать песком.

Я говорю все это не для того, чтобы в очередной раз обвинить систему, уязвить ее побольней. Для своего разоблачения она старается больше, чем самые остроумные критики. Никто не опорочит ее так, как она сама. Надо только, чтобы развеялся морок, который она вокруг себя напустила, а он, кажется, начал рассеиваться.

Но сама эта легкость обличения готова превратиться в очередной соблазн, загораживающий выход. Создается опасная иллюзия, будто система настолько слаба, по крайней мере морально, что пальцем ткни — развалится. Система своей видимой абсурдностью как бы провоцирует на бурные эмоциональные всплески протеста, которые именно из-за своего преувеличенного оптимизма не могут завершиться ничем, кроме глухого отчаяния. Надо, наконец, получше узнать зверя, с которым приходится меряться силами. Своими абсурдностями система возбуждает, как противовес, сухой рационализм критики, быстро упирающийся при столкновении с ней в признание полного бессилия разума. На то она и система, чтобы провоцировать оппозицию себе под стать, то есть такую оппозицию, которая бы в конечном счете вписывалась в систему и из тарана обращалась в необходимую внешнюю подпорку. Она несокрушима, покуда замкнута. И весь вопрос в том, как ее разомкнуть, как выволочь на свет и сделать очевидными ее скрытые пружины.

Коварство системы состоит еще и в том, что она как бы наводит на такие методы анализа и оценки, которые никак не соответствуют ее сущности. Ведь больше всего у нас любят трубить о производстве, об экономическом планировании, о трудовом подъеме и достижениях. И вот критика принимается доказывать, что производство разваливается, что планы не выполняются, что никакого трудового энтузиазма в помине нет. Но вслед за этим приходится признать, что эти, казалось бы, катастрофические провалы не колеблют стабильность системы. Приходится признавать, будто *ей* все нипочем. *Ее* безмозглость как бы даже оттеняет отпущенное ей всемогущество: она может себе позволить глупые решения.

Тем легче система властвует над нами, тем проще отводит направленные на нее удары. «Да, это так,— говорят здравомыслящие люди, выслушав столь же здравомыслящую критику,— но что от этого меняется?» Возникает ощущение сверхчеловеческого могущества системы, которого она и добивается в жертвах, чтобы куражиться над ними.

Поэтому надо бы поостеречься применять к нашей ситуации привычные воззрения и схемы, ибо она поставила нас перед разновидностью социального зла, которая имеет больше отношения к демонологии, чем к социологии. Она, может быть, и не столь оригинальна, и не столь нова, просто ключи к ее пониманию затерялись среди новомодных социологических конструкций.

Все, что произошло и продолжает происходить в нашей стране, действительно, буквально уму непостижимо. Мы рассуждаем об экономике, о государстве, о правительстве, предполагая в них те же цели и тот же смысл, которые так или иначе, в той или иной степени сохраняются при любых социальных системах, в любом государстве и под руководством любых правительств. При любых режимах, какие знало, по крайней мере, новое западное человечество (а именно оттуда мы заимствуем инструментарий своих понятий), сфера политики достаточно четко отграничивалась от других. Государства и правительства имели прагматические цели, диктуемые обстоятельствами и направленные на удовлетворение потребностей всего общества или отдельных социальных групп в нем. Поэтому, выяснив для себя эти цели, можно проверять успешность или неуспешность их деятельности, делать прогнозы и т. д. Иначе говоря, можно заниматься тем, что в современном представлении связывается с профессией наблюдателя, эксперта.

Но ничего подобного нет у нас, где политика подмяла под себя и экономическую предприимчивость, и интеллектуальную инициативу населения. Государство и правительство превратились в самоцель. Они отстаивают свое право на произвол, уделяя населению по крупице от этого лакомства. По отношению к ним все остальное общество становится средством — средством для достижения цели, которой на самом деле вовсе и нет, ибо цель проявляется только тогда, когда государство служит обществу.

Государство вбирает в себя свободу, которая могла бы принадлежать людям. Общество туго запеленуто и именно для того, чтобы обеспечить возможности для беспрепятственного манипулирования им. Так обеспечивается своеволие, которое вознаграждает за всеобщее рабство. Возможность своевольничать в определенной области, которую тебе «доверили», есть высшая из привилегий наряду с правом питаться свежими продуктами и пользоваться нормальным медицинским обслуживанием. Можно сказать даже больше: все материальные преимущества, дарованные государством, не столько важны здесь сами по себе, сколько являются символами большей или меньшей причастности данного индивидуума к пиршеству власти, или, что то же самое, своеволия. На эту привилегию, по логике системы, обязаны быть устремлены всеобщие вожделения.

Господство своеволия может рассматриваться, следовательно, как подмена свободы в системе, исключающей свободу. Оно подобно раковой опухоли, возникающей как «естественная» реакция организма на аномальные условия развития.

Мы имеем дело с больным обществом, но болезнь его — прежде всего духовной, а не экономической и не социальной природы.

Перед нами система, которая не просматривается через экономические очки, потому что экономика играет в ней исчезающе малую роль. Она доказала — и не раз — свою способность сохранять прочность при экономическом развале. Такая система не может быть понята и социологическими методами, ибо назвать ее социумом было бы натянутой гиперболой. И экономика, и социология соотнесены с такими сферами бытия, которые полагают предел свободе и с которыми свобода считается, потому что в ней, в этой сфере, обретается хотя бы временная согласованность между объективными возможностями и субъективными желаниями. Своеволие же только субъективно, а к любой объективности оно относится, как норовистый конь к препятствию,— хочет перепрыгнуть. В перепрыгивании через экономические, социальные и всякие иные барьеры — можно сказать, самая суть своеволия. Даже более: без преодоления объективных преград феномен своеволия невозможен. Ведь это еще сам Сталин сказал: «Нет таких крепостей, которые не взяли бы большевики».

Чтобы выяснить, выигрывает ли система или нет в том или ином случае, нужно получившийся результат сравнить с предполагавшейся целью. Но если целью был произвол, с чем же сравнивать результаты? Условия для неограниченного самодурства столь же растяжимы, как и оно само. Экономические и социологические провалы тут не в счет, ибо система не скупится на жертвы. На худой конец, всегда есть возможность соврать, изображая и явный проигрыш — как выигрыш. Ведь заведомое вранье — тоже разновидность самодурства, причем из приятнейших. И действительно, есть особое удовольствие в том, чтобы молоть вздор, силой ли, хитростью ли понуждая публику не только не перечить, но внимать с почтительностью.

Ну а если, допустим, вся цель состоит в том, чтобы прожить сегодня в свое удовольствие, не отуманивая себя заботами о том, что станется завтра? Что если удовольствие и исчерпывается делириумом безответственности, когда внутренние тормоза бездействуют, а совесть в параличе? Кто может сказать выигрывает или проигрывает горький пьяница и развратник, проматывая свои последние деньги на

непотребства? Ведь цель его — не разориться, а хоть еще разок утолить тайную страсть к разгулу. В иных ситуациях он может проявить и настойчивость, и ловкость при добывании нужных сумм, может представиться малоосведомленному человеку страсть каким «реалистом» — и все же под конец спустит все до нитки.

Нет, не в социологии, не у Маркса и Парсонса следовало бы искать разгадку наших абсурдов, а у Федора Михайловича Достоевского, который обнаружил и проследил все изгибы, все тонкости и изощрения, присущие своеволию. Оставляю эту богатую тему до более подходящего случая.

«В порядке самокритики»

Фрагмент одной из последних передач

...Я чувствую себя некомфортабельно, когда воображаю, что кто-нибудь сейчас, читая «Противостояние духа», может поддаться концепциям, которые в данный момент, по моему мнению, нуждаются в коррективах.

...Примерно половину рукописи я написал еще в Москве. Отдельные ее части ходили в «самиздате» и в виде статей печатались за границей. Приходилось нести на себе тягостное бремя конспирации.

Неумолимо надвигалась эпоха, которую я назвал «безвременьем» и еще «стагнацией», то есть, если перевести на русский язык,— застоем. Закрадывалось в душу ощущение безнадежности. Во всяком случае, тогда казалось, что на наш век хватит и внукам еще достанется.

Смириться со всем этим не представлялось возможным. Слишком это было унизительно — прежде всего перед самим собой. Мне тогда виделся только один выход — во что бы то ни стало, не уступая ни пяди, не страшась личных жертв, вести себя так, как считаешь правильным. И чтобы выразить именно такое мироощущение, я поставил в виде эпиграфа к своей книге тост, с которого начинал наши бесконечные московские застолья,— «За успех нашего безнадежного дела».

...Как и многие интеллигентные москвичи моего круга, я в те годы увлекся чтением русских философов, принялся за изучение русской истории. Эти штудии легко приводили к выводу, что в духовной и политической истории, словно в заколдованном круге, все повторяется, что Россия — страна особая, неповторимая и в хорошем, и в дурном. Что вовсе не по воле случая она оказалась жертвой коммунизма.

Исторический и житейский опыт, казалось, не подкреплял надежд на модернизацию России. Единственное, за что представлялось практически возможным бороться, так это чтобы принудить власти хоть в какой-то мере считаться с принципами прав человека,— да и то опираясь не столько на общественное мнение внутри страны, сколько ища опоры за границей, в международном правозащитном движении. А вынашивать планы политических и социально-политических преобразований представлялось столь же опасным, сколь и бессмысленным.

...Затем мне было отпущено судьбой прожить как бы вторую жизнь. Я прибыл в Соединенные Штаты как раз в то время, когда заканчивался уотергейтский скандал.

Меня увлекла динамика американской политической жизни. Помимо политических передач по американскому телевидению, помимо газет, я все больше увлекался политологической литературой. Постепенно передо мной открылась изначальная простота, общепонятность — простонародность, если угодно,— демократии. Я оценил и усвоил взгляды современной американской гуманитарной науки, согласно которым нет рас, нет народов, которые были бы недостойны свободы или не готовы к ней.

В долгом, растянувшемся на годы споре с самим собой, читая и обдумывая прочитанное, я наконец пришел к выводу, что Россия ничем не хуже, но и не лучше других современных государств, что принимавшееся мною, как и многими другими, за ее специфику — это, в конечном счете, всего лишь трудности на пути к вестернизации и модернизации, скорее для нашего времени типичные, чем исключительные.

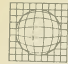
...Теперь время иное, события — отнюдь не инспирированные сверху — теснятся в историческом калейдоскопе. И этот опыт — лучше всякой иной школы демократии.

Но по ходу дела появляются и новые заблуждения, новые комплексы. И один из них — преувеличенный пиетет перед западными демократиями.

Конечно, не следует пренебрегать опытом и достижениями народов и государств, обогнавших Советский Союз в социально-политическом развитии. Нет никакой надобности заново приниматься за изобретение велосипеда. Но, с другой стороны, неверно было бы считать, будто на Западе уже осуществилась некая «демократическая утопия».

Утопии лучше оставить для романов...

«Демократия в действии». Радио «Свобода», февраль 1990 года

Следы чужих планет

Когда на Солнце выгорит весь водород, а это случится через пять миллиардов лет, то дальше начнет гореть гелий. Постаревшее светило начнет увеличиваться в размерах, его светимость увеличится в десятки тысяч раз. Такое новое амплуа продлится недолго — десяток-другой миллионов лет. Но и этого хватит, чтобы растопить и испарить массу далеких астероидов. Дело в том, что за планетными орбитами в нашей системе есть еще огромное скопление этих тел, так называемое облако Оорта. И именно в нем порождаются все прилетающие к Солнцу кометы.

Американские ученые из университета в штате Колорадо считают, что летучие соединения — вода, метан, аммиак, обнаруживаемые спектроскопически у других, уже стареющих звезд, возможно, свидетельствуют о наличии вокруг них таких же, как и у нас, скоплений астероидов, только уже испаряющихся. А так как астероиды, как принято думать, состоят из вещества, оставшегося «неиспользованным» при образовании планет, то газы вокруг далеких звезд, возможно, указывают на наличие там своих собственных планет.

Ветер и землетрясение

Американский метеоролог Д. Нимайес заметил, что экстремальные атмосферные явления, возникающие периодически над Тихим океаном около берегов Калифорнии, могут создавать эффект «спускового крючка» для множества подземных толчков средней силы. Ученый зарегистрировал случаи, когда через несколько месяцев после образования устойчивой области с высоким давлением над океанической акваторией в нескольких километрах от побережья сейсмическая активность нарастала. По-видимому, высокое атмосферное давление может вызывать усиление ветров или разбрызгивание океанической воды и изменения в уровне моря, что приводит к перераспределению давления в земной коре и «нажимает спуск» для резкой разрядки напряжения.

Азиатский гепард жив!

До сих пор считали, что азиатский гепард, животное с исключительно красивой шкурой, истреблен. Однако оказалось, что он существует на нашей планете — иранское информационное агентство сообщило, что в лесах недалеко от границы с Ираком было обнаружено пятнадцать азиатских гепардов. Кроме того, утверждают, что гепардов видели и в некоторых труднодоступных районах Индии.

Стеклянный жгутик

Инженерам одной японской фирмы удалось собрать в один пучок три тысячи отдельных стеклянных волокон и приспособить к линзе диаметром в 1,4 миллиметра. Предназначена эта новинка для медицинских целей: линзу вместе со стекловолокнами вводят в кровеносные сосуды, освещают их таким образом изнутри и рассматривают.

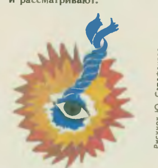

Рисунок Ю. Серафанова

Справедливости ради

Врачебная комиссия по трудовым вопросам в Норвегии настоятельно рекомендует ежегодный отпуск некурящим работникам увеличить на три дня. Исследования показали, что курильщики теряют на курении, по крайней мере, час в неделю, следовательно, работают на час меньше некурящих. Кроме того, тот, кто не курит, реже берет бюллетень. По мнению комиссии, будет справедливо, если некурящих вознаградят тремя днями дополнительного отпуска еще и потому, что они страдают от табачного дыма, выпускаемого курильщиками.

«Дитя озера»

Самое большое озеро Японии — Бива. Оно расположено в центральной части острова Хонсю. Его площадь 716 квадратных километров. К сожалению, оно медленно погибает. А причина, как и во многих других развитых странах,— сброс в воды озера промышленных и бытовых отходов. Борьба за спасение водоема началась еще десять лет назад.

Плавает сегодня по его водам судно «Дитя озера», построенное в 1983 году. Этот корабль — плавучая школа. Назначение ее — учить детей любить и уважать природу. Классная комната школы вмещает 200 ребят. В их распоряжении имеется ЭВМ. Три раза в неделю корабль совершает двухдневные экскурсии по озеру, и каждая из 525 школ префектуры получает возможность раз в году совершить это путешествие. До конца 1989 года судно совершило 645 рейсов, приняв на борт в общей сложности 117 820 детей. Знакомясь с флорой и фауной, дети попутно определяют и степень загрязнения воды в разных местах озера. Плавучая школа входит в программу по его спасению.

На снимках: изучение водоплавающих птиц и планктона в естественных условиях.

В. Хан-Магомедова

Вавилонское столпотворение, или Праздник искусства всех континентов

Кажется невообразимым сосуществование в одном экспозиционном пространстве ритуальных масок, скульптурных объектов, связанных с традиционными верованиями аборигенов, «песочных» картин, росписей на коре деревьев... и сверхсовременных инсталляций западных постмодернистов. Несоотносимо, несоизмеримо все — традиции, культура, социальные, экономические, политические отношения, религиозные воззрения, понимание искусства, восприятие мира.

Однако энтузиасты Национального музея современного искусства Центра Помпиду во главе с директором Ж-Ю. Мартеном решили презреть все табу и устроить экспозицию — небывалую, поистине первую в истории всемирную выставку — и, соединив несоединяемое, окончательно разрушить центристские амбиции и заблуждения европейцев.

Выставка под названием «Маги Земли» проходила летом 1989 года в Большом зале Ля Вийет и залах пятого этажа Центра Помпиду в Париже. Сегодня, когда каталог этой выставки появился наконец в Советском Союзе, мы имеем счастливую возможность познакомить нашего читателя с ее замечательными экспонатами. На ней были представлены произведения ста художников из сорока стран всех континентов. Это малагасийские, австралийские, китайские, японские, индейцев Америки, итальянские, американские, французские, африканские художники... Манифестация подобного масштаба еще не осуществлялась ни в одном городе мира.

Мы уже как-то привыкли к тому, что на крупнейших международных выставках все большее значение приобретает не само искусство, а громкие имена художников, влияние галерей, игры на художественном рынке. Ж.-Ю. Мартен нарушил эту традицию. В поисках художников устроители выставки исколесили весь земной шар, консультируясь с критиками, этнографами, историками. Среди неевропейских художников организаторы выбирали тех мастеров, которые наилучшим образом отразили собственные традиции, оригинально и изобретательно использовали культурный контекст. Таковы Бова Деви, Деоскодорес Максимилиано, Дж. Акпан, Бужемаа Лакдар. Западных художников выбирали за их интерес к неевропейским культурам (Ф. Клементе, М. Абрамович), за отражение в произведениях событий, проис-

1 2

3

4

5

7

1. Дж. Акпан (Нигерия). Погребальная скульптура (раскрашенный цемент). Художник без устали работает вместе с двумя учениками. И перед его мастерской и внутри нее — галерея портретов, которые либо «ожидают» своего заказчика, либо по какой-то причине вызвали неудовлетворение у мастера. Разнообразие типов, характеров, возрастов, но есть в них нечто общее — отрешенное выражение лица, иная, неземная сосредоточенность, спокойствие.

2. Г. Бьян-Эме (Гаити). Мастер Бича (разрезанное и приклепанное железо). В произведениях художника своеобразно преломляются местные традиционные и христианские образы.

3. К. Больтански (Франция). Свечи (различные металлы, свечи). Его искусство — размышление о памяти, о смерти в контексте нашей истории. С подлинным артистизмом и блеском художник воссоздает на поверхности наши наиболее потаенные и оккультные воспоминания — образы индивидуальной и коллективной памяти, обращаясь к самым «непрезентабельным» средствам — фотографии, игрушкам, одежде, предметам быта.

4. Бова Деви (Индия). Манаса. Богиня Змея (натуральные краски, гуммиарабик). Во многих индийских деревнях существует обычай: во время праздника женщины из высшей касты украшают свои дома фресками на религиозные сюжеты. Основываясь на этой традиции, Бова Деви на протяжении десяти лет развивала свой собственный стиль, изобретая знаки, символы, оригинальные композиции, и утвердила себя как художник именно в западном понимании.

ходящих в странах Третьего мира (Х. Хаак, Дж. Бальдессари), а также... за их «незападное» происхождение (Он Кавара, Н. Дж. Пайк, Ш. Хоушиари).

По замыслу авторов проекта, выставка должна была разбить определенные стереотипы в отношении европейца к неевропейскому искусству. Ведь если художник-неевропеец занимается живописью, то утверждают, будто он «тащится в хвосте» у западных творцов. Когда он делает нечто традиционное, говорят, что это ремесленный или этнографический объект. Создает примитив — заявляют, что он копирует модели, смысла которых не ухватил. Если же придумывает нечто «современное», его упрекают в утрате культурной идентичности и т. д. И во всех случаях, когда неевропейские художники продают свои произведения, с целомудренным негодованием восклицают, что художники гонятся за деньгами и делают коммерческие вещи.

Выставка же выявила не только самоценность неевропейских художников, но и их способность, сохраняя верность ритуальному, обрядовому духу искусства, органично встраиваться в западные формы.

Экспозиция предоставила возможность посмотреть новыми глазами на творчество незападных художников и общий контекст современного искусства: создалось захватывающее зрелище взаимных пересечений, диалогического созвучия западных и незападных смыслов. В огромном зале Ля Вийет картины «на песке» и «на земле» индейцев, гаитянцев, австралийских аборигенов соседствовали с произведениями западных художников. И вдруг «Красный земляной круг» Р. Лонга рядом с живописью «на земле», исполненной священными травами, наполнился глубочайшим религиозным смыслом. И стало понятно высказывание марокканского художника Бужемаа Лакдара: «Искусство — это загадочная молитва перед Абсолютом, созданная знаками и символами, которые являются выражением магической прозрачности Вселенной».

Искусство выставки «Маги Земли» рождало особое чувство соприкосновения с подлинным, являло некое совершенное воплощение духа. Казалось, оно вобрало в себя всю силу предков, глубоких традиций, древних верований, магию и религию. Необычайно раздвинулись и его границы — искусство слилось с чистым, цельным, искренним восприятием жизни, самых ее основ.

Может быть, наиболее точно идею выставки и ощущения, ею рождаемые, выразил мексиканский индеец Дон Хуан. Он сказал: «Поскольку Земля и человек — чувствующие существа, их эманации совпадают, точнее, у Земли есть все эманации, присутствующие в человеке, и все эманации, присутствующие во всех чувствующих существах, как органических, так и неорганических».

Это восприятие Земли как «чувствующего существа» было присуще многим работам на выставке, а потому и название ее — «Маги Земли» — приобрело особое звучание, сокровенный смысл.

8

9

10

11

12

13

5. Т. Крэгг (Англия). Европейский культурный миф (пластмасса).
6. Кане Квеи (Гана).

Мерседес (расписанное дерево).
Художник делает гробы самых различных форм — в соответствии с профессией умершего: гигантская луковица, орел, пирога и даже мерседес (для владельца таксомоторного парка).
7. Б. Лахдар (Марокко). Стол-орел (дерево, кожа, расписанная восковая паста, кости, живопись, перламутр).
Художник, директор Музея традиционного искусства, он живет в небольшой деревне Эссаонира, которая издавна специализируется на производстве мебели (маркетри)

8. Н. Мориссо (Канада). Дар (акрил на бумаге крафт).
В искусстве художника причудливо переплетаются христианские элементы с индейской мифологией. Главная идея — шаманическая трансформация людей в животных. Странные существа его очерчены черными линиями, символизирующими могущество; их интенсивность указывает на степень этого могущества.

9. Эстер Малангу (Южная Африка). Роспись дома художницы в Мабхоко. Чрезвычайно своеобразно врывается цивилизация в искусство южноафриканских женщин. В традиционные росписи домов женщины деревни Квандебебе включают телефон, телевизор, электрические лампочки и т. п.

10. Эфьямбело (Мадагаскар). Алоало (расписанное дерево). Тонко вырезанные из дерева и расписанные столбы — мемориальные памятники, на вершине которых на специальной платформе помещена вещь, символизирующая увлечение, род занятий умершего: самолет, автобус, а иногда и целые сценки со многими действующими лицами.

11. Д. Максимилиано («Мастер Диди») (Бразилия) Дух дерева.
Он не только художник, но и главный жрец религиозного общества, посвященного культу предков. Его произведения — воплощение душ растений, деревьев, божеств. Конечно, это прежде всего ритуальные объекты. Особую одухотворенность и трепетность придают им весьма недолговечные материалы — пальмовые листья, жемчужины, раковины, кожа.
12. И. Кабаков (СССР). Человек, который вылетел в пространство из своей квартиры. Фрагмент инсталляции.
13. Дж. Фунди (Мозамбик). Дух внутри головы (эбеновое дерево).
«Все мои работы, — говорит художник, — связаны с историями, которые являются ночью. А потом я леплю эти фантастические образы».